

ДЕТЕКТИВ-БЕСТСЕЛЛЕР XXI

ЮССИ АДЛЕР-ОЛЬСЕН

БЕЗ
ПРЕДЕЛА

Отдел Q

Юсси Адлер-Ольсен
Без предела

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Адлер-Ольсен Ю.

Без предела / Ю. Адлер-Ольсен — «Эксмо»,
2014 — (Отдел Q)

ISBN 978-5-04-091076-2

Никто не мог ожидать такого от Кристиана Хаберсота, офицера полиции с датского острова Борнхольм! В день своего торжественного ухода на пенсию, после непродолжительной речи, он на глазах у всех, кто пришел на его прощальную вечеринку, достал пистолет и пустил пулю себе в голову. Никто из гостей не знал, что накануне Хаберсот отправил письмо вице-комиссару Карлу Мёрку, начальнику отдела «Q» полиции Копенгагена, в котором написал: «Отдел “Q” был моей последней надеждой. Больше я не вынесу»...

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-091076-2

© Адлер-Ольсен Ю., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Благодарности	6
Пролог	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	55
Глава 10	58
Глава 11	64
Глава 12	67
Глава 13	75
Глава 14	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Юсси Адлер-Ольсен

Без предела

Jussi Adler-Olsen
Den Grænseløse

© Jussi Adler-Olsen 2014 by agreement with JP/Politikens Hus A/S, Denmark & Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Жиганова В. В., перевод с датского языка, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Благодарности

Спасибо моей супруге и родной душе, Ханне, за неизменную поддержку на протяжении длительной работы над детективной серией об отделе «Q». Спасибо Хеннингу Куре за предварительную редактуру, исследование солнечных культов и свежие идеи. Спасибо Элисабет Алефельдт-Лаурвиг за находчивость и помощь в сборе фактического материала. А также спасибо Эдди Кирану, Ханне Петерсен, Мику Шмальстигу и Карло Андерсену за внимательное и пристрастное ознакомление с текстом, и огромная благодарность моему редактору Анне С. Андерсен за плодотворное сотрудничество.

Благодарю Лене Йууль и Шарлотте Вейсс из издательства «Политикен» за безграничное терпение.

Благодарю Хелле Скоу Вачер за быстрое информирование читателей о ходе работы над книгами. Спасибо Гитте и Петеру К. Раннес и Датскому центру авторов и переводчиков «Хальд» за возможность осуществлять творческий процесс в благотворной обстановке. Выражаю благодарность Сёрену Пилмарку за чудесную организацию моего пребывания на Борнхольме. Еще раз спасибо Элисабет Алефельдт-Лаурвиг за предоставленную нам с Хеннингом Куре возможность обмена мыслями в спокойной обстановке в Темпелькрогене.

Благодарю комиссара полиции Лайфа Кристенсена за поправки, касающиеся работы полиции.

Спасибо коллегам Карла Мёрка из полиции Рённе за отличный прием и организацию брифинга на тему работы полицейских на Борнхольме: главе полиции Петеру Мёллеру Нильсену, прокурору Мартину Граверсену, следователю Яну Крагбэку и вице-комиссару полиции Мортену Брандборгу и всем остальным замечательным сотрудникам.

Говорю спасибо Свену Оге Кнудсену из Круглой церкви Эстерлара. Спасибо персоналу Народной школы Борнхольма за теплый прием, экскурсию и вкуснейшие тефтели: бухгалтеру Марианне Кофозд, завхозу Йоргену Кофозду, главному повару Карен Прэториус, отдельное спасибо бывшим руководителям школы, супругам Бенте и Карстену Торборг за уютный и чрезвычайно полезный по части полученных сведений вечер.

Благодарю Карен Нёррегорд и Анетте Эллебю из центра культуры Листеда за вдохновляющую беседу и экскурсию. Спасибо Поулю Йоргенсену, хозяину стекольной мастерской «Кастлёса Гласхютта» в Мёрбюлонге, за гитару для исполнения тяжелого рока и за то, что посвятил меня в тайны и загадки плато Альварет.

Выражаю признательность Йохану Даниэлю («Дану») Шмидту за создание замечательных клонов моего старого компьютера и подслащивание моего IT-бытия. Спасибо Нене Ларсен за молниеносную курьерскую связь с Барселоной. Спасибо моему агенту из Германии Беатрис Хаберсот за разрешение использовать ее фамилию в моем произведении. Спасибо Петеру Микаэлю Поульсену, шкиперу патрульного судна «Дядя Сэм», за согласие «подменить имена». Спасибо Кес Адлер-Ольсен за то, что познакомила меня с киноциклом «Дух времени». Благодарю Бенни Тёгерсена и Лину Пиллора за то, что предоставили мне прекрасные рабочие условия в Швеции.

Выражаю признательность Арне и Аннетте Меррильд и Олафу Слотт-Петерсену за поддержание оптимистичного настроения в Барселоне, последнему отдельное спасибо за рассказ о гипнотическом опыте.

Спасибо Якобу Вэренсу и Стену Риберфельту из АО «ГерманСолар Денмарк» за неоценимую помощь в разъяснении технических вопросов и неиссякаемую фантазию в деле конструирования солнечных батарей, оценки их потенциальной эффективности и альтернативного применения.

Спасибо Катрин Бойсен из Осло за то, что поделилась со мной своим неистощимым жизнелюбием. От нее многому стоит поучиться.

*Посвящается Вибсен и Элисабет, двум мужественным
женщинам*

Пролог

20 ноября 1997 года

Вокруг преобладали серые тона. Мерцающие тени и прозрачная темнота словно окутали ее теплым одеялом.

Во сне она покинула тело и парила в воздухе, как птица... нет, еще невесомее – как бабочка. Как зыбкое пестрое произведение искусства, явившееся в мир, чтобы вызывать радость и восторг. Как невесомое создание, которое, рассеивая вокруг себя волшебную пыль, трепещет между небом и землей и призывает мир к бесконечной любви и ликованию.

Она улыбнулась от этой мысли, столь прекрасной и чистой.

Бесконечная чернота над головой грозила заглушить неровное сверкание, словно источаемое мерцающими звездами. Приятное, щекочущее, это сверкание, кажется, порождало ветер и шепот листвы.

Она не могла пошевелиться, да и не хотела. Ведь в таком случае она очнется ото сна и вдруг очутится в реальности, а значит, вернется боль – кто же этого захочет?

Перед ней открылось множество картин из давних наполненных жизнью времен. Вот они с братом прыгают с песчаных склонов, а родители кричат, чтобы они перестали. «Прекратите!» – кричат они.

Все прекратите да прекратите... С чего бы? Разве не среди дюн она впервые ощутила себя свободной?

Она улыбнулась, когда ровные световые конусы скользнули ей под ноги потоком морского свечения. Сама она никогда не наблюдала явление морского свечения, но, по ее представлениям, именно так оно и должно было выглядеть. Морское свечение, или жидкое золото глубоководных долин...

На чем она там остановилась?

Кажется, на мысли о свободе... Да-да, именно так, ибо она еще никогда не чувствовала себя настолько свободной, как в этот момент. Бабочка, она принадлежит только самой себе. Легкая, в окружении замечательных людей, которые никогда не ругают ее. Повсюду ее поддерживают руки и подталкивают вверх, желая ей лишь добра. Слышатся воодушевляющие звуки песен, которых она не пела никогда прежде.

Она вздохнула и улыбнулась, позволяя потоку мыслей проникнуть глубоко в сознание и затем кануть в небытие.

Потом вспомнила – школа, велосипед, морозное утро и стучащие от холода зубы.

В тот миг, когда перед ней распахнулась реальность и сердце наконец сдалось, она вспомнила шум двигателя сбившего ее автомобиля, хруст ломающихся костей, ветви дерева, схватившие ее, встречу, которая...

Глава 1

Вторник, 29 апреля 2014 года

– Эй, Карл, проснись! Снова звонит телефон.

Карл Мёрк сонно взглянул на Ассада – тот словно вырядился в желтый карнавальный костюм. Вообще-то, до того как Ассад с утра пораньше приступил к покраске стен, его рабочий комбинезон был белым, а кудрявая башка – черной, и если стенам впоследствии досталось хоть немного краски, это стоило признать настоящим чудом.

– Ты прервал самый сложный ход моей мысли, – возмутился Карл, нехотя спуская ноги со стола.

– О! Извини. – На обросшей щетиновыми джунглями физиономии Ассада наметились две морщинки, свидетельствующие о подобии улыбки. Черт его поймет, что выражали эти довольные круглые глаза... Возможно, легкую иронию?

– Ну да, Карл, я прекрасно понимаю, ты вчера чуть припозднился, – продолжил Ассад. – Только вот Роза беснуется, когда ты так долго не берешь трубку. Так что, будь добр, подойди в следующий раз к телефону, а?

Мёрк перевел взгляд на резкий поток света, льющийся через подвальное окно.

«Уф... сигаретный дым наверняка приглушит пронзительную яркость», – подумал он, потянувшись за пачкой сигарет и задирая ноги на стол, как вдруг телефон снова затрезвонил.

Ассад настойчиво ткнул пальцем в аппарат и выскользнул из кабинета. Близкое соседство с двумя дотошными коллегами начинало угрожать чертовым надзором.

– Карл, – зевая, представился он, положив трубку на стол.

– Алло! – прозвучало из телефона.

Он нехотя поднес трубку к губам.

– С кем я говорю?

– Это Карл Мёрк? – послышался певучий борнхольмский выговор.

Не сказать, чтобы Карл испытывал сердечный трепет при встрече с данным диалектом – что-то типа невнятного шведского с множеством грамматических ошибок, и говорили на нем исключительно на крошечном острове Борнхольм.

– Да, я Карл Мёрк, разве я только что не представился?

С другого конца трубки донесся вздох, прозвучавший почти как облегчение.

– Вы говорите с Кристианом Хаберсотом. Мы с вами встречались целую жизнь назад, так что вы наверняка меня не помните.

«Хаберсот? С Борнхольма?» – попытался вспомнить Карл.

– Ну-у... кажется... – Он замялся.

– Я работал в полицейском участке в Нексё, когда вы с вашим начальником несколько лет назад приезжали к нам, чтобы забрать в Копенгаген осужденного.

Карл покопался в своих мозгах. Он прекрасно помнил транспортировку преступника, но вот был ли тогда Хаберсот?

– Ну-у, да-а... – промямлил он и потянулся за сигаретами.

– Простите, что отвлекаю вас, но, может, у вас найдется минутка, чтобы меня выслушать? Я прочитал, что вы только что расправились с очень сложным делом о цирке в Беллахой. Примите мои поздравления в связи с этим, хотя, вероятно, тот факт, что преступник совершает самоубийство до суда, весьма удручает...

Карл пожал плечами. Роза действительно была расстроена таким развитием событий, но сам Мёрк испытывал полное равнодушие. Так или иначе, в мире стало одним подонком меньше.

– О'кей, то есть вы звоните не в связи с этим делом? – Он прикурил сигарету и откинул голову назад. Часы показывали всего лишь полвторого, рановато для стопроцентного выполнения дневной нормы по табачному рациону. Возможно, стоит пересмотреть нормативы.

– И да, и нет. Я звоню и в связи с этим делом, и в связи со всеми остальными, которые вы блистательно раскрыли на протяжении последних нескольких лет, что не может не впечатлять. Как уже сказал, я работаю в полиции Борнхольма и в данный момент служу в Рённе, но, слава богу, завтра выхожу на пенсию. – Собеседник попытался рассмеяться. – Времена изменились, и мне тут теперь не так уж и здорово. Конечно, это можно сказать про всех нас, но каких-то десять лет назад я еще мог похвастаться тем, что знаю досконально обо всем, что происходит в центральной части острова и на восточном побережье... Ну, вот поэтому-то я и позвонил.

Мёрк уронил голову на грудь. Если этот человек рассчитывает повесить им на шею очередное дело, пусть притормозит. По крайней мере, он, Карл, не желает вести расследование на острове, основной специализацией которого является копчение сельди и который территориально располагается гораздо ближе к Польше, Швеции и Германии, чем к Дании.

– Вы звоните, чтобы мы помогли рассмотреть какое-то дело? Если так, боюсь, мне придется отправить вас к моим коллегам с верхних этажей. Внизу, в отделе «Q», у нас и так слишком много работы.

На другом конце провода повисла тишина. Затем собеседник разорвал соединение.

Карл в недоумении посмотрел на трубку, прежде чем швырнуть ее на место. Если этого идиота настолько легко отшить, значит, он и не заслужил ни черта иного.

Качая головой, Мёрк еще не успел сомкнуть веки, как чудо техники вновь заверещало.

Он сделал глубокий вдох. Есть же люди, которые не мытьем так катаньем должны добиться своего...

– ДА! – заорал полицейский в телефон. Возможно, оглушительный крик заставит придурка снова бросить трубку.

– Ой, Карл?! Ты ли это?

Он рассчитывал услышать совсем другой голос...

Карл нахмурился.

– Мама, это ты? – осторожно спросил он.

– У меня сердце в пятки уходит, когда ты так ревешь! У тебя что, горло болит, дорогой?

Карл вздохнул. Уехав из дома больше тридцати лет тому назад, с тех пор он имел дело с маньяками, сутенерами, поджигателями, убийцами и чередой трупов разной степени разложения. В него стреляли. Разбили ему обе челюсти, запястье, личную жизнь и все амбиции добропорядочного представителя среднего класса. Тридцать лет назад он отряхнул с сапог землю и раз и навсегда сказал себе, что отныне сам распоряжается собственной жизнью и что советы родителей можно принимать, а можно и не принимать, на собственное усмотрение. Какого же дьявола могло получиться так, что одной-единственной фразой мать заставила его вновь почувствовать себя младенцем?

Карл потер глаз и слегка выпрямился в кресле. День предстоит долгий.

– Нет, мам, я в порядке. Просто у нас тут рабочие орудуют, так что ничего не слышно.

– Ясно. А я ведь звоню тебе по очень печальному поводу...

Карл сжал губы и попытался угадать настроение матери. Голос ее звучит расстроено... Неужели в следующую секунду она сообщит ему о том, что умер отец? А он, Карл, ведь не навещал их уже больше года...

– Папа умер? – наконец рискнул спросить он.

– Боже упаси, да нет же. Ха-ха. Он сидит рядом и пьет кофе. Только что вернулся из хлева, резал поросенка... Нет, речь идет о твоём кузене Ронни.

Тут Карл спустил ноги со стола.

– Ронни?! Умер?! Как?!

– Преставился в Таиланде совершенно неожиданно, прямо во время сеанса массажа. Правда, жуткая новость для такого прекрасного весеннего денька?

В Таиланде во время какого-то массажа, сказала она... Ну конечно, чего же еще можно было ожидать от Ронни?

Карл подыскивал сколь-нибудь приличный ответ. Потому что первым делом сам собой напрашивался ответ не вполне приличный.

– Да уж, ужасно, – наконец нашелся он, пытаясь избавиться от мыслей о неприглядно раздувшемся теле кузена, который наконец-то принял более-менее безобидный вид.

– Сэмми завтра вылетает туда, чтобы перевезти тело и имущество. Лучше уж пристроить вещи в родном доме, прежде чем все разлетится непонятно куда, – пояснила она. – Сэмми всегда был очень практичен.

Карл кивнул. Как только братец умершего Ронни брался за дело, на повестке дня возникала настоящая грубая сортировка по-ютландски. Все плевелы – в яму, все зерна – в сундучок.

Карл представил себе верную супружницу Ронни. В принципе, эта миниатюрная тайка была не робкого десятка и заслуживала гораздо большего, однако, раз уж Сэмми нацелился туда поехать, едва ли ей перепадет что-то кроме пары трусов с китайскими драконами. Так уж устроен наш мир.

– Мама, Ронни был женат. Мне кажется, Сэмми не может рассчитывать вот так запросто разжиться чем-то из его имущества.

Она рассмеялась.

– Ах, ты ведь знаешь Сэмми, он справится. Пробудет там дней десять-двенадцать... Конечно, когда отправляешься в такую даль, почему бы заодно не погреть на солнышке ляжки, – так он сам сказал, и с ним не поспоришь. Ловкий парень твой кузен Сэмми.

Карл кивнул. Единственным существенным различием между Ронни и его младшим братом Сэмми являлись три согласных и один гласный в имени. Никто из жителей северных фьордов не сомневался в их родстве, ибо они были похожи, как две капли соплей. Если какому-нибудь режиссеру вдруг потребуется подыскать исполнителя на роль хвастливого, эгоцентричного и абсолютно лицемерного хлыща в безвкусной рубашке, то, конечно же, первым делом стоит предложить кандидатуру Сэмми.

– Похороны назначены в Брёндерследе на десятое мая. Приятно будет с тобой повидаваться, мальчик мой, – продолжала матушка.

И пока ее предсказуемый рассказ о повседневной жизни североютландской крестьянской семьи крутился вокруг свиноводства, хруста в бедрах у отца, привычного пережевывания косточек политиков из Кристиансборга и еще кое-каких удручающих тем, Карл размышлял о неприятном содержании последнего мейла, полученного от Ронни.

Это письмо явно представляло собой угрозу и не на шутку встревожило и расстроило Карла. В какой-то момент он даже пришел к выводу, что Ронни рассчитывает шантажировать его этим вздором. Ха, разве его кузен не был способен на такое? И разве ему хоть когда-то хватало денег?

Карлу это совершенно не понравилось. Неужели ему вновь придется иметь дело со смехотворным обвинением? Да это абсолютный нонсенс. Но, проживая в стране сказочника Андерсена, можно предположить, что вскоре крохотная муха вырастет до размера пяти слонов. И эти пять слонов были ему совершенно некстати на столь ответственном посту, да еще и под начальством Ларса Бьёрна.

Ронни, проклятье... что он там задумал? Придурок уже несколько раз гаркнул во все горло о том, что собственноручно прикончил своего батюшку, и в его говорливости не было ничего хорошего. Но еще дряннее было то, что он и Карла измазал в дерьме, публично объ-

явив, что тот помог ему убить отца во время похода на рыбалку. Кроме того, в пресловутом последнем мейле Ронни сообщал: он увековечил эти события в литературной форме и собирается издать книгу.

С тех пор Карл больше ничего не слышал. Но вообще-то история была жутко неприятной, и стоило поскорее развязаться с ней теперь, когда Ронни мертв.

Мёрк снова потянулся за сигаретами. Несомненно, ему необходимо присутствовать на похоронах. Там, вероятно, станет ясно, удалось ли Сэмми заставить жену брата поделиться кое-чем из наследства. Некоторые другие истории подобного рода заканчивались применением силы; естественно, и теперь стоило рассчитывать на такой же исход. Однако крошка Тингелинг, или как там зовут супругу Ронни, кажется, сделана из другого, более качественного, теста. Она, конечно, отстоит то, что ей причитается, дабы имущества хватило на черный день, а от остального откажется. В том числе, возможно, и от реализации заявленных литературных амбиций Ронни.

Нет, Карл совершенно не удивится, если Сэмми посчастливится притащить с собой текстовые наброски. В таком случае надо будет прикарманить их, пока они не пойдут в их семействе по рукам.

– Ронни в последнее время прямо-таки разбогател, Карл, ты в курсе? – чирикала мама где-то на заднем плане.

Мёрк поднял брови.

– Вот как, правда? Ну, тогда следует исходить из того, что он приторговывал наркотиками. Ты абсолютно уверена, что Ронни не закончил жизнь в петле за толстыми стенами тайской тюрьмы?

Она рассмеялась.

– Уф-ф, Карл, перестань. Впрочем, ты всегда был весельчаком.

* * *

Спустя двадцать минут после звонка борнхольмского полицейского на пороге возникла Роза, с плохо скрываемым отвращением разгоняя клубы табачного дыма.

– Карл, ты разговаривал только что с офицером полиции Хаберсотом?

Карл пожал плечами. В данный момент его мысли были заняты совсем не этим несостоявшимся диалогом. Кто его знает, что там Ронни про него настроил...

– Тогда взгляни. – Она бросила на стол листок бумаги. – Я получила этот мейл пару минут назад. Может, тебе следует перезвонить автору?

Распечатанное письмо состояло из двух предложений, которые способствовали воцарению в офисе подавленной атмосферы на весь остаток дня.

Отдел «Q» был моей последней надеждой. Больше я не вынесу.

К. Хаберсот

Карл взглянул на Розу, которая стояла и качала головой – в точности шекспировская «строптивая» Катарина. Ему совершенно не нравилась такая манера, но, принимая во внимание Розин темперамент, это был не худший вариант. Мёрк предпочитал получить от нее две оплеухи в полной тишине, чем две минуты выслушивать ее ворчания и пререкания. Так уж сложились их взаимоотношения, и, как бы то ни было, Роза нередко испытывала глубочайшее уныние, хотя – зачастую – до дна ей было еще погружаться и погружаться.

– Вот это да! Но поскольку мейл получила ты, Роза, сама и разбирайся. А потом можешь рассказать мне, что в итоге получилось.

Она сморщила нос, так что едва не потрескалась обильно нанесенная на ее лицо штукатурка.

– Можно подумать, я не знала, что ты так скажешь! Поэтому я, естественно, немедленно перезвонила ему, но наткнулась на автоответчик.

– Хм-м... В таком случае, видимо, ты оставила сообщение о том, что перезвонишь позже?

Стоило Розе кивнуть, как над головой у нее повисла черная туча – и, кажется, надолго застряла на этом месте.

Оказывается, она звонила пять раз, но мужчина так и не ответил.

Глава 2

Среда, 30 апреля 2014 года

Обычно выход сотрудников на пенсию отмечали в отделении полиции Рённе в стенах самого участка, однако Хаберсот не захотел последовать примеру остальных. С тех пор как была проведена новая полицейская реформа, его удачное тесное взаимодействие с местными жителями и вообще все действия, осуществляемые им на восточном побережье острова, трансформировались в бесконечные мотания с востока на запад и обратно. Неожиданно в работу вмешался бесконечный рутинный процесс принятия бесполезных решений на протяжении всей цепочки – от момента совершения преступления до момента, когда начинали предприниматься хоть какие-то серьезные шаги по раскрытию. Время оказывалось потеряно, следы стирались, преступник сбегал.

– Настало настоящее раздолье для всяких пройдох, – всегда повторял Хаберсот, как будто кто-то собирался его слушать.

Поэтому он ненавидел общественное развитие, как на государственном, так и на локальном уровне, и коллеги, которые, встраиваясь в систему, ничего не знали ни о нем, ни о сорокалетнем периоде его беспорочной службы, уж точно не должны были оказаться на его прощальном вечере, чтобы стоять как стадо баранов и делать вид, что они его чествуют.

Следовательно, он решил устроить мероприятие по случаю выхода на пенсию без особого размаха, в Доме собраний в Листеде, всего в шести сотнях метров от собственного жилья.

Учитывая то, что именно Хаберсот планировал совершить в связи с данным событием, такой прием нужно было организовать как можно скромнее во всех смыслах.

На мгновение он остановился перед зеркалом и оглядел свой парадный мундир, заметив складки, образовавшиеся на ткани за время хранения. Осторожно и неловко разложив на гладильной доске брюки, которые он никогда прежде даже не пытался вывернуть наизнанку, Хаберсот скользнул взглядом по помещению, которое некогда представляло собой теплую и оживленную семейную гостиную.

С тех пор минуло почти двадцать лет; прошлое беспокойным рыщущим зверем пробиралось сквозь многотонные кучи хлама и мусора, до которых никому не было дела.

Хаберсот покачал головой. Оборачиваясь к прошлому, он словно не понимал сам себя. Почему он позволил всем этим разноцветным канцелярским папкам завладеть полками вместо обычных книжек? Почему все горизонтальные поверхности были запружены множеством фотокопий и газетных вырезок? Почему он посвятил всю свою жизнь работе, а не людям, которые когда-то его любили?

И все же он понимал.

Склонив голову, Хаберсот попытался дать выход эмоциям, охватившим его на мгновение, но слезы не пришли – возможно, потому, что они иссякли давным-давно. Ну да, конечно, он знал, почему все случилось так, как случилось. Иначе и быть не могло.

Затем он глубоко вздохнул, разложил мундир на обеденном столе и вытащил дорогую сердцу фотографию в потертой рамке, как делал сотни раз прежде. Если б он только мог вернуть потраченные впустую дни... Если б мог переделать свою сущность и изменить важные решения, в последний раз ощутить близость жены и уже взрослого сына...

Хаберсот опять вздохнул. В этой комнате на диване он занимался любовью с красавицей-женой. На этом самом ковре возился со своим сыном, когда тот был совсем малышом. Здесь же начались скандалы, здесь же его утрюмость возникла и усугубилась. В той же самой гостиной жена в конце концов плюнула ему в лицо и раз и навсегда оставила его наедине с сознанием того, что какое-то банальное дело вырыло яму для его счастья.

Ну да, когда разлад только начинался, он оказался выбит из колеи и погрузился в почти постоянное уныние, но даже тогда не смог бросить расследование злополучного дела. Да, к сожалению, так получилось, и на то были свои причины...

Хаберсот поднялся. Похлопал по одной из стопок с заметками и вырезками, опорожнил пепельницу и вынес мусорное ведро, наполненное скопившимися за неделю грохочущими консервными банками. Напоследок в очередной раз проверил, не осталось ли чего во внутренних карманах и хорошо ли теперь сидит мундир.

Затем открыл дверь.

* * *

Несмотря ни на что, Хаберсот все-таки ожидал, что на прием соберется чуть больше народу; что, уж по крайней мере, придут те, кому он некогда помогал преодолеть тяжелые периоды в жизни, те, кого предостерегал от возможной несправедливости и от проявления неблагоразумия при исполнении служебных обязанностей. В любом случае, он рассчитывал увидеть нескольких старых коллег из структур правопорядка Нексё, уже вышедших на пенсию, а может, даже кого-то из граждан, которые на протяжении долгого периода олицетворяли, как и он сам, высшие инстанции в этом маленьком социуме. Однако увидел только председателя гражданского совета и заместителя аудитора, главу полиции с ближайшими подчиненными, а также председателя Полицейской ассоциации – все они явились по долгу службы, – да плюс пять-шесть человек, которых пригласил лично. А потому он отказался от произнесения длинной речи и решил действовать в соответствии с ситуацией.

– Спасибо, что вы пришли сюда в это прекрасное солнечное утро, – сказал Хаберсот и кивнул старому соседу Сэму, тем самым дав знак, что тот может включать камеру. Затем разлил белое вино в пластиковые стаканы, насыпал арахис и чипсы в алюминиевые лотки. Никто даже не вызвался помочь ему.

Выступив на шаг вперед, он призвал собравшихся поднять стаканы. Пока все выстраивались вокруг него, он осторожно опустил руку в карман и проверил пистолет.

– Ура, господа, – с этими словами Хаберсот кивнул каждому из присутствующих. – Вижу перед собой прекрасные лица в последний день, – с улыбкой продолжал он. – Несмотря ни на что, вы здесь, и большое вам за это спасибо. Вы ведь знаете, через что мне довелось пройти, знаете, что когда-то я был таким же, каких большинство в нынешней полиции. Я уверен, те из вас, кто еще не совсем развалюхи, помнят меня как тихого и спокойного парня, который словами мог выманить разбитую бутылку из кулака рыбака, фонтанирующего адреналином. Не так ли?

Сэм у камеры вытянул руку с поднятым большим пальцем, но лишь один человек из собравшихся сдержанно кивнул. И все же тут и там потупившиеся взгляды выражали молчаливое согласие.

– Конечно, мне жаль, что впоследствии я прославился лишь тем, что палил свечу с обоих концов ради безнадёжного дела, и в конце концов это уничтожило мою семью, а также пагубно сказалось на дружеских связях и унесло мою жизнерадостность. Я хотел бы извиниться за то, что так сложилось, и за мою многолетнюю меланхолию. Нет, мне надо было вовремя остановиться. Простите меня еще раз.

Он повернулся к начальству, улыбка его исчезла сама собой, а пальцы сжали рукоятку пистолета в кармане.

– А вам, коллеги, хотелось бы сказать: вы совсем недавно пришли в свои кабинеты, так что лично вас я не могу обвинить в своих неприятностях. Вы делаете свою работу безупречно, двигаясь в том направлении, какое диктуют вам неразумные политики. Однако многие ваши предшественники из иной эпохи подставили отсутствием поддержки не только

меня, но и молодую женщину, демонстрируя полное равнодушие и вопиющую непредусмотрительность. В связи с этим предательством я высказываю свое презрение по отношению к той системе, на страже которой вы теперь призваны стоять; к системе, которая не в состоянии справиться с полицейскими задачами, а ведь их решение находится под нашей ответственностью. На сегодняшний день имеет значение только статистика, а не то, насколько глубоко копают следователи, чтобы добраться до сути. И я объявляю вам: будь я проклят, если когда-нибудь был готов мириться с подобной ситуацией.

От представителя Полицейской ассоциации послышалось несколько негромких возражений – что, мол, пусть и будет проклят, – кое-кто упрекнул оратора в неуместной для данного дня интонации.

Хаберсот кивнул. Они правы. Интонация и впрямь была неуместной, как и бо́льшая часть его речей, которыми он на протяжении многих лет прожужжал им все уши. Но теперь все закончится. Сейчас будет поставлена точка и свершится поступок, который его коллеги не забудут никогда. И как ни трудно было ему осуществить задуманное, роковой момент настал.

Рывком он выхватил из кармана пистолет. Стоявших ближе к нему людей словно ветром сдуло.

На короткий миг Хаберсот зафиксировал страх и ужас, охвативший начальников, когда он направил оружие на них.

И наконец он сделал это.

Глава 3

Ночь прошла примерно так же, как обычно, а потому Карл начал рабочий день с того, что закинул ноги на стол в намерении подремать.

После распутывания дел последних месяцев наступил период господства мешанины противоречивых чувств. В личном плане это были жуткие зимние месяцы, да и на профессиональном поприще, учитывая непреклонно растущее на протяжении почти трех лет нежелание подчиняться громогласному авторитету Ларса Бьёрна, особых поводов для радости не было. А тут еще Ронни и полная неизвестность относительно его проклятого сочинения... Эти обстоятельства напрочь лишили его ночного сна, как и спокойствия в дневное время. Надо было что-то кардинально менять, а не то скоро он совсем загнется.

Карл вытащил из стопки первую попавшуюся папку, положил ее на колени и взял ручку. После некоторой тренировки по загибанию уголков он наконец понял, каким образом можно удерживать предметы во время сна в кресле. И все-таки ручка упала на пол, когда Роза разбудила его пронзительным криком.

Мёрк лениво посмотрел на часы и обнаружил, что все-таки ему удалось проспять почти час.

С вальяжным удовлетворением он потянулся, игнорируя кислый взгляд Розы.

– Я только что связалась с полицией Рённе, – сообщила она, – и тебе явно будет неприятно узнать, что там произошло.

– Вот как. – Карл переложил папку с коленей на стол и поднял ручку.

– Час назад комиссар полиции Кристиан Хаберсот пришел в Дом собраний Листеда на прием в честь собственного ухода на пенсию. Спустя пятьдесят минут он снял с предохранителя пистолет и прострелил себе голову на глазах у шокированных зрителей.

Роза красноречиво кивнула, когда брови Мёрка поползли на лоб.

– Да, Карл, вуаля. Этого еще не хватало, правда? – с досадой продолжала она. – Когда глава полиции Рённе вернется в районное управление, я буду знать подробности, так как он оказался свидетелем события. А пока закажу билеты на ближайший рейс.

– Что ж, весьма прискорбно. Но о чем ты говоришь? Какой рейс? Роза, ты собираешься куда-то лететь? – Карл попытался сделать вид, что ничего не понимает, но догадался, к чему все идет. – Может, это вообще чертово вранье. Я сожалею о том, что стряслось с этим самым Хабер-как-его-там, но если ты думаешь, что из-за него я погружусь в одну из летающих консервных банок, направляющуюся на Борнхольм, ты глубоко заблуждаешься. И к тому же...

– Карл, если ты боишься летать, – прервала его Роза, – тогда поторопись заказать билеты на экспресс-паром из Истада в Рённе, который отправляется в полпервого, пока я беседую с главой полиции. Ведь это ты виноват в том, что мы должны сорваться с места, так что сам все и организовывай. Разве не так ты мне обычно говоришь? Пойду скажу Ассаду, чтобы он заканчивал возню с покраской стен в подсобке, пускай тоже готовится к поездке.

Карл прищурился – непонятно, он еще спит или уже проснулся?

* * *

Ни дорога от Управления полиции в Истад по южной части весеннего Сконе, ни полуторачасовое плавание на пароме к Борнхольму не смягчили негодования Розы.

Карл посмотрелся в зеркало заднего вида. Если в ближайшее время он не начнет следить за собой, то скоро станет похож на своего деда – тусклые глаза и мертвенная кожа.

Сдвинув зеркало, Мёрк получил обзор кислой физиономии Розы.

– Карл, почему ты с ним не поговорил? – бесконечное число раз прозвучало с заднего сиденья с крайне укоризненной интонацией.

Если б между ними находилась стеклянная перегородка, как в такси, он разнес бы ее вдребезги кулаком.

Даже тут, в ресторане гигантского катамарана, холод сибирских ветров, бушующих над пенистыми волнами, на которые Ассад взирал с большим волнением, был ничто по сравнению с эмоциями Розы. Укоряющий настрой крепко-накрепко завладел ею.

– Даже не знаю, как это назвать, Карл. Но в менее толерантном обществе твой поступок в отношении Хаберсота можно было бы истолковать как должностное преступление...

Карл старался игнорировать ее – иначе Роза не была бы Розой, в конце концов. Однако когда она выдала очередной атакующий козырь: «...или даже хуже – как непредумышленное убийство», – бомба все-таки рванула.

– Роза, хватит, черт подери! – заорал Мёрк и ударил кулаком по столу с такой силой, что содрогнулись стаканы и бутылки.

Но остановили его не сверкающие глаза Розы, а кивок Ассада в сторону посетителей кафе, которые сидели с дрожащими на десертных вилках кусочками домашней выпечки, уставившись на троицу.

– Это актеры! – с кривой улыбкой поспешил оправдаться Ассад перед гостями заведения. – Они репетируют сцену из спектакля, но, обещаю, до развязки дело не дойдет.

По всей видимости, часть свидетелей сцены задумалась над тем, что за беспредел разворачивается у них на глазах. А то они никогда в жизни не видели актеров!

Карл перегнулся через стол к Розе и попытался смягчить интонацию. Вообще-то она была ничего, если вести себя с ней осторожно. Разве она во многом не поддерживала их с Ассадом на протяжении всех этих лет? По крайней мере, он еще не скоро позабудет о ее хлопотах, когда три года назад она буквально сгорала на работе, расследуя дело Марко¹. Нет, надо просто перестать заострять внимание на ее странностях, ибо тогда Роза работает гораздо продуктивнее. В конце концов, время от времени она может становиться немного неуравновешенной, но, желая помочь ей сохранить стабильность, мудрее всего безропотно принимать удары с ее стороны, иначе дело зайдет в тупик.

Карл глубоко вздохнул.

– Роза, послушай-ка. Не думай, пожалуйста, что я не сожалею о том, что произошло. Но разреши напомнить тебе: то, что случилось с Хаберсотом, – исключительно его собственный выбор. Он же мог просто перезвонить или, например, взять трубку, когда ты ему названивала. Если б он посредством мейла или обычного письма объяснил нам, чего именно от нас хотел, все сложилось бы иначе. Ты согласна с этим, мисс Святее-папы-римского?

Он примирительно улыбнулся, однако блеск в глазах Розы намекал на то, что последнее предложение было лишним. Слава богу, Ассад пресек дальнейшее развитие взаимодействия.

– Роза, я тебя понимаю. Но Хаберсот уже совершил самоубийство, и теперь мы ничего не можем с этим поделать. – Он резко замолчал и несколько раз сглотнул, неожиданно печально взглянув на гребни волн; затем вяло продолжил: – И потому, может быть, мы просто попытаемся разобраться, зачем он это сделал? Разве не для того мы в данный момент направляемся к Борнхольму на этом странном судне?

Роза кивнула, обнаружив еле приметные признаки улыбки. Вот высшая степень актерского мастерства.

Карл откинулся на спинку стула и в свою очередь благодарно кивнул Ассаду, чей цвет лица за долю секунды изменился от смуглого свечения а-ля Ближний Восток до зеленова-

¹ Об этом рассказывается в романе Ю. Адлер-Ольсена «Эффект Марко».

того оттенка. Бедняга. Понятное дело, чего же иного можно ожидать от человека, которого укачивает в бассейне на надувном матрасе?

– Не сказать, что я в восторге от плавания, – заметил он едва слышно.

– В туалете есть пакетики, – сухо прокомментировала Роза, взяв в руки путеводитель издательства «Политикен» «Путешествие по Борнхольму».

Ассад покачал головой.

– Нет-нет, я в порядке, сейчас все пройдет. Я уже настроился.

С этим дуэтом не соскучишься.

* * *

Полиция Борнхольма представляла собой самый маленький суверенный полицейский округ Дании, состоявший из шестидесяти сотрудников во главе с собственным начальником. На всем острове остался один-единственный полицейский участок, который, помимо организации круглосуточных дежурств, должен был выполнять все функции полиции в отношении сорока пяти тысяч местных жителей, а также заботиться о безопасности более шестисот тысяч туристов ежегодно. Мини-вселенная площадью почти в шестьсот квадратных километров, изобилующая темной пахотной почвой, скалами и камнями и обладающая бесконечным количеством больших и (особенно) малых достопримечательностей, которые каждая из местных туристических ассоциаций старалась подчеркнуть как наиболее выдающиеся. Самая большая «круглая церковь»², самая маленькая, лучше всего сохранившаяся, древнейшая, самая круглая, самая высокая. Любая борнхольмская организация, преисполненная самоуважения, готова была поделиться с вами собственным представлением о том, что именно делало остров столь невероятно привлекательным.

Бравые полицейские молодцы на стойке регистрации попросили гостей немного подождать. По всей видимости, паром, на котором приплыла команда Карла, оказался чудовищно перегружен транспортом, в связи с чем требовалось произвести кое-какие согласования.

«Ясно, что такое отвратительное преступление должно было затмить по важности все остальные дела», – с усмешкой подумал Карл, когда один из сотрудников поднялся и жестом пригласил их зайти в одну из дверей.

Начальник полиции принял прибывших при полном параде, в комнате для собраний на втором этаже; на столе стояла выпечка и целая батарея кофейных чашек. Не возникало ни малейших сомнений в его ранге и авторитете, как и в том, что, несмотря на всю серьезность произошедшего, их приезд удивил местного шефа.

– Вы приехали издалека, – сказал он, вероятно, имея в виду, что даже слишком издалека. – Да, наш коллега Кристиан Хаберсот, к несчастью, совершил самоубийство, это оказалось весьма жуткое прощание, – продолжил он, кажется, еще не вполне оправившись после случившегося.

Карл подмечал эту деталь и раньше. Сотрудник полиции, пошедший по академическому пути (как, впрочем, и все начальники в недрах датской полиции), – а потому не возившийся со всяким дерьмом дольше положенного и не принадлежавший к числу коллег, привыкших наблюдать, как мозги сослуживца стекают по стене.

Мёрк кивнул.

– Вчера во второй половине дня я имел короткий разговор с Кристианом Хаберсотом. Я знаю лишь, что он хотел, чтобы я принял участие в расследовании какого-то дела, а я, вероятно, не проявил должной отзывчивости, – и вот мы здесь. Я предполагаю, что мы не

² Круглая церковь – тип церковных строений, получивший широкое распространение в Скандинавии в XI – нач. XII в. Особую известность имеют церкви, расположенные на о. Борнхольм.

слишком помешаем вашей работе, если ознакомимся с обстоятельствами произошедшего чуть подробнее. Надеюсь, что вы не будете против.

Если прищуренные глаза и уголки рта, направленные вниз, на Борнхольме означали согласие, можно было считать эту сторону дела улаженной.

– Возможно, вы могли бы помочь мне понять, на что он намекал нам в письме? Он пишет, что отдел «Q» – его последняя надежда.

Начальник полиции покачал головой. По всей вероятности, он мог бы помочь, но просто не хотел. Для этого у него были подчиненные.

Шеф махнул полицейскому в парадной форме.

– Это комиссар Йон Биркедаль. Он – уроженец острова, был знаком с Хаберсотом задолго до моего назначения. Мы с Йоном и представителем Полицейской ассоциации являлись единственными сотрудниками участка, которые присутствовали на прощальном мероприятии Хаберсота.

Ассад протянул руку первым.

– Мои соболезнования, – произнес он.

Биркедаль с волнением ответил на рукопожатие и обратился к Мёрку:

– Привет, Карл, давно не виделись.

Взгляд коллеги показался ему знакомым; Мёрк попытался подавить рефлекс, от которого на лбу собирались морщины.

Человек, стоявший перед ним, выглядел лет на пятьдесят с небольшим, то есть был почти ровесником Карла. Несмотря на усы и набухшие свинцовые веки полицейского, Мёрк начал припоминать, что действительно пересекался с ним прежде. Черт возьми, ну где же он его видел?

Биркедаль рассмеялся.

– Естественно, вы меня не помните, я учился курсом младше в полицейской академии на Амагере. Мы с вами как-то играли в теннис, и я выиграл три партии подряд, извините за нескромность. После чего вы неожиданно расхотели продолжать игру.

Кажется, Роза стоит за его спиной и подхихикивает? Если так, ей же хуже.

– Ну-у... – Карл попытался улыбнуться. – Да нет, я с удовольствием поиграл бы еще, но, кажется, у меня тогда нога подвернулась? – предположил он, не припоминая подобного эпизода. Если он когда-то и играл в теннис, это его заблуждение оказалось счастливо похоронено еще на заре времен.

– Итак, то, что случилось с Кристианом, оказалось для нас настоящим шоком, – слава богу, комиссар сам сменил тему. – Но он пребывал в меланхоличном расположении духа на протяжении многих лет, хотя мы здесь, в участке, посреди ежедневной рутины не особо замечали это. Думаю, нам не в чем упрекнуть его по части исполнения служебных обязанностей, правда же, Петер?

Начальник полиции кивнул.

– А вот дома, в Листеде, для Хаберсота все складывалось несколько иначе. Он развелся и проживал в одиночестве, ощущая неизбывную горечь в отношении старого дела, работу над которым считал целью всей жизни, даже несмотря на то, что не являлся сотрудником отдела криминалистики. Кто-то скажет, что это всего-навсего банальное дело о водителе, скрывшемся с места происшествия, однако, поскольку в аварии погибла молодая девушка, все-таки дело не вполне тривиальное.

– О'кей, водитель скрылся с места происшествия, допустим. – Карл выглянул из окна. Он не понаслышке был знаком с такими делами. Либо они раскрываются по горячим следам, либо архивируются навсегда. Пребывание на острове не затянется.

– И человек, управлявший транспортным средством, так и не был найден, верно? – уточнила Роза, в свою очередь протягивая руку.

– Да, верно. Если б его нашли, Кристиан сейчас был бы жив... К сожалению, я вынужден вас покинуть. Как вы, вероятно, догадываетесь, в связи с сегодняшними событиями нам предстоит уладить множество внутренних формальностей, не говоря уже об оповещении прессы, с которой необходимо разобраться в первую очередь. Можно мне будет зайти к вам в отель чуть позже, чтобы ответить на оставшиеся вопросы?

* * *

– Видимо, вы – полицейские из Копенгагена, – не очень любезно предположила администратор отеля «Сверрес», безошибочно выбрав ключи, судя по всему, от наименее классных номеров. Затем Роза, по своему обыкновению, принялась торговаться о стоимости.

Чуть позже они встретились с комиссаром полиции Йоном Биркедалем, который поджидал их в гостиной, сидя в кресле из искусственной кожи. Со второго этажа открывался вид на заднюю часть «Бругсена» с промышленным портом в качестве фона – не самое приятное зрелище. Если бы в поле зрения попала еще парочка автострад, общая картина оказалась бы куда более гармоничной. Тут явно было не лучшее место для создания путеводителя по этому, вообще говоря, абсолютно сказочному острову.

– Буду честен с вами. На самом деле я терпеть не мог Хаберсота, – приступил к рассказу Биркедаль. – Однако стать свидетелем того, как коллега стреляет себе в лоб, так как считает, что не состоялся в профессиональном плане, – это не приведи господи... За свою карьеру в полиции я повидал многое, но, боюсь, что это событие оставит во мне отпечаток на долгое время. По-настоящему жуткая история.

– Ясное дело, – перебил Ассад. – Но, простите, я хочу понять. Вы говорите, он выстрелил себе в голову из пистолета. То есть это было не служебное его оружие, верно?

Биркедаль покачал головой.

– Нет. В соответствии с уставом, он оставил служебный пистолет внизу, в оружейном сейфе, перед тем как сдать полицейское удостоверение и ключи. Мы точно не знаем, где он взял свой пистолет, но установлено, что это была девяносто вторая «Беретта» калибра девять миллиметров. Страшная вещица, скажу я вам... Но вам, вероятно, знаком этот «ствол» – по сериалу «Смертельное оружие» с Мэлом Гибсоном?

Никто не ответил.

– Ладно. В общем, довольно крупная и увесистая штукавина. Я первым делом подумал, что это муляж, когда он извлек пистолет и прицелился в нас с начальником полиции. У него не имелось разрешения на этот «ствол», но мы установили, что пять-шесть лет тому назад подобная «Беретта» пропала неподалеку от Окиркебю из жилища человека, умершего незадолго до этого. У нас нет возможности проверить, является ли пистолет тем же самым, ибо у владельца в свое время не обнаружилось никаких документов на него.

– Умерший? В две тысячи девятом году? – переспросила Роза, сложив губы бантиком. Неужели Йон Биркедаль оказался в ее вкусе?

– Да. Один из преподавателей Высшей народной школы умер в середине учебного семестра. Результаты вскрытия свидетельствуют о вполне естественном смертельном исходе в связи со слабым сердцем, но когда исследовали жилье покойника, Хаберсот проявил неподдельный интерес к его личности. Погибший, Якоб Святек, по словам бывших учеников и преподавателей, увлекался стрелковым оружием и не раз демонстрировал некоторым учащимся пистолет, который, по описаниям свидетелей, вполне соответствует тому, что Хаберсот пустил в ход этим утром.

– Да уж, полуавтомат подобного типа не каждый день посчастливится увидеть³, а потому у меня возник очередной вопрос, – вклинился Ассад. – Это базовая модель «Беретты» – или девяносто два-эс? Девяносто два-эс-бэ? Или же девяносто два-эф, эф-джи или эф-эс? Ну, девяносто два-а-один быть не может, так как эта модификация выпущена в две тысячи десятом году...

Карл медленно повернулся к Ассаду. О чем толкует этот парень? Неужто сейчас обнаружится, что он еще и эксперт по «Береттам»?

Биркедаль сдержанно покачал головой, то есть он понятия не имел о таких подробностях. Возможно, ему удастся выяснить этот вопрос, прежде чем на гавань Рённе опустится закат...

– Хм, давайте я вкратце расскажу вам о том, за что отвечал Хаберсот и какие события он пережил, – продолжал местный. – Чуть позже вы получите ключи от его дома и продолжите разбираться самостоятельно. Ключи передадут администратору вечером. Я уже переговорил с начальником полиции, он предоставляет вам относительную свободу действий. Вообще-то, я думаю, наши коллеги уже разобрались с домом, так что можете начинать. Нам было необходимо сначала осмотреть жилище погибшего. Ведь там могли сохраниться какие-то письма или другие улики, свидетельствующие о причинах столь радикального поступка... Ну, вы и без меня это все прекрасно знаете; все-таки у вас побольше опыта работы с подобными случаями.

Ассад закивал, подняв указательный палец, но Карл осадил его взглядом. Какая разница, из пистолета какой модели идиот высадил себе мозги? Сам-то Мёрк считал, что они приехали в эту глухомань отнюдь не для того, чтобы выяснить, почему Хаберсот совершил самоубийство, а в первую очередь, чтобы Роза наконец поняла – дело, которое она во что бы то ни стало стремилась переложить с плеч Хаберсота на плечи Карла, в действительности случилось им всем, как собаке пятая нога.

* * *

Пятьдесят человек от восемнадцати лет и старше были зачислены в Высшую народную школу Борнхольма на целое полугодие: они изучали музыку, работали со стеклом, акриловыми красками и глиной, и 20 ноября 1997 года было для них, по словам Биркедаля, совершенно обычным учебным днем – привычное воодушевление и никакой опасности. Абсолютно нормальное сообщество по большей части оптимистичных молодых людей, которые прекрасно проводят время вместе.

Итак, они еще не знают, что Альберту, самую добродушную, симпатичную и, вероятно, наиболее обсуждаемую девчонку в школе, тем утром насмерть сбила машина.

Прошло чуть больше суток, прежде чем девочку нашли на ветвях придорожного дерева, тело с трудом можно было заметить. А человек, который, к своему огромному несчастью, скользнул взглядом вверх ровно в тот момент, когда его автомобиль поравнялся с этим самым деревом, оказался полицейским следователем из Нексё по имени Кристиан Хаберсот.

Представшая перед ним картина хрупкого тельца, безвольно висевшего на ветках, поселилась в его сознании раз и навсегда, как и таинственный взгляд, навеки застывший на ее лице.

Несмотря на то что следы, обнаруженные на месте происшествия, были чересчур размытыми, установили, что она оказалась на дереве в результате чудовищной автомобильной

³ Видимо, Ассад иронизирует над туповатым представителем местной полиции, считающим, что такое оружие можно увидеть лишь в кино, – поскольку данный пистолет является одним из самых распространенных и востребованных в мире; ежегодно выпускается более 100 000 шт. «Беретты-92» в различных модификациях.

аварии. Абсолютно жуткое происшествие, аналогичных которому невозможно было отыскать в новейшей истории Борнхольма.

Попытки отыскать следы тормозного пути не увенчались успехом. Поначалу рассчитывали найти остатки лакокрасочного покрытия на одежде девушки, однако автомобиль ускользнул, не оставив после себя ни единой улики. Тогда же провели опрос местных жителей, обитающих неподалеку от шоссе, однако никто не смог предоставить сколь-нибудь точных деталей. Разве что кто-то слышал на данном участке дороги свист удалявшейся в направлении автотрассы машины, несущейся на огромной скорости...

В конце концов – то ли из-за того, что эта смерть показалась кому-то подозрительной, то ли потому, что не было других дел, – была инициирована планомерная облава на все транспортные средства с повреждениями передней части кузова, происхождение которых владелец не мог внятно объяснить. К операции приступили с опозданием на сутки, и тем не менее в течение недели тщательно осматривались все автомобили, которые переправлялись паромом как в Швецию, так и в Копенгаген. А для двадцати тысяч транспортных средств, принадлежавших жителям Борнхольма, организовали обязательный досмотр инспекторами дорожной службы в Рённе и Нексё.

Борнхольмцы, несмотря на причиненное им беспокойство, проявили удивительное понимание и участие, так что ни одному туристу не удалось проникнуть на остров на четырех колесах, предварительно не подвергнув пристальному изучению капот своего средства передвижения.

Биркедаль пожал плечами.

– Но все усилия оказались тщетны.

Комиссар полиции притомил сотрудников отдела «Q». Кто будет возиться с уравнением, конечный результат которого заведомо равен нулю, что бы ты ни предпринимал?

– И все же вы уверены, что смерть произошла в результате аварии, – сказал Карл. – А не могло ли тут случиться нечто иное? Что рассказало вскрытие тела о внутренних повреждениях? И что вы обнаружили непосредственно на месте столкновения?

– Вероятно, она прожила какое-то время после того, как очутилась на дереве. А так – переломы, внешние и внутренние кровотечения, все как обычно. И еще мы нашли велосипед Альберты – он валялся в кустах на приличном расстоянии от места происшествия и был искорежен практически до неузнаваемости.

– То есть она приехала туда на велосипеде, – заметила Роза. – Он еще у вас?

Комиссар полиции Биркедаль пожал плечами.

– Это произошло семнадцать лет назад, еще до меня, так что даже не знаю. Скорее всего, нет.

– Я была бы крайне признательна вам, если б вы оказали мне услугу и выяснили этот вопрос, – потупившись, выдала Роза приторным голосом.

Биркедаль откинул голову назад. Добропорядочный женатый мужчина прекрасно понимает, в какой момент лед становится тонок.

– А почему так безоговорочно определили, что ее именно отшвырнуло на дерево? – едва слышно вклинился Ассад. – Разве ее не могли туда затащить? Тщательно ли провели поиски на предмет следов такелажа на ветках? Возможно, там была подвешена система блоков?

Неужели Ассад толкует про такелаж и блоки? Вообще-то странно звучит из его уст...

Биркедаль кивнул, ответ на этот конкретный вопрос был однозначным.

– Нет, криминалисты не нашли никаких свидетельств этого.

* * *

– Вода в кувшине в гостиной, – с порога возвестила администратор.

Не прошло и секунды, как в чашку Ассада заструился черный, как смоль, кофе, сахар он насыпал прямо из сахарницы. Как только его несчастные вкусовые рецепторы могли выдержать выпавшие на их долю чудовищные испытания?

Все присутствующие решительно замотали головами, когда он предложил им отведать своего пойла.

– Как могло случиться, что не осталось ни единого следа столкновения? – продолжал удивляться Карл, перемещаясь по комнате. – Должен был, по крайней мере, отпечататься тормозной путь... ну, хоть какой-то след от покрышек. Возможно, в те дни шел дождь?

– Нет-нет, никакого дождя не было, насколько мне известно, – ответил Биркедаль. – В рапорте говорится, что погода стояла сухая.

– А что насчет траектории движения отброшенного тела? – не сдавался Карл. – Ее тщательно рассчитали? Можно ли было по сломанным веткам проследить перемещение тела наверх? Или, например, понять что-то по позе трупа на дереве или по расположению велосипеда, отброшенного в кусты?

– Исходя из свидетельств пожилой пары, проживающей на хуторе за поворотом, был сделан вывод, что ранним утром автомобиль пронесся мимо их дома в восточном направлении. Старики не видели машину, но слышали, как она на чудовищной скорости пронеслась мимо жилища и, ни разу не притормозив, устремилась к виражу, сразу за которым стояло дерево. Мы вполне уверены, что они слышали того самого гонщика, который сбил девушку, стоявшую у дерева, а затем помчался к перекрестку, не снижая скорости.

– На чем основана ваша уверенность?

– На свидетельских показаниях и на опыте специалистов, исследующих похожие столкновения.

– Ага. – Карл покачал головой. Есть доподлинно установленные факты, и есть множество неясностей. Он уже устал от подобных мыслей. Рабочий стол в подвале полицейского управления вдруг оказался невероятно желанным причалом.

– А что это была за девушка? – последовал неизбежный вопрос, получив ответ на который, Карл не оставил себе путей отступления.

– Альберта Гольдшмидт. Несмотря на столь эффектное имя, она была совершенно обычной девушкой. Одна из тех, которые, оказавшись вдали от родителей, неожиданно ощущают вкус свободы и не теряют ни секунды. Не то чтобы она была совсем неразборчива в половых связях, но ей хотелось перепробовать всего понемножку, как только у нее появилась такая возможность. Во всяком случае, все указывает на то, что она использовала проведенные в школе две недели на полную катушку.

– На полную катушку? Что вы имеете в виду? – уточнила Роза.

– Ну, парень здесь, парень там...

– И что же, она забеременела?

– Вскрытие показало, что нет.

– И, вероятно, бессмысленно спрашивать, обнаружены ли на теле следы чужеродной ДНК? – продолжала Роза.

– Это был девяносто седьмой год, дальше можно не продолжать, да? За три года до того, как была создана централизованная база данных ДНК. Думаю, что настолько тщательно никто и не исследовал тело. Но ни остатков спермы, ни частиц чужого эпидермиса под ногтями не выявлено. Альберта была почти стерильна, словно только что вышла из душа, – и, вероятно, так оно и было, судя по тому, что она выехала из школы перед завтраком.

– Позвольте мне уточнить, – вмешался Карл. – Вам ничего не известно, правильно? Это история о смертельном исходе в замкнутом пространстве, а Хаберсот являлся местным Шерлоком Холмсом, который на этот раз потерпел поражение?

Биркедаль вновь пожал плечами. Даже на этот вопрос он не мог ответить.

– Ну хорошо, – подвел итог Ассад, плеснув в чашку очередную порцию горячего кофе. – В таком случае, думаю, нам стоит завершить трапезу.

Неужели он так и сказал – «трапезу»?

Роза невозмутимо обратилась к Биркедалю все с тем же медовым взглядом.

– Тогда мы пока спокойно займемся изучением материалов, которые вы нам принесли. Думаю, это займет час или два. А по завершении нам, скорее всего, придется провести кое-какие опросы в связи с расследованием Хаберсота, а также выяснить подробности его жизни и смерти.

Стоическая маска на лице Биркедаля нарушилась парой морщинок от подобия улыбки. Было совершенно ясно – он готов предоставить им полную свободу действий, лишь бы его не трогали.

Но троица не унималась:

– Как вы считаете, сможем ли мы обнаружить некие факты, которые стоило выяснить давным-давно? Что-то, что поможет нам приблизиться к разгадке тайны о девочке на дереве?

– Не знаю, но смею надеяться на это. Суть заключается в том, что для Хаберсота гибель Альберты не явилась следствием непредумышленного наезда и беспечности удравшего с места преступления лихача. Это было сознательное убийство. И Хаберсот не только всеми силами старался доказать свою теорию, но и вел поиски преступника. Я не в курсе, чем он руководствовался, но другие сотрудники полиции наверняка смогут посвятить вас в более глубокие подробности, не говоря уж о бывшей жене Хаберсота.

Пластиковая папка скользнула по поверхности стола.

– Мне надо возвращаться в участок, а вы посмотрите эту запись. Получите более-менее полное представление о его смерти. Видео снято приятелем Хаберсота, приглашенным на прием. Его зовут Вилли, но мы прозвали его Дядя Сэм. Полагаю, у вас есть с собой компьютер, на котором можно ознакомиться с данным эпизодом. Хорошего времяпрепровождения, если можно так сказать.

И Биркедаль рывком поднялся с кресла.

Карл зафиксировал взгляд Розы, приклеившийся к подтянутым ягодицам полицейского, когда тот выходил из комнаты.

Вряд ли этот взгляд понравился бы фру Биркедаль.

* * *

Экс-супруга Хаберсота так радикально отрезала от себя прошлое, что отказалась не только от фамилии мужа, но и от всего остального, что могло вызвать воспоминания о нем. И она совершенно не скрывала своего настроения, когда Карл по телефону попытался завязать с ней диалог.

– И если вы предполагаете, что смерть этого мужчины вызовет во мне хоть малейшее желание выставить его личные и наши с ним совместные неприятности на всеобщее обозрение, то вы ошибаетесь. Кристиан совершил выбор не в пользу семьи в сложный период, когда я и особенно наш сын отчаянно нуждались в его внимании, – а теперь он расплатился за свои неверные решения посредством трусливого самоубийства. Обратитесь куда-нибудь в другое место, если желаете услышать о поглотившей его жизнь страсти; от меня вы ничего не добьетесь.

Карл посмотрел на Розу с Ассадом; те жестами показывали ему, чтобы он не отступал. Черт возьми, как будто без них непонятно...

– Вы думаете, он был поглощен делом об Альберте – или чувствами к самой девушке?

– Уф-ф... и что ж вы, легавые, всегда так напираете, а? Я же сказала, оставьте меня в покое. Всего хорошего. – Раздался щелчок, разговор был окончен.

– Карл, она поняла, что у вашего диалога есть свидетели, – заметил Ассад. – Надо было поехать к ней, как я и говорил.

Карл пожал плечами. Возможно, Ассад и прав, но час был поздний; к тому же, по его мнению, существовало два типа свидетелей, которых по возможности следовало избегать: те, кто треплется слишком много, и те, кто предпочитает держать язык за зубами.

Роза провела пальцем по блокноту.

– Вот адрес сына Хаберсота, Бьярке. Он снимает комнату в северной части Рённе, мы будем там через десять минут. Поехали?

Решение уже было принято. Роза поднялась с кресла.

Глава 4

Нужный им дом по Сандфлугтсвай стоял в глубине, щеголяя французским балконом, и буквально источал блаженство. Здесь знали толк в дверных молоточках, медных именных табличках и выхолощенных газонах. Здесь ездили на выдраенных «Поло» и французских авто; внедорожники тоже были припасены, для хозяйских дел. Вот символы статуса в датской провинции во всей своей красе.

На двери значилось лишь одно имя – Нелли Расмуссен.

– Да-да, Бьярке Хаберсот как раз здесь и живет, – подтвердила хозяйка, произнеся имя постояльца с особой теплотой. Дама стояла на пороге полуоткрытой двери с тряпкой для пыли, торчащей из ложбинки между грудей; в растопыренных пальцах она держала вяло дымящуюся сигарету с фильтром. – Только не рассчитывайте, что Бьярке будет в настроении с вами разговаривать, – заметила она с профессиональной миной арендодателя, недовольным взглядом скользнув по удостоверению личности Карла. Он дал бы ей лет пятьдесят пять. Синий халат, покрашенный вручную, «химия» на волосах с выцветшими и неухоженными кончиками, и совершенно кривая татуировка на запястье, которая, очевидно, должна была придать женщине более экзотичный вид, но не соответствовала замыслу. – Я думаю, вам следует проявить немного уважения и дать ему возможность справиться с шоком. Все-таки его отец, царствие ему небесное, всего несколько часов назад покончил с собой.

Ассад сделал шаг вперед.

– Весьма трогательно, что вы так сочувствуете своему съемщику и так заботитесь о нем. Но что, если мы принесли ему последнее письмо от отца? Разве не досадно будет, если он его не получит? Ну, или вдруг его мать тоже совершила самоубийство? Или вы считаете, что в таком случае мы должны были бы рассказать о несчастье вам? А если мы на самом деле пришли, чтобы задержать Бьярке за поджог? Хорошо ли тогда, что вы на своих шпильках стоите перед представителем правопорядка и препятствуете выполнению им служебных обязанностей?

Лицо ее немного перекосилось, пока она, сбита с толку любезностью Ассада, перебарывала огромное количество полученной информации. Судя по всему, она смутилась, когда Ассад взял ее руку и принялся гладить тыльную сторону ладони, уверяя даму, что он прекрасно понимает, как сильно повлияло на нее горе, обрушившееся на одного из ее жильцов. Как бы то ни было, она отпустила дверную ручку, после чего Карл распахнул дверь настежь носком ботинка.

– Бья-а-а-арке! – нехотя крикнула хозяйка, поднимаясь по лестнице. – К тебе пришли. – Она повернулась к троице: – Постойте минутку здесь в коридоре, прежде чем подниматься. Постучите к нему и ждите, пока он сам не откроет, ага? Бьярке временами бывает слегка недееспособен, но вы наверняка закроете на это глаза, раз уж сложилась такая серьезная ситуация. По крайней мере, я так и поступаю; можете даже назвать меня лицемерной, если хотите, но так уж обстоят дела.

Недееспособность можно было ощутить на полпути вверх. Здесь воняло в точности как в наркокафе в Нёрребро чудесным вечером после выплаты социального пособия малоимущим.

– Сканк⁴, – прокомментировал Ассад. – Очень чистый, сильный запах. Не столь невнятный и не такой кислый, как у гашиша.

Карл нахмурился. Чертов профессор у него на буксире. Сканк или гашиш, какая, к черту, разница – дух деградации, будь он неладен, ощущать всегда печально.

⁴ Сканк – особый сорт конопли, отличается повышенной наркогенностью.

– Не забудьте постучаться, – донеслось с нижних ступенек.

Видимо, Ассад не успел осознать это напоминание, потому что он немедленно взялся за ручку и отворил дверь. Но резко остановился прямо на пороге, и Карл понял, почему, когда из-за плеча Ассада сам заглянул в комнату.

– Роза, погоди секунду, – сказал он, пытаясь остановить коллегу.

Посреди комнаты, откинувшись на спинку массивного ободранного кресла, сидел совершенно голый Бьярке, поджав под себя ноги и сжимая в руке бутылку с целлюлозным растворителем. И кроме того, что на нем не было ни единого предмета одежды, он еще и оказался мертвым – это было видно невооруженным взглядом, несмотря на то что мощные солнечные лучи еле-еле пробивались сквозь густой гашишный туман. Перерезав вены, Бьярке оборвал свою жизнь. Глаза его были полуоткрыты в мечтательном взгляде. Эта смерть явно не была мучительной.

– Ассад, ты унюхал не сканк, а смесь гашиша с целлюлозным растворителем.

– Ну, хватит уже меня блокировать, – проворчала сзади Роза, пытаясь протиснуться между ними.

– Роза, пожалуй, тебе сюда не надо, тут не слишком приятное зрелище. Бьярке мертв, понимаешь, весь пол в крови, он перерезал себе вены... Мне кажется, я ни разу за всю свою долгую карьеру не видел столько крови из одного-единственного человека.

Ассад сдержанно закивал.

– Значит, Карл, я все-таки видел гораздо больше твоего.

Прошло некоторое время, прежде чем явились криминалисты и врач, которые занялись телом. Хозяйка жилья, воспользовавшись присутствием сотрудников отдела «Q», обрушила на них свои сетования в связи со столь жутким событием, вторгшимся в ее бытие. Как же ей теперь заменить ковер и кресло, если чеки на вещи давно потерялись?

Когда до нее наконец дошло, что молодой человек с верхнего этажа был мертв все это время, пока она находилась внизу и вытирала пыль, ей пришлось присесть, чтобы справиться с приступом одышки.

– Только представьте себе, а если его кто-то убил? – шептала она снова и снова.

– Я думаю, вам не стоит этого опасаться. Конечно, если только вы не слышали никаких странных звуков. Поднимался ли кто-нибудь наверх в течение последних нескольких часов? И можно ли проникнуть в верхнюю комнату с задней стороны дома?

Она покачала головой.

– Ну и, наконец, смею предположить, что вы сами его не убивали? – продолжал Карл. Во взгляде ее выразился неподдельный ужас, после чего одышка усилилась.

– Ну и отлично, – успокоил ее Мёрк. – Видите, выходит, парень сам порезал себе вены. Естественно, он пребывал в состоянии, когда от человека можно ожидать чего угодно.

Хозяйка сжала губы, стараясь овладеть собой и бормоча себе под нос всякую бессмыслицу. В данный момент она додумалась до того, что сама совершила уголовно наказуемое деяние, сдав жилье чуваку, который выращивал на подоконнике галлюциногенные грибы и получал основной объем воздуха через чиллум⁵.

Карл передал дамочку в распоряжение двух своих ассистентов, а сам вышел из дома на яркое солнце и закурил.

* * *

Обыск комнаты Бьярке, изъятие компьютера и ножа, которым были перерезаны вены, сбор технических формальностей, дознание, вынос и загрузка трупа в «Скорую» – все эти

⁵ Чиллум – приспособление для курения конопли.

этапы были пройдены на удивление быстро, так что Карл взялся всего лишь за пятую сигарету, когда на крыльце появился Биркедаль со своими помощниками, следователем и криминалистом и помахал ему бумажным обрывком в пластиковом мешочке.

Мёрк прочитал записку. Она заключалась лишь в паре слов: «Прости, папа».

– Странно, – заметил Ассад.

Карл кивнул. Краткая и прямая форма прощального послания производила в некотором смысле волнующее впечатление. Но почему тут не написано: «Прости, мама»? По крайней мере, в отличие от бывшего мужа, у матери была возможность получить это сообщение.

Карл взглянул на Розу.

– Сколько лет было Бьярке?

– Тридцать пять.

– То есть в девяносто седьмом году, когда отец взялся за роковое дело, ему было восемнадцать, хм-м...

– Вы побеседовали с Юной Хаберсот? – поинтересовался Биркедаль.

– Ох, не особо-то нам это удалось; мне показалось, она не слишком приветлива, – ответил Карл.

– Ну, в таком случае даю вам шанс попытаться еще раз.

– Вот как. Каким же образом?

– Вы ведь можете отправиться к ней в Окиркебю с сообщением о смерти сына, да?

Вот и получите возможность задать вопросы, ответы на которые вам так не терпится узнать. А мы тем временем займемся опечатыванием комнаты и подготовкой тела к отправке на судмедэкспертизу в Копенгаген.

Карл покачал головой. Опечатать комнату и отослать труп в морг? Сколько же времени это может занять?

Минут десять?

Глава 5

Август 2013 года

Ванда Финн была замужем за английским игроком в крикет, который прилетел на Ямайку обучать чернокожее население тому, чем в совершенстве владел сам: игре в крикет и в особенности достойному ответу на подачи. Этот самый Крис Маккаллум обладал большей уверенностью на поле, чем другие игроки в белом, и за выдающиеся способности его на шесть месяцев отправили в командировку с единственной целью: улучшение результатов ямайской сборной на десять процентов.

В связи с этими обстоятельствами Маккаллум стоял под палящим солнцем на выжженной траве с марта по сентябрь и потел обильнее, чем когда-либо.

Как-то во время тренировочного матча он краем глаза заметил Ванду, которая наматывала круги по беговой дорожке по периметру поля. Мускулистые длинные ноги, блестящая кожа. Он решил, что перед ним галлюцинация.

Ванда прекрасно отдавала себе отчет в том, какие чувства испытывают люди при взгляде на нее; ей все уши прожужжали на эту тему, с тех пор как она стала обладательницей прекрасных женских форм и научилась двигаться с грацией газели.

– Вы, никак, сама Мерлин Отти? – воскликнул Маккаллум по окончании матча.

Ванда обнажила в улыбке белоснежные зубы и темные десны. Ей и прежде доводилось слышать это сравнение в свой адрес, и оно было лестно, несмотря на то что Отти была как минимум на два десятка лет старше Ванды. Ибо Мерлин, являвшаяся многократной чемпионкой по спринту, была красива, как богиня.

Слегка пококетничав, Ванда игриво ткнула Маккаллума в плечо в ответ на комплимент. В итоге он забрал ее с собой в Англию.

Ванда любила белых мужчин. Не потому, что они были очень чувственными – любой ямайский мужчина полыхал таким жаром, что белым и присниться не могло. Зато бесцветные мужички прекрасно знали, что из себя представляют и, что еще важнее, – чего хотят от жизни. Рядом с ними можно было обрести безопасность и будущее, что отнюдь не являлось самоочевидным в Тиволи-Гарденс, бедняцком квартале трущоб в Вест-Кингстоне, где выросла Ванда. Для той, чьи будни состояли из перестрелок и кокаина в подворотнях, предложение Криса Маккаллума стало настоящей сказкой, и на раздумья потребовалось не больше нескольких миллисекунд.

Они поселились в Ромфорде, на окраине Лондона, в крошечном таунхаусе, где Ванда загибалась от скуки вплоть до того дня, когда Маккаллум сломал лодыжку и был вынужден не только продать дом, но и развестись с ней. Если он намеревался поддерживать уровень жизни, который считал достойным для себя, ему предстояло отыскать женщину, готовую содержать его.

И после двух лет безбедного существования Ванда вернулась к исходной точке, когда ее держали на плаву исключительно собственные скудные ресурсы.

Она не получила образования, не имела никаких перспектив материальной поддержки, как не имела и особых талантов, помимо того, что умела быстро бегать. А на таких талантах далеко не убежишь, как всегда шутил ее отец. И потому служба на посту охраны у заднего входа в офисы крупной компании на Стрэнде в Лондоне стала не только ее спасением, но и единственной альтернативой возвращению в ямайскую хижину и полному истощению к сорока годам – ведь именно такие перспективы ожидали ее в недалеком будущем.

И вот она стояла, как лев в клетке, и наблюдала за тем, как люди, более значимые, чем она сама, входили и выходили через широкие стеклянные двери; кивала им, когда они

проходили мимо, направляясь к красиво одетой женщине, обладавшей привилегией брать у них удостоверения личности, нажимать на кнопки компьютера и пропускать их дальше.

Так Ванда стояла одна-одинешенька, в некоем вакууме между свободой и богатством, на страже тайн внушительного здания, не имея ни малейшего представления о том, что это за тайны.

Шло время, а она думала лишь о том, что настоящая жизнь кипит снаружи. Все происходит там, а она стоит здесь. День за днем она глядела сквозь стеклянные двери – на Савой-Плейс-стрит, на стену, опоясывающую парк Виктория-Эмбанкмент-гарденс.

«Там, за этой стеной, живет сказка», – думала Ванда. И смех людей, которые сидели в полосатых шезлонгах и наслаждались солнцем или ели мороженое, никогда не испытывая нужды, тихо мучил ее, но никому не было до этого дела.

Так у нее родилось новое самовосприятие. Она стала женщиной, которая просто смотрит на стену.

В часы ежедневной рутинной службы Ванду посещали тени из прошлого; они приходили и окутывали ее. Ибо она знала, что все судьбоносные случайности и встречи, имевшие место еще до ее прихода в мир, несомненно, заключали в себе гораздо более значительные обещания, чем создание существа, исполняющего совершенно не почетные обязанности охранника на Стрэнде. Как говорил с гордостью ее отец-растаман, в Ванде смешалась в равных пропорциях доминиканская кровь индейцев араваки, а также нигерийская и христианская, разбавленная щепотками растаманского пороха. Правда, мать Ванды всегда смеялась над словами супруга, просила забыть всю эту ерунду и никогда не терять голову, тогда все будет хорошо.

Не терять голову! Вот что оказалось самым сложным в ее тоскливом, апатичном существовании. Неужели и впрямь все хитросплетения судьбы должны были в конечном итоге привести ее к этой неприглядной серой униформе, к фуражке, под которую убраны роскошные волосы?

И все же, несмотря на безнадежность ситуации и неблагоприятные перспективы, Ванда выпрямляла спину и, пока посетители парка и офиса, устроившиеся в жизни лучше, текли мимо, пыталась отыскать частичку себя, которая отвлекла бы ее от этой стены.

Судьбе было угодно, чтобы Ширли, девушка, с которой Ванду разделяли всего две коридорные двери, и единственная ее подруга, пригласила ее на мероприятие под названием «Натурабсорбция. Знакомство».

Ширли была приверженкой оккультизма и очень щедро делилась своими мыслями и ожиданиями от жизни. Она слушала божественную вдохновляющую музыку, посещала занятия по полинезийскому гаданию, раскладывала пасьянс или карты таро, прежде чем принять важное решение. По ее признанию, все эти разнообразные подсказки, с которыми она сталкивалась в жизни, давали ей понимание происходящего. Ванда ничего не понимала в этом, но никто не был способен развеселить ее так, как Ширли.

И вот теперь та собиралась представить Ванду Ату Абаншамашу, судя по информации из Интернета, прекрасному солнечному духу, явившемуся из сказочной Скандинавии в Лондон с новой доктриной, которая, отметая все несущественное, способствует полному прояснению всех событийных и энергетических жизненных взаимосвязей.

Ширли прыгала до потолка, к тому же стоимость входа на мероприятие оказалась не заоблачной, и если Ванда захочет тоже пойти, Ширли готова была заплатить и за нее.

Все-таки здорово сходить куда-нибудь вместе.

* * *

Ату Абаншамаш Думузи не был похож на гуру, которых Ванда видела по телевизору и в многочисленных брошюрах Ширли. Он не сидел в позе лотоса или на ажурном троне, окутанный благоговейным почтением, он не поучал. Не развратник, но явно и не аскет, Ату Абаншамаш был нормальным мужчиной из плоти и крови, который с улыбкой и блеском в глазах рассказывал им о том, каким образом учение о натурабсорбции способно обновить человека настолько, что «вы наконец ощутите, как каждая клеточка вашего тела внезапно оказывается способна противостоять атакам любого рода, и ваше тело во всей целостности сливается со вселенной, которая поглощает его».

Вселенная и энергия солнца – в этих словах заключалась мантра Ату Абаншамаша. И вот, в светлой непритязательной квартире на Бейсуотер, где располагался лондонский филиал Академии натурабсорбции, он обходил сидящих на полу людей и осматривал их пронизательным оком. В горле у них начинало пылать, плечи опускались, когда в такт его словам они глубоко вдыхали в свои недра благополучие.

– Абаншамаш, Абаншамаш, Абаншамаш, – протяжно пропел он глубоким голосом и попросил всех повторять за ним.

Просидев так в течение некоторого времени, с закрытыми глазами вторя нехитрой мантре, Ванда осознала, что утратила пространственную ориентацию и совсем не желает возвращаться в реальность.

– А теперь откройте глаза и посмотрите на меня, – неожиданно попросил Ату аудиторию. – Абаншамаш, Абаншамаш, – зашептал он вновь и вытянул руки вперед, так что легкие рукава его желтого халата затрепетали подобно крыльям ангела. – Я вижу вас, – шептал он. – Я вижу вас впервые, и вы прекрасны. Ваши души реагируют на меня. Вы готовы... Вы прекрасны, как само солнце, – повторял он каждому мужчине и каждой женщине, проходя между присутствующими.

Приблизившись к Ванде, он на мгновение остановился и замолчал, крайне внимательно заглянув в ее глаза.

– Ты прекрасна, как само солнце. Ты прекрасна, как само солнце, – на этот раз он повторил фразу дважды. – Но не слушай никого! Даже меня не слушай! Слушай лишь собственный Атман, свою собственную душу, и покорись.

Словно усиленные действием галлюциногенных веществ, эти слова укоренились в Ванде как долгожданное признание ее несомненных достоинств и просветление. Она инстинктивно распахнула глаза; кожа ее полыхала, руки тряслись, охваченные судорогой, словно в момент оргазма.

Наклонив голову, Ату погладил ее по щеке. Спустя десять минут он вернулся и протянул ладони, остановив их в паре сантиметров от ее лба.

– Успокойся, цветок мой, ты впервые испытала экстаз от приближения к чистоте абсолюта и прошла через перерождение. Теперь ты готова, – завершил он.

Затем Ванда потеряла сознание.

Глава 6

Среда, 30 апреля 2014 года

Остановившись на секунду, они оглядели страшный дом, обмазанный белой штукатуркой. По всей видимости, это было самое убогое строение на центральной улице Йернбанегэде в Окиркебю.

Как и во многих провинциальных датских городках, подобные улицы являлись хорошей иллюстрацией роста благосостояния рабочего класса столетней давности, когда работы смогли позволить себе иметь собственный кирпичный дом с небольшим участком вокруг. В прошлом такая улица обеспечивала куском хлеба каменщиков и плотников, однако теперь было очевидно, что они уже давным-давно не навещают сюда. В городе, который летом называли «цветочным», а зимой – «сказочно-рождественским», не существовало ни цветочного рая, ни рождественской атмосферы – по крайней мере, уж точно не на обшарпанной улице Йернбанегэде.

Бывшая жена Хаберсота, как заправская ищейка, через узенькую дверную щель сразу учуяла полицейское удостоверение в кармане Карла.

– Убери ногу, – зарычала она на Ассада, пытаясь захлопнуть дверь. – Вам тут делать нечего.

– Фру Хаберсот, мы... – попытался было Карл.

– Вы не умеете читать? Здесь ясно написано «Кофозд». – Она демонстративно ткнула пальцем в табличку, вновь толкнув дверь. – Тут больше нет никаких Хаберсотов.

– Фру Кофозд, – тихо обратилась к ней Роза. – Мы принесли вам плохие новости от Бьярке.

Следующие пять секунд тянулись невыносимо долго. Сначала ее взгляд метался между тремя каменными лицами. Затем осознание реальности проникло во все нервные окончания и заблокировало их. Позже пришло осмысление, что сказанного достаточно. И вот наконец угли в ее глазах потухли, ноги сами собой подкосились.

Сознание женщина потеряла ненадолго, однако успела утратить ощущение времени и пространства, и искренне изумилась тому, что вдруг оказалась лежащей на диване в гостиной, обставленной по-спартански. Очевидно, она не вполне оправилась от полученного шока.

Троица осмотрелась. В гостиной не было ничего особо интересного. Запечатанные конверты с прозрачными окошками лежали в вазе для фруктов. Пыльные диски с датской попсой. Мебель из дисконтных сетей. Уродливые пепельницы и керамические вазы с отбитыми краями.

Оставив хозяйку лежать с застывшим взглядом, устремленным в потолок, они прошли на кухню. На редкость неопрятный кафель коричневого цвета поглощал почти весь свет, попадающий в помещение, которое многие датчане называют главной комнатой в доме. Даже Карл обратил внимание на то, что данному определению кардинально противоречил жуткий хаос в этом безобразном углу.

– Мы не можем слишком сильно давить на нее, учитывая ее нынешнее состояние, – прошептала Роза. – Давайте сжались над ней, мы ведь можем прийти завтра.

Ассад явно был против такого подхода, это заметили оба коллеги.

– Идите сюда, – слабым голосом подозвала их Юна.

– Карл, ты заварил всю эту кашу, так что, я думаю, именно ты и должен сообщить ей эту новость. И ты скажешь все, как есть, о'кей? – быстро отреагировала Роза.

Карл уже хотел в предостерегающем жесте поднять указательный палец, но почувствовал на своем запястье руку Ассада. Итак, он подошел к женщине и посмотрел ей прямо в глаза.

– Юна, мы пришли известить вас о том, что ваш сын мертв. И, к сожалению, это еще не всё. Мне очень жаль сообщать вам это, но он покончил с жизнью. По свидетельству участкового врача, вероятно, около четырех часов.

Хозяйка дома втянула щеки и на мгновение застыла, словно глядела на себя в зеркало и пыталась отмотать время назад в надежде убежать от безжалостной действительности.

– Около четырех? – прошептала она, поглаживая руку. – О господи, как раз после того, как я позвонила ему и сообщила об отце... – Юна несколько раз сглотнула, схватилась за горло и больше ничего не смогла сказать.

Они просидели с ней около получаса, после чего Карл кивнул Розе – пора отпускать руку несчастной женщины и уходить. Они успели пересечь гостиную, как Ассад вдруг спохватился:

– Можно я спрошу у вас кое-что, пока мы не ушли? – обратился он к хозяйке. – Юна, почему вы не поехали к сыну, чтобы обо всем сообщить ему лично? Неужели вы действительно настолько ненавидели своего мужа, что никогда не задавали себе вопрос – испытывает ли к нему такие же чувства и ваш сын? То есть вы считали, что ему было совершенно безразлично, жив его отец или мертв? Вот что мне хотелось бы узнать.

Роза опередила Карла, резко схватив Ассада за локоть. Что у него на уме? Вообще-то нельзя было называть эмпатию его слабостью.

Дрожащий взгляд Юны был прикован к полу; она словно еле сдерживалась, чтобы не схватить Ассада за горло и не придушить его на месте.

– Почему ты хочешь это знать, уродливая обезьяна? – прошипела женщина сдавленным голосом. – Тебя это вообще не касается! Или, может, у *тебя* этот ублюдок Кристиан отнял целую жизнь? Погляди вокруг, давай-давай! Думаешь, вот на это все я соглашалась, когда в один прекрасный день симпатичный парень встал передо мной на колени на лужайке в Альминдингене и попросил моей руки?

Ассад задумчиво почесал подбородок цвета голубой плесени – возможно, пытаясь придумать ответ на оскорбления, возможно, чтобы продемонстрировать женщине, что он готов выслушать очередную порцию ругани, если это поможет делу.

– Ты вообще собираешься отвечать или как? – с ненавистью выдавила она из себя.

Ассад выпростался из тисков Розы и приблизился к хозяйке, а затем сказал несвойственным для себя дрожащим голосом:

– Юна, я видал жилища и похуже вашего. Я встречал людей, готовых пожертвовать своими конечностями, чтобы получить такую, как у вас, ветхую крышу над головой и убийственную еду из вашего холодильника. Да, я повидал многое и разговаривал с людьми, готовыми убить кого угодно за ваше платье и полпачки сигарет. Но на ваш вопрос отвечу – нет, я думаю, что мечтали вы совсем не об этом. Только вот что: разве за мечту не надо бороться? Я думаю, в том, что вы сидите здесь, как и в том, что ваш сын теперь лежит в морге, виноват не один только Кристиан Хаберсот. Во всей этой истории кое-что не сходится. К примеру, почему ваш сын в своей коротенькой предсмертной записке написал: «Прости, папа»? Почему он не попросил прощения у вас?

Теперь уже Карл схватил Ассада за рукав.

– Что за хрень из тебя поперла? Идем, нам пора.

Но Юна протянула к ним руку, поднимаясь с дивана. Сообщение о прощальной записке не просто шокировало ее, она отказалась поверить в услышанное. Для нее это казалось абсурдным. В ее глазах эта записка словно принадлежала иной реальности.

– Ты говоришь неправду, мерзкий лгун! – воскликнула она, сжимая кулаки. – Это не так.

Роза кивнула, подтверждая слова Ассада. Карл тем временем потащил араба к выходу. Как только вся троица оказалась на противоположной стороне улицы рядом с машиной, Карл и Роза вопросительно посмотрели на Ассада.

– У тебя в душе поселилась какая-то тревога, которой ты мог бы с нами поделиться? – поинтересовался Карл. – Видимо, тебя что-то мучит, а иначе какого черта было проделывать эту выходку? Как это могло бы нам помочь?

– Клоун! – по-своему прокомментировала эпизод Роза. Поразительно лаконично.

Сзади раздался грохот – это Юна широко распахнула входную дверь.

– И все же я отвечу тебе, кусок дерьма! – орала она, пересекая улицу. – Бьярке было не за что просить у меня прощения, чтоб ты знал! – выплюнула она в Ассада, а затем обратилась к Карлу с Розой: – Мы замечательно жили без Кристиана. Откуда мне знать, почему Бьярке так написал? У него незаурядные мозги. – Женщина замолчала и переосмыслила сказанное. – Были незаурядные мозги, – исправилась она, губы ее задрожали, она схватила Розу за руку. – Наверное, вы в курсе истории об Альберте?

Роза кивнула. Юна удивилась и ослабила хватку.

– Ну ладно. Больше тут ничего и не добавишь. – Она вытерла глаза тыльной стороной ладони. – Мой муж был одержим ею. С того самого дня, как обнаружил ее, он перестал принадлежать нашему миру и сделался строптивым, злобным и скользким типом. Я не испытывала к нему ничего, кроме отвращения. Ну что, вы наконец слышали то, за чем пришли? – Затем она обратилась лично к Ассаду: – А тебе могу сказать – хотя ты и уверен в обратном, но ты понятия не имеешь о моих мечтах, как и о том, как я боролась за их воплощение, ясно тебе?

В этот момент в ней что-то надломилось, будто она и сама не знала ответа на собственный вопрос. Будто, вот так стоя перед ними в сумерках на тротуаре, она переключила свою жизнь на более низкую передачу.

Именно теперь Карл впервые увидел ее такой, какой она была. Не просто шестидесятилетняя отвергнутая женщина – это была женщина, которая пропустила целый отрезок жизни, в то время как тело ее постепенно изнашивалось. В данный момент она, кажется, находилась в некоем промежуточном состоянии простоя, в котором Карл время от времени мечтал себя похоронить.

Юна ткнула в Ассада пальцем, с минуту постояла, собираясь с мыслями, и наконец вновь открыла рот:

– Я б желала по реке вдаль унести на коньках, – почти что пропела она, – но снега здесь нет никогда, а есть лишь листва...

Казалось, женщина была готова продолжить мысль, но передумала. Выражение ее лица резко изменилось, когда наконец она вернулась в прежнюю колею, вспомнив о своей неприязни к смуглому кудрявому человеку, стоявшему перед ней.

– Так что заткнись на тему моих мечтаний, – отрезала она, уронив руку. – Ты еще решил выяснить, почему я не отправилась прямиком к сыну и не сообщила ему о смерти отца лично, вместо того чтобы позвонить по телефону. Ты и правда хочешь это знать?

Ассад кивнул.

– А знаешь что, вот именно поэтому я тебе ничего и не расскажу.

Затем она устремилась назад через улицу, бросив на каждого из собеседников взгляд, полный отвращения.

– И проваливайте, наконец! – раздалось на прощание. – В следующий раз я вам даже дверь не открою, если вы вдруг этого еще не поняли!

* * *

Они сидели втроем в гостиничной столовой перед ноутбуком Розы. На улице уже стемнело, так что пришлось отложить на следующий день встречу с заместителем, отвечающим за состояние Дома собраний Листеда. В настоящий момент у них оставалось несколько невыясненных вопросов и неоднозначных мнений, которые требовалось обсудить в первую очередь. Дама, в один день узнавшая о смерти сына и бывшего мужа, но так и не выбитая из колеи, никак не давала им покоя.

– Зачем она упомянула о реке, по которой хочет умчаться на коньках? – недоумевал Ассад. – Мы не знаем, может, она в «дырке» когда-нибудь лежала?

– В «дурке», Ассад. Но случается, туда попадают из-за дырки в башке, – сострила Роза. – Скорее уж у тебя в башке полная «дурка», судя по твоему сегодняшнему поведению.

– Допустим. Но ведь сработало, а? Итак, что мы имеем?

– В течение многих лет она работала в парке Брэнесгордсхэвен, сейчас он называется Джоболэнд, понимаете, как хотите. Зимой подрабатывала официанткой в нескольких заведениях. Не вижу никаких перерывов в ее трудовой деятельности, которые могли бы свидетельствовать о лечении в психушке.

– Завтра мы отправимся в Листед взглянуть на дом Кристиана Хаберсота и Дом собраний, и там, возможно, кто-нибудь сможет помочь нам подробнее разобраться во внутрисемейных отношениях Хаберсотов. Так что с этим пока подождем. Давайте посмотрим диск. – Карл обратился к Розе: – Ты уверена, что тоже хочешь это увидеть?

Та несколько опешила.

– А почему нет? Я все-таки, черт возьми, училась в полицейской академии и видела фотографии трупов.

– Да, конечно, но тут все-таки не фотография. Насколько я понял, тут содержатся весьма жесткие кадры, на которых человек стреляет себе в висок. Это не одно и то же.

– Я согласен с Карлом, Роза, – вклинился Ассад. – Поаккуратней. Когда видишь такое впервые, тебя запросто может выдрать.

Карл покачал головой. Некоторые слова явно давались Ассаду труднее остальных.

– Ассад, в таком случае говорят «вырвать». Тем не менее, Роза, это действительно может оказаться довольно неприятным зрелищем.

Если Мёрк рассчитывал, что у нее не хватит сил для дальнейшего протеста, то последующая минутная тирада Розы об их жуткой тупости раз и навсегда убедила его в том, что забота о ее душевном спокойствии выглядит совершенно по-идиотски.

Итак, Карл нажал на кнопку воспроизведения.

– Исходя из имеющихся у нас на данный момент довольно скудных сведений об эпизоде самоубийства, запись была сделана одним из знакомых Хаберсота, который являлся его соседом, – пояснил он. – Этот парень известен на острове под кличкой Дядя Сэм. Насколько мне известно, камера принадлежала Хаберсоту, поэтому первые пару минут Сэму пришлось приноравливаться к управлению устройством.

Последнее было правильно подмечено. Это было очевидно по кадрам, запечатлевшим обстановку со скоростью гончего пса и с тряской, характерной для фильмов Ларса фон Триера в стиле догмы. Не слишком приятное зрелище для страдающих морской болезнью.

В помещении было не очень много народу. Согласно списку, в комнате присутствовал председатель гражданского совета со своим заместителем по вопросам ревизии, которые отвечали за соблюдение внешних формальностей мероприятия. Кроме того, начальник полиции, местный представитель Полицейской ассоциации, комиссар полиции Биркедаль,

сосед Дядя Сэм, пономарь из Нексё, бывший администратор магазина, местный разнорабочий и еще какой-то мужчина, который плохо себя почувствовал и удалился.

– Маловато людей для проводов сотрудника на пенсию, – буркнул Ассад. – Возможно, поэтому он и прострелил себе башку.

– Он застрелился, потому что Карл не захотел его выслушать, – сухо прозвучало за спиной Мёрка.

– Спасибо, Роза. Мы понятия не имеем о том, какова была причина на самом деле, ага? Продолжаем далее по тексту...

Через несколько минут, уже после того, как Хаберсот разлил по стаканчикам белое вино, Дядя Сэм сносно овладел техникой видеосъемки. Теперь камера спокойно двигалась по залу. Это было вполне трапезное помещение с высоким потолком, парой дверей, ведущих в соседнюю комнату, и небольшим окошком в стене, через которое во время всяческих празднований подавали из кухни угощение. Камера двигалась вдоль стен с картинами разного формата и сомнительной художественной ценности.

В самом конце зала перед окнами, выходящими, по предположению Карла, на Ханс-Тигесенс-Вай с морем на горизонте, стоял Хаберсот при полном параде. Ладно, допустим, парадная форма не считалась последним пискom моды, но вот у Карла, например, ее вообще не было. В их сфере деятельности крайне редко появлялась необходимость в полном обмундировании.

– Спасибо, что вы пришли, – поприветствовал присутствующих Хаберсот. Он казался поразительно спокойным, словно ни на мгновение не допускал мысли о том, какой поступок собирается совершить совсем скоро.

Карл посмотрел на таймер в самом низу экрана. Все случится почти через четыре минуты, потому что потом видео заканчивается.

Он перевел взгляд на Розу. По-видимому, та тоже следила за строкой, отсчитывающей время до конца, и была готова в любой момент закрыть глаза. По крайней мере, хоть это она могла сделать тихо и спокойно.

Вот Хаберсот чокается со своими гостями и произносит речь. Оператор наводит камеру на пресные лица собравшихся. Вот виновник торжества вспоминает свою службу в старые добрые времена и извиняется за то, что у него не получилось остаться таким же, каким он когда-то был. Камера крупным планом показывает его глаза, полные боли. Хаберсот официально и без лишних сантиментов просит прощения за то, что позволил пресловутому делу об Альберте полностью поглотить его мысли и выдернуть его из прежней жизни. Затем он обращает внимание на своих нынешних коллег и выражает разочарование в результатах расследования и стыд за проделанную работу.

– А теперь он мог бы отказаться от крупного плана, чтобы мы видели картину происходящего целиком, – заметил Ассад.

Роза промолчала – она лишь сидела и трясла головой.

Можно было расслышать протест от человека, который, в соответствии с рапортом, представлял на мероприятии Полицейскую ассоциацию, однако это ни в коей мере не смутило Хаберсота. Здесь Дядя Сэм убрал зум, так что теперь Хаберсот предстал перед зрителями в полный рост на фоне стены.

Когда он выхватил пистолет и направил его на двух полицейских начальников, стоявших за спиной Сэма, Роза дернулась. Можно было решить, что они являлись обладателями одного из самых темных поясов в дзюдо или профессионалами в ином виде боевых искусств с передовой техникой падения, ибо оба мужчины немедленно сгруппировались и раскатились по полу в разные стороны, как заправские циркачи. Признание Биркедаля в том, что поначалу он принял оружие за муляж, не выдерживало никакой критики.

– Вот сейчас, – пробормотал Ассад.

Хаберсот без малейших колебаний поднес оружие к виску и выстрелил.

Можно было видеть, как голова отдергивается в сторону, извергая из своих недр невразумительную бело-красную массу. Тело оседает на пол. Камера падает.

Карл обернулся к Розе, но на месте ее не оказалось.

– Куда она подевалась? – поинтересовался Карл.

Ассад указал через плечо в сторону лестницы. Все-таки для нее это оказалось перебором.

– Тут явно видно, – прокомментировал Ассад, напрочь лишенный эмоциональной реакции, – что Хаберсот, судя по всему, был левша.

Каким образом он мог настолько практично и аналитично подойти к такому жуткому зрелищу?

Глава 7

Сентябрь 2013 года

Судя по тому, как дрожал голос звонившего мужчины, он не просто нервничал в данный момент, а по своей натуре всегда колебался и испытывал неуверенность в себе. Пирьо поняла это сразу. Такой может одарить щедро. Такие были на вес золота.

– Значит, вас зовут Лионель? Прекрасное имя, – приступила она к работе. – Чем могу быть полезна?

– Ну да, я Лионель и хотел бы стать певцом.

Пирьо улыбнулась. Ага, очередной. Чудненко.

– Я знаю, что у меня хороший голос, но как только собираюсь продемонстрировать его окружающим, он блокируется. Вот поэтому я вам и звоню.

Повисла небольшая пауза – Лионель, вероятно, набирался смелости для продолжения.

«Лучше уж не спрашивать, есть ли у него вообще голос для исполнения мечты», – подумала она.

– Лионель, а вы пробовали абстрагироваться от внешнего мира? Обнаружить природное начало в самом себе и позволить первобытной силе принести вам покой, сосредоточенность и радость от процесса пения?

– Я не вполне уверен...

– Понимаете ли, мне доводилось слышать о таких проблемах много раз. Когда человек желает чего-то так же страстно, как, судя по всему, вы желаете петь, он легко выбивается из фазы индивидуальных ритмов и вступает в противоречие с собственной энергией. Думаю, именно это и происходит с вами, когда блокируется ваш голос. Лионель, а когда вы делаете что-то другое, приходится ли вам испытывать такую же неуверенность? Если да, то могу посоветовать вам попробовать один из методов биоакустической коррекции или даже «заземляющее расщепление тела», на которое я могу направить вас, как только мы выясним, что именно для вас наиболее актуально и безопасно.

– Звучит заумно, но если это принесет результат, то...

– Послушайте, Лионель. Духовный рост – очень сложный процесс, однако есть методы достижения данной цели и конструирования более конкретной коллективной кармы. Естественно, это требует серьезной работы, но всегда важно помнить обещание бодхисаттвы – «мы не успокоимся до тех пор, пока каждое живое существо не будет избавлено от страданий», в том числе и вы. В общем, я думаю, что мы обязательно найдем доступный путь и для вас.

Лионель глубоко вздохнул. Он угодил в сети. Да уж, эта беседа встанет ему в грошик...

Вот так вот сидеть непоколебимо перед вечным огнем, как весталка, и обозревать жизни и бытие безвольных людишек нравилось Пирьо больше всего. В ходе ее обрывочного воспитания, несмотря ни на что, большое значение придавалось тому, что никогда нельзя водить людей за нос; но почему бы не прибегать время от времени к хитрости, если это помогает поднять чье-то существование на более высокий уровень?

Когда люди звонят ей и просят помочь им разобраться в жизни ради лучшего будущего, почему бы не предоставить им желаемое? Когда они засыпают ее сведениями о повседневном быте, скучных мечтах и унылых надеждах, а она затем истолковывает предоставленную информацию, давая им опору на будущее, что же в этом плохого? Им остается лишь сделать верное усилие. Или она не видела много раз, какое огромное значение имеет для ее клиентов, когда они получают правильный ориентир? И еще – разве некоторые люди не обладают выдающимися предсказательными способностями и возможностью влиять на судьбу? По крайней мере, у нее этот дар явно имелся, Ату убедил ее в этом давным-давно.

Пирьо улыбнулась. Телефонные консультации, при всей своей незамысловатости, оказались ее собственным гениальным и весьма прибыльным изобретением – и, что еще лучше, собственным заработком. По понедельникам она перевоплощалась в психолога на одной телефонной линии, по средам играла роль терапевта на второй, куда советовала звонить клиентам, когда требовалось проработать результаты, полученные в ходе нескольких первых бесед. В понедельник программа для изменения голоса помогала добиться светлого и легкого звучания речи, а в среду, напротив, – мрачного и властного. Лишь хорошенько потрудившись, можно было вывести ее на чистую воду. По крайней мере, распознать голос не представлялось возможным.

За счет этих двух телефонных линий, «Свет Оракула» и «Холистические узы», с такой по тридцать крон за минуту, формировались пенсионные сбережения Пирьо. Ей единственной из персонала «Натурабсорбции» Ату позволил заниматься собственным делом параллельно с участием в Академии натурабсорбции.

Вообще говоря, Пирьо добилась для себя множества привилегий, и она их действительно заслужила, ибо Ату был благодарен ей за многое.

– Итак, Лионель, самый последний вопрос: чего на самом деле вы хотите добиться посредством реализации вашего певческого таланта?

На мгновение он заколебался, а сомнения всегда заставляли Пирьо хмуриться.

– Вы хотели бы заниматься музыкой, так как это важная составляющая вашей личности, верно?

– Ну-у... и это тоже.

Ага, вот он и попался. Как это банально...

– Возможно, вы хотите прославиться?

– Да, думаю, так. А разве кто-то этого не хочет?

Она покачала головой. За день таких идиотов набирались вагон и маленькая тележка.

– А зачем вам популярность? Чтобы зарабатывать много денег?

– Да, конечно, это было бы неплохо. Но вообще-то, думаю, скорее из-за девушек. Ведь все говорят, у артистов с этим гораздо легче.

О'кей, значит, вот оно что... Да он и впрямь разорится.

– То есть с противоположным полом у вас наблюдаются некоторые сложности, – сочувственно резюмировала она. – И вы живете один, насколько я могу судить?

Неужели он засмеялся?

– Да нет же, черт возьми, я женат.

Пирьо вздрогнула, словно собеседник нажал на кнопку, связанную с нервными окончаниями ее позвоночника. Ее охватило ощущение дискомфорта, мозг поразили неестественные химические реакции. Она потратила годы на борьбу с собственной уязвимостью, однако пока что не было ни единого дня, чтобы эта борьба не обернулась для нее поражением.

– Вы говорите, что женаты?

– Да, уже десять лет.

– И ваша супруга целиком и полностью поддерживает ваши планы? Или нет?

– Планы? Нет, ни черта подобного. Ей просто нравится, когда я пою.

Пирьо посмотрела на свои руки. Иногда по ним пробегали мурашки, а порой предплечья становились огненно-красными, как от аллергической реакции. В данный момент присутствовали оба симптома.

Этого придурка надо было немедленно заткнуть подальше.

– Лионель, мне пришло в голову, что я могла бы вам помочь.

– Что?! Я плачу по тридцать крон в минуту за беседу с вами, так что вы не просто можете, но и обязаны это сделать. Так написано у вас на сайте.

– Конечно, Лионель, все справедливо, и вы должны получить за ваши деньги соответствующее качество услуги. Вы знаете песню «Битлз» «Yesterday»?

Она почти услышала, как он кивнул.

– Спойте мне первый куплет.

Через минуту наступила развязка. Пирьо даже не слушала его пение. Приговор уже был вынесен.

– Дорогой Лионель, мне искренне жаль вашу жену, которой достался в мужья такой подлец, и как же вам повезло, что она поощряет ваше стремление петь, ибо ваши вокальные данные совершенно посредственны. Мой домашний питомец и то точнее попадает в ноты, а кое-кто из моих глухонемых знакомых гораздо лучше владеет английским языком. А потому – радуйтесь, что я уберегла вас от самого грандиозного поражения в жизни, ведь ваше нелепое блеяние способно лишь напугать женщин до полусмерти.

Затем Пирьо, совершенно подавленная, положила трубку и глубоко задышала через рот. Да, она перешла предел допустимого, и все же вряд ли этот придурок вздумает рассказывать о своем поражении направо и налево.

Пирьо резко обернулась.

За спиной раздался щелчок, заставивший ее поджать губы. Прикрыв глаза, она ощутила, как пот струится из подмышечных впадин, а шея начинает пульсировать.

Пирьо сама того не желала, однако именно так реагировала всякий раз, когда Ату запирали дверь между ее офисом и атриумом, чтобы ничто не могло помешать ему осуществить очередное завоевание.

Всегда одно и то же. Не раз она собиралась переместиться в другой офис, даже пыталась убедить его переехать в другую часть Академии, но расположение помещений друг относительно друга неизменно сохранялось. «Так удобнее, дорогая Пирьо. Пост, где принимаются ключевые решения, администрация, главные коммуникативные связи – все в одном здании. Всего пара шагов из администрации до твоего или моего жилища. Все рядом. Давай все-таки не станем ничего менять».

Она вновь бросила взгляд на дверь, выходящую в атриум, и потерла руки, опять игнорируя зазвонивший телефон и не обращая внимания на учеников, которые махали ей в окно с площади перед зданием. Она пыталась не думать о мужчине, владеющем ее сердцем уже много лет и в настоящий момент ласкающем в соседней комнате другую женщину.

Но Пирьо не могла не заметить раздавшегося щелчка. Она ненавидела этот звук – он устраивал в ее голове настоящее короткое замыкание. Он предвещал, что возжеланный мужчина вот-вот окажется наедине с другой женщиной, и – пошло-поехало. Или, что еще хуже, повторный щелчок свидетельствовал о том, что процесс закончен и замок открыт. Только что она пребывала в состоянии душевного мира, но в следующую секунду ее сотрясало дикое возмущение; внутренний дискомфорт достиг поистине гигантских масштабов.

Но отчего же она не могла спокойно принять существующее положение дел? Это щелканье приносило ей беспокойство на протяжении многих лет, Ату никогда и не пытался скрывать от нее свои похождения. Ах, если б он только знал, что творил с ней этот категоричный звук отстранения, изоляции и насмешки, горький звук унижения! Но, даже узнав о ее столь болезненной реакции, попытался бы он избавить ее от страдания? Она сильно сомневалась.

Вот почему каждый раз Пирьо в конце концов зажимала уши и начинала молиться, чтобы обрести душевное равновесие.

– Гор, рожденный девой, – приступила она к молитве, – наставник двенадцати учеников, на третий день воскресший из мертвых, позволь уйти моему унынию, уведи мою ревность, останови дождь новых искушений, и я принесу тебе в жертву чудесный кристалл, в гранях которого отражаются и преломляются лучи солнца.

В который раз произнеся эти слова, Пирьо глубоко втянула ртом воздушную струю до самой колеблющейся диафрагмы. И как только желудочные спазмы стихли, она запустила руку в карман, нащупала один из маленьких камушков, открыла окно, устремила взгляд через Балтийское море к еле заметному Готланду и забросила сверкающий кристалл как можно дальше в воду.

За столько лет на песчаном дне моря скопилось множество кристаллов.

* * *

Вот уже почти четыре года штаб-квартира Академии Ату Абаншамаша Думузи, поведующего учение о натурабсорбции, располагалась на Эланде – вытянутом острове у юго-восточного побережья Швеции. Лучшего Пирьо не могла бы и пожелать. Здесь, посреди умиротворенных пейзажей, так легко было все держать под контролем, здесь все происходило исключительно в соответствии с предназначением и замыслом Вселенной. Здесь душу Ату ничто не тревожило, и для Пирьо это являлось основополагающим фактором.

Совсем по-другому обстояли дела, когда он набирал себе новых учеников из центров в Барселоне, Венеции и Лондоне и виделся с многочисленными дамами, которые ощущали себя лишними в тех краях. На таких встречах они с придыханием принимали его как оракула, врачевателя душ, прибывшего из страны северного сияния, из недр мирового океана космической энергии. Он вторгался в их разбитые мечты, помогал преодолеть разочарование в жизни и обрести смысл существования, он возносил их прямо к солнцу, словно они были не тяжелее невесомого облака.

В отличие от пребывания на острове, в большом мире материка Пирьо постоянно ощущала себя одинокой, пойманной в ловушку глубокой ревности, изолированной, переполненной осознанием собственной незначительности.

Слава богу, Ату относился к ней именно так, как она и заслужила, – как к своей правой руке, мозговому центру, вдохновителю, организатору и ответственному исполнителю. Единственное – Ату не рассматривал ее в качестве той, кем она стремилась для него стать.

Он не воспринимал ее как остальных женщин.

Так уж сложилось, что Пирьо оказалась единственной ученицей Ату Абаншамаша Думузи, которая была предана ему с тех времен, когда он занимал совершенно иное место в жизни и носил имя Франк. Несмотря на тесное сотрудничество и вопреки ее самому сокровенному желанию, у них никогда не было физической близости, их тела ни разу не слились воедино.

– Мы с тобой любим душами, друг мой, – всегда повторял он. – Ты приносишь мне самое главное наслаждение, милая Пирьо. Нежность твоей души и пронизательность питают меня мощнейшей энергией.

Она терпеть не могла, когда Ату так говорил, ибо мысли ее были далеко не целомудренными. И все-таки она его понимала, так как со временем между ними возникла настоящая духовная близость, подобно близости между братом и сестрой. Правда, это было бесконечно далеко от того, к чему стремилась Пирьо. Она желала ощутить его так, как ощущают его другие женщины. Полностью расслабиться, почувствовать, как увлажняется тело, разделить вместе с Ату пик наслаждения и страсти. Если б за все эти годы он переспал с ней хоть один раз, все было бы иначе. Один-единственный раз – и тогда ей не пришлось бы больше мучиться мыслями о том, что это невозможно и не произойдет никогда...

А для Ату она была весталкой, неприкосновенной. Олицетворение девственной чистоты, она присматривала за ним, за его деятельностью, за всем вокруг. И это он сам, а не Пирьо, решил, что так будет.

В определенном смысле она и оставалась девственницей, в свои тридцать девять лет. По крайней мере, что касается отношений с Ату. И если все-таки намеревалась заняться с ним любовью и зачать ребенка, чего она так страстно вожелела, то надо было действовать как можно скорее.

Пирьо стиснула зубы и представила себе женщину, которая сейчас была с ним. Ату привез ее несколько месяцев назад из Парижа, и вот теперь эта Малена Мишель, вытянувшись, стояла перед ним на высоченных каблуках – чистая невинность в белоснежном платье – и рассказывала ему о том, что родители ее итальянцы, что, когда ей исполнилось шесть лет, они эмигрировали во Францию. Что сейчас она ощущает, как все ее прошлое, начиная с самого рождения, растворяется в словах, которыми он так щедро ее осыпает. Что ее осенило – она попала в этот мир исключительно ради Ату. И что для него готова на любые деяния.

Никому и в голову не приходило, какая боль охватывала Пирьо, когда Ату благосклонно внимал подобным сладким речам; ведь она знала, что весь этот фимиам не только *кажется* незаслуженным, но и является таковым.

В результате девушка Малена сейчас была у него в спальне, всего в двух метрах от Пирьо, крепко запутавшись в сетях его мощной харизмы. Причем далеко не в первый раз такая девушка попадала к нему в ученицы. Теперь это случалось все чаще и чаще. Пора было принимать меры.

Всего несколько недель назад они ездили в Лондон набирать слушателей на весенний курс, тогда потеряла сознание симпатичная молодая африканка. В не присущей ему настойчивой манере Ату попросил Пирьо позаботиться о том, чтобы женщину отвели отдохнуть в его частные покои. Что именно происходило впоследствии за закрытыми дверями, Пирьо могла лишь догадываться, но во взгляде у Ату появилось новое выражение, которое во время обратного перелета породило некие сомнения и в его парижской возлюбленной, и в Пирьо.

И вот пожалуйста, перед ней лежит письмо от той самой девушки с просьбой принять ее в Академию на следующий курс, который Ату организовывал на Эланде. В соответствии с расписанием, опубликованным на сайте, курс начинался через неделю.

Конечно, это была не слишком приятная новость. В связи с этим Пирьо могла радоваться лишь тому, что скоро французская шлюшка покинет интимную сферу Ату.

Вообще-то Пирьо инстинктивно поняла, что на этот раз все может сложиться для нее крайне плохо. Ведь она обратила внимание на то, какое впечатление произвела чернокожая женщина на Ату, а такого не случалось уже давным-давно, Пирьо позаботилась об этом.

Нет, не оставалось сомнения в том, что эта женщина сумеет завладеть Ату гораздо основательнее, чем можно было допустить, если только предоставить ей такую возможность.

Пирьо держала ухо востро. Как и остальные органы чувств.

Глава 8

Четверг, 1 мая 2014 года

Стол был накрыт к завтраку на троих. Роза уже сидела у окна с видом на море, устремив взгляд в беспредельную даль.

– Доброе утро, – рискнул поприветствовать ее Ассад. – Ух, какая ты сегодня бледная, Роза, прямо как простыня... Зато движемся вперед, как сказал бактриан дромадеру, когда тот принялся жаловаться на удары хлыста.

Роза покачала головой и отодвинула тарелку.

– Может, тебе надо что-то принести из аптеки? – предложил Ассад.

Та же реакция.

– Мы ведь знали, что глупо было разрешать тебе смотреть запись с Хаберсотом, правда, Карл? – проворчал Ассад.

«Лучше б он замолчал или хотя бы подождал до кофе. Неужели не видно, что ей ничуть не лучше, чем когда она ушла спать?» – подумал Карл и вяло кивнул.

– Запись тут вообще ни при чем, – наконец отреагировала Роза. – Я вполне выдержала, хотя зрелище и впрямь отвратное.

– А что тогда? – поинтересовался Ассад, складывая на тарелке горку из хлебцев.

Ее взгляд вновь устремился вдаль.

– Ассад, оставь Розу в покое и подвинь-ка ко мне, пожалуйста, масло. – Карл мрачно посмотрел на почти опустевшее блюдо. – Съем хоть то небольшое, что ты не успел перегрузить на свою тарелку.

Ассад явно пропустил эти слова мимо ушей.

– Знаешь, что, Роза? Возможно, если б ты сказала, что тебя мучает, стало бы полегче, – произнес он с оглушительным хрустом; крошки разлетались во все стороны. Какое счастье, что они не каждый день завтракают вместе.

Ассад остановил взгляд на небольшом скопище демонстрантов с транспарантами, которые собрались отметить Первомай на площади перед «Бругсеном». «Вместе мы сильнее» – гласила надпись на одном из плакатов.

– Вы тоже считаете, что Хаберсот-младший был гомиком? – последовала очередная фраза, взгляд Ассادا был по-прежнему прикован к демонстрантам.

Карл нахмурился.

– Почему ты так думаешь? У тебя есть какие-то свидетельства?

– Нет, прямых нету, но только его хозяйка явно боевитая и довольно симпатичная, так мне показалось.

Боевитая... боже мой, где он только откопал это слово? Вообще-то, Ассад и сам был довольно боевитый.

– И что же?

– Ему было всего тридцать пять лет, довольно молодой мужчина, и ее это явно не смущало. То есть она была настроена довольно решительно.

Ассад взглянул на Карла так, словно только что засунул свой римский нос в осиное гнездо и счастливо избежал плачевной участи. С высшей степенью самодовольства.

– Ассад, я ни шиша не понимаю. К чему ты клонишь?

– Если б между ней и Бьярке что-то было, его комната выглядела бы не так. Она бы взяла его под свое крылышко. Ну, ты сам видел, какая это баба. Возилась и носилась бы с ним, проветривала одеялки, чистила пепельницы, стирала бы ему постельное белье, чтобы привнести в собственную жизнь немного нежности и эротизма...

– Вот как? Ты считаешь? Интересное наблюдение... В таком случае, не понимаю, почему бы им не заниматься сексом где-нибудь в другом месте? Ассад, это ни о чем не говорит. У тебя богатая фантазия.

Тот склонил голову набок.

– Ну, может, и так. То есть ты хочешь сказать, что они могли заниматься сексом посреди семейных фотографий и кружевных скатерок с пинг-понгами?

– С помпонами, Ассад. Ну да, а почему бы и нет? Почему вообще этот вопрос настолько важен для тебя?

– А еще я думаю, что он был геем, потому что у него под кроватью лежали журналы, на обложках которых сплошные мужики в облегающих брюках и в кожаных кепках. А еще все эти постеры с Дэвидом Бекхэмом на стенах...

– Ну ладно, только тебе надо было сразу высказать свои предположения. Но что из этого? Разве это имеет какое-то значение?

– Наверное, нет, но мне кажется, его мамаше все это очень не нравилось, поэтому она и избегала заглядывать в его жилище. Он был не из тех изящных, утонченных геев, которые угощают мамочку печеньем из хрустальной вазочки, боготворят ее и обожают ходить с ней по магазинам. Он был гомиком более грубого толка.

Карл выпятил нижнюю губу и кивнул. Вполне возможный вариант, если вдруг понадобятся сведения об интимной стороне жизни самоубийцы-сына. Ему до этого не было никакого дела, пусть даже погибший предпочитал секс с дряхлыми однойцевыми андалузскими близнецами. Его мало интересовали сексуальные предпочтения Бьярке Хаберсота, пока перед ним стояли теплые булочки, распространяющие соблазнительный аромат.

Ассад обратился к Розе:

– Кто запер твой рот на замок? Обычно у тебя на все подряд есть свое мнение. Скажи, Роза, что стряслось, я же вижу – что-то не так. Если не запись самоубийства, то что тебя потрясло? Должна же быть какая-то причина.

Она медленно повернулась к коллегам с таким же истерзанным и искренним взглядом, какой накануне был у Юны Хаберсот. Но не плакала – напротив, казалась удивительно сдержанной и безмятежной. Ее взгляд говорил о том, что Роза предпочла бы побыть в одиночестве, но не имела такой возможности.

– Я не хочу говорить об этом, но признаюсь, в чем дело, хорошо? Я не смогла смотреть дальше запись, потому что Хаберсот очень похож на моего отца.

Затем она вышла из-за стола и покинула их.

Некоторое время Карл сидел, уставившись на стол.

– Ассад, мне кажется, не стоит ее больше расспрашивать.

– Хорошо. А что у нее с отцом?

– Его размолото в фарш на работе в Фредериксверке, где она и сама работала. А так – ничего особенного.

* * *

Дом собраний, как и предполагалось, находился в легкодоступном месте, посреди главной улицы Листеда, которая делила город на две части: по одну сторону рыбацкие домики с выходом к морю, по другую – более современное жилье с земельными наделами.

«Дом собраний г. Листеда» – гласила лаконичная надпись на желтом фасаде здания. Большая часть информации о помещении содержалась в этих трех словах.

Уродливая и неудачно расположенная витрина с доской для объявлений сообщала о том, что для пенсионеров Листеда организуются занятия по линейному танцу, сеансы скан-

динавской ходьбы, тренировки по петанку⁶; детям предлагалось принять участие в посиделках у костра с выпеканием хлеба, устраивались тренировки по софтболу и мастер-класс по вырезанию тыквы на Хэллоуин. Помимо этого, тут же висел краткий реферат последнего собрания горожан с перечислением текущих нужд и чаяний. Стоит ли ввести в городе постоянную прописку? Надо ли заменить скамейку на Мор-Маркерс-Гэнге? Предоставить ли разрешение на строительство понтонного моста у городского пляжа?

Исключительно мелкие внутренние дела, никакой информации о первомайской демонстрации ни здесь, ни в любой другой точке города по дороге от гостиницы до Дома собраний. Зато организация «Метал Борнхольм» приглашала детей на надувную горку в павильон «Цыплячья мамочка» (Боже мой, ну и название!) где-то в парке Альминдинген.

В этом укромном тесноватом помещении люди встречались в разгар летней жары в связи с мелкими и крупными событиями. И вот случилось так, что именно здесь один из самых уважаемых горожан менее суток назад расплатился за собственный неправильно сделанный выбор...

Карл узнал встретивших их женщин по видеозаписи.

– Болетта Эллебо, – представилась одна из них на борнхольмском говоре, но почти внятно. – Я заместитель администратора и живу в примыкающей постройке, так что ключи хранятся у меня.

Она бодрилась, но явно испытывала дискомфорт в связи с произошедшим.

Вторая назвалась Марен, она была председателем городского совета. Ее печальные глаза свидетельствовали о том, что в данный момент она с радостью избавилась бы от своей должности.

– Вы были знакомы с Хаберсотом лично? – спросил Карл, после того как женщины поприветствовали Розу с Ассадом.

– Да, очень близко, – ответила Болетта Эллебо. – Возможно, даже слишком близко.

– Как прикажете это понимать?

Пожав плечами, она повела их в зал, светлое помещение, белые стены которого были увешаны всевозможными дипломами и картинами, создававшими ощущение «упорядоченного хаоса». Через несколько панорамных окон можно было увидеть ее садик. Гостей усадили за ламинированный стол, на котором их уже поджидал кофе.

– Мы могли бы догадаться, что однажды это случится, – тихо заметила Марен. – Как же жутко сознавать, что вчера это все-таки произошло... Я все никак не отойду от происшедшего. К несчастью, Кристиан решил поступить именно так – видимо, потому, что собралось очень мало людей. Я думаю, это стало своего рода наказанием для всего нашего общества.

– Ерунда, Марен, – перебила ее Болетта Эллебо и обратилась к Карлу: – Марен в своем репертуаре, нежная и впечатлительная душа. Хаберсот сделал это потому, что устал от самого себя. Так оно и было, помяните мое слово!

– Кажется, вы не слишком потрясены случившимся. Почему же? Должно быть, неприятно стать свидетелем настолько кошмарного поступка, разве нет? – поинтересовалась Роза.

– Послушайте, милочка, – принялась объяснять Болетта. – Я пять лет проработала социальным работником у черта на куличках, а именно в селах Гренландии, так что меня не так просто выбить из колеи. Вряд ли кто-то повидал в своей жизни больше нелегальных двустолок. Естественно, случившееся впечатлило меня, но жизнь на этом не кончается, не так ли?

Роза молча рассматривала женщину в течение пары минут, после чего поднялась со стула и направилась к окну, выходящему на улицу; повернулась лицом к присутствующим,

⁶ Петанк – провансальский национальный вид спорта, бросание шаров.

поднесла указательный палец левой руки к виску, симитировала выстрел из пистолета и упала на пол. Затем взглянула на Болетту Эллебо.

– Вот так все и произошло, на этом самом месте?

– Ну да, именно. Если внимательно посмотреть на пол, еще можно заметить остатки кровавого пятна. Только меня больше не заставишь оттирать все дочиста, лучше вызову людей из клининговой компании.

– Болетта, вы, кажется, раздражены. Причина вашего раздражения кроется в том, что он решил сделать это именно здесь? – спросил Ассад, растворяя сахар в чашке парой капель кофе.

– Раздражена? Вы знаете, все дело в дурной карме. Почему ему приспичило стреляться в нашем помещении? Мог бы сделать это у себя дома или отправиться на скалы... Я считаю, он оказал нашему маленькому залу медвежью услугу.

– Дурная карма? – Ассад в недоумении мотал кудрявой шевелюрой.

– А вы думаете, приятно проводить здесь собрание совета или, к примеру, банкет – и видеть перед глазами ту самую сцену?

– Ну, это касается только вас двоих. Кажется, из числа участников совета не так уж много народу посетило роковое мероприятие? – едко заметила Роза.

– Верно. Но вот дыру в картине теперь никак не спрячешь. Как и простреленную стену. – Болетту Эллебо не так просто было увести от любимой темы. – Ну, теперь-то мы наконец оштукатурим стенку, чтобы избавиться от гигантской дыры, которую оставили криминалисты, извлекая пулю. Вообще-то я настаивала на этом уже много лет, так что нет худа без добра. Сами посмотрите, какая уродливая тут стена. Из газобетона, ну и убожество! Итак, спасибо, Хаберсот, хоть какая-то от тебя вышла польза!

Судя по всему, здесь, на «Диком Востоке», процветал цинизм.

– Не обращайтесь внимания на Болетту, – почти шепотом произнесла Марен. – Она потрясена случившимся в той же степени, что и я. Просто у каждой из нас свои способы справиться с эмоциями.

– Роза, ну-ка встань туда, где ты только что стояла, – попросил Ассад и встал перед коллегой. – Я буду одним из гостей, а ты будешь Хаберсотом. Я бы хотел...

Но Роза не слушала его. Она просто стояла и таращилась на картину, сквозь которую прошла пуля. И отнюдь не потому, что это было выдающееся произведение искусства, которое войдет в историю, – солнце, ветви дерева и парящая птица.

– Да-да, он ранил птичку, меткий выстрел. Странно, что она не свалилась замертво, – рассмеялась Болетта. – Ничего, зато мы избавимся наконец от этой халтуры.

– Значит, вам не нравится эта картина? – спросил Ассад, подходя ближе. – Вообще-то она ничего, но, естественно, вот до этого пляжного пейзажа ей далеко, правда?

– Друг мой, протрите глаза, – возмутилась она. – Намалевано абсолютнейшим дилетантом, да он таких по десятку в день штамповал.

Роза наконец отвернулась от стены.

– Пойду-ка подышу свежим воздухом.

По окружности пулевого отверстия в птичьем крыле угадывались микроскопические осколки черепа и частицы мозга мужчины, очень похожего на отца Розы, так что ее можно было понять.

– Для такой тяжелой работы эта женщина слишком юна, – сочувственно произнесла председатель совета.

– Ну-у, – протянул Карл. – Либо вы ошибаетесь насчет ее возраста, либо не в курсе, что в ее жилах течет жидкая сталь. Итак, расскажите мне все, что вы знаете о Хаберсоте. Понимаете, мы только что приехали из Копенгагена и пока не слишком осведомлены об особенностях его личности.

– Вообще-то, мне кажется, Кристиан был неплохим человеком, – приступила к рассказу дама. – Просто он стремился сделать гораздо больше, чем было в его силах. Вот это и вылилось в итоге на его семью. Он служил в отделе общественной безопасности, а не в криминальном отделе, зачем ему вообще все это было надо? Вот что никак не укладывается у меня в голове. – Она задумчиво посмотрела перед собой. – И в итоге больше всего пострадал Бьярке, бедный мальчик... Я думаю, ему нелегко было жить с матерью.

«Эти женщины не в курсе, что он мертв», – подумал Карл и послал Ассаду предупреждающий взгляд: не проговорись, чтобы не сбить их с мысли об отце. Мёрк еще рассчитывал успеть на вечерний паром. Смерть Бьярке должна расследовать полиция Борнхольма, а копаться во всем остальном представлялось безнадежным занятием. Они сделали свое дело, прислушались к Розе, теперь она вышла из игры. Так что – домой на вечернем пароме!

– Так, может быть, мать виновата в том, что Бьярке совершил самоубийство? – все-таки выпалил Ассад.

Не прошло и секунды, как обе дамы выпучили глаза.

– Господи, не может быть! – в ужасе воскликнула Марен.

Женщины сидели не шелохнувшись, пока Карл вводил их в курс дела. Будь проклята болтливость Ассада!

– Они не особо ладили, насколько я слышала. Бьярке был гомосексуалистом, а его матушке это жуть как не нравилось. Уф! Можно подумать, сама она прям Христова невеста, – заворчала Болетта Эллебо.

– Ну, а я что говорил? – просиял Ассад.

– Вы говорите, она не без греха. Но она одинока, а значит, ничего предосудительного в ее похождениях нет, верно? – уточнил Карл.

Дамы переглянулись. Судя по всему, для горожан сочные истории о несчастной супруге Хаберсота давно стали притчей во языцех.

– Она тут летала пчелкой, еще когда они жили с Хаберсотом, – ядовито заметила Марен. Наконец-то расправились крылышки ее ангельской сущности.

– Откуда это известно? Она была настолько неосторожна?

– Сомнений быть не может, – подключилась Болетта Эллебо. – Вообще-то ни с кем конкретно ее никогда не видели, только внезапно она стала чересчур нежной. И все поняли, почему.

– Вам казалось, она была влюблена?

Болетта издала звук, похожий на хрюканье; вопрос Карла, видимо, развеселил ее.

– Влюблена? Не-е-ет, все гораздо более приземленно. Она была удовлетворена. То есть в сексуальном плане. И если вам интересно мое мнение, источником ее удовлетворения была отнюдь не семейная жизнь. Во всяком случае, люди, с которыми она вместе работала, не сомневались, что ее затянувшееся отсутствие во время обеденных перерывов неспроста. Кое-кто видел также ее машину припаркованной у дома сестры в Окиркебю, когда самой сестры дома не было. Один из соседей утверждает, что у входа ее поджидал какой-то мужчина, но точно не Хаберсот, слишком уж молодой. – Болетта Эллебо тихонько усмехнулась, но вдруг выражение ее лица изменилось кардинально. – Она никогда палец о палец не ударила, чтобы помочь мужу вернуться домой. Вот в итоге так все и вышло. Альберта или не Альберта, но жена от него в любом случае улизнула.

– Как же печально узнать о том, что стряслось с Бьярке, – сказала Марен; она никак не могла прийти в себя.

– Это точно, приятного тут мало. А Альберта, которую задавила машина, с ней что? – спросил Ассад. – Как вы думаете, сможете ли вы добавить о ней сведения, которые не содержатся в наших бумагах?

Обе дамы пожали плечами.

– Мы понятия не имеем, что у вас там в бумагах, но кое-что знаем. Островок-то у нас небольшой, и слухи быстро разносятся, когда случается что-то из ряда вон выходящее.

– Итак? – Ассад сгрузил в кофейную чашку очередной совок сахара. Как только туда все влезло?

– Судя по всему, это была приятная девушка, которой чересчур ослабили узду. Ничего особенного, но в народных школах, когда за молодежью не присматривают, зачастую процветают слишком свободные нравы, таковы уж молодые люди, – поделилась Болетта своими размышлениями. – Говорят, за довольно короткое время девушка успела связаться сразу с несколькими парнями.

– Говорят? – раздалось из недр ассадовой чашки.

– Мой племянник, работающий завхозом в школе, рассказывал, что она флиртowała с несколькими ребятами, так теперь ведут себя влюбленные девушки. Потом прогулки за ручку по долине за школой, и все такое прочее...

– На мой взгляд, все это звучит довольно невинно. Ассад, на эту тему есть что-нибудь в рапорте? – спросил Карл.

Ассад кивнул.

– Да, кое-что есть. Один из парней был учеником школы... ну, не слишком серьезное увлечение. А вот со вторым она встречалась вне школы и чуть дольше.

Карл обратился к женщинам:

– Вы его знаете?

Те замотали головами.

– Ассад, что там про него в рапорте?

– Только то, что пытались выяснить его личность, но тщетно. Две ученицы народной школы рассказали, что этот молодой человек не учился с ними, но, думая о нем, Альберта могла часами сидеть, уставившись в пустое пространство перед собой, словно происходящее вокруг ее ничуть не волновало.

– А расследование Хаберсота случайно не прояснило личность этого парня, вы не в курсе?

Дамы и Ассад покачали головами.

– Хм... ладно, отложим на время этот вопрос. Как я понял, Хаберсот был поглощен тупиковым делом, которое даже не входило в его компетенцию. Жена ушла от него, забрав с собой сына, горожане не поддерживали его. Водитель, скрывшийся с места происшествия, и гибель сбитой девушки изменили всю его жизнь. Все это мне, как полицейскому, трудно понять. Мы попытались поговорить с Юной Хаберсот, но она отказывается общаться на данную тему и весьма жестко отзывается о бывшем муже. Болетта, у меня создалось впечатление, что вы довольно хорошо с ней знакомы; вы поддерживаете с ней контакт?

– Боже упаси, конечно, нет. Когда-то мы были близкими подругами, она жила всего в двух сотнях метров от меня; потом там жил Хаберсот, вплоть до вчерашнего дня. Но она съехала и исчезла из поля зрения. Естественно, я встречала ее в Брэндесгордсхэвен, где она продавала билеты, мороженое и выполняла кое-какую работу, но уже много лет не общалась с ней. После развода и эпопеи с делом об Альберте она стала какой-то странной. Может быть, ее сестра Карин расскажет вам какие-то подробности, ведь они с Юной и Бьярке одно время жили вместе на Йернбанегэде в Окиркебю. Изначально дом принадлежал родителям, затем перешел к сестре. Сейчас Карин живет в Рённе. Попробуйте спросить у Дяди Сэма, он живет на этой же улице в доме двадцать один. Наверное, с ним Хаберсот общался больше всего на протяжении последних лет.

Карл посмотрел на Ассادا, который строчил в блокноте как ненормальный. Дай-то бог, скоро эти записи будут преданы забвению...

– Еще одна вещь, – не унимался он. – На записи, сделанной на вчерашнем мероприятии, мы заметили человека, который исчез сразу после того, как Хаберсот совершил самоубийство. Вы не знаете, кто он такой?

– А, это Ханс, – ответила Болетта. – Местный дурачок, он выполняет всякие поручения горожан. И является всегда, когда можно бесплатно выпить и закусить. От него вы вряд ли добьетесь толку.

– Вы не подскажете, где его можно найти?

– В это время суток?.. Посмотрите на скамейке за коптильней. Прямо через дорогу, а затем направо по Страндстиэн. Там увидите плоское серое здание с парой коптильных камер. Скамейка стоит в саду за зданием. Наверняка он сейчас там сидит и вырезает по дереву или пьет пиво, как обычно.

* * *

Петляя по Страндстиэн, в какой-то момент они заметили вдалеке силуэт Розы. Она стояла на самом высоком камне, верхушка которого едва вылезала из воды, и казалась какой-то потерянной, словно мир вдруг оказался для нее чересчур огромным.

Они на мгновение остановились, не спуская с нее глаз. Это была не та отчаянная и строптивая Роза, к которой они привыкли.

– Когда же погиб ее отец? – спросил Ассад.

– Несколько лет назад. Видимо, для нее недостаточно давно.

– Давай отправим ее обратно в Копенгаген?

– Зачем? До сего момента я подразумевал, что вечером мы поплывем туда все втроем. С сестрой и школьным персоналом можно поговорить и по телефону.

– Вечером? То есть ты думаешь, нам не стоит продолжать расследование на острове?

– Ассад, какой смысл? Криминалисты прочесали дом Хаберсота вдоль и поперек, так что с их стороны не ожидается никаких грандиозных открытий. На сегодня не существует ни единого конкретного факта, за который мы могли бы уцепиться. Кроме того, не стоит забывать, что Хаберсот превратил работу над этим делом в смысл всей своей жизни – и, тем не менее, так и не смог раскрыть его. Как же мы сможем сделать это всего за несколько дней? Ассад, мы говорим об эпизоде, который произошел почти двадцать лет назад!

– Ой, вон чувак, про которого они говорили.

Ассад указал в направлении скрюченной фигуры, пристроившейся на белой садовой скамейке позади дымохода; рядом громоздились пивные банки. В таком маленьком социуме сложно было спрятаться.

– Здорово! – смело поприветствовал фигуру Ассад, просачиваясь сквозь садовую калитку. – Ага, сидишь, значит, Ханс... Болетта нам так и сказала.

Прекрасная попытка, Ассад, bravo. Но мужчина не удостоил его даже взглядом.

– Сидишь, стало быть, отдыхаешь... Вид отсюда и впрямь прекрасный открывается.

По-прежнему никакой реакции.

– Ну и ладно, не хочешь со мной разговаривать, тогда пеняй на себя. Мне-то только лучше.

Он кивнул Карлу, открывая садовый кран с водой, и принялся мыть руки. Мёрк взглянул на часы. Время молитвы.

– Сходи за Розой. Я освобожусь через десять минут, – улыбнулся Ассад.

Карл покачал головой.

– Думаю, ей сейчас лучше побыть наедине с собой. Я пока поброжу вокруг и поразмышляю. Ассад, а если честно – думаешь, здесь подходящее место для молитвы? Ведь ты тут у всех на виду. Ты даже не в курсе, может, там в доме кто-то сейчас находится?

– Карл, если они никогда не видели мусульманина в момент молитвы, возможно, пришло время увидеть. Травка такая мягкая, а этот человек все равно не желает со мной разговаривать... Какие проблемы?

– О'кей, Ассад, дело твое. Принести коврик?

– Спасибо, я воспользуюсь курткой. На природе и так сойдет. – С этими словами Ассад стянул носки.

* * *

Карл не успел преодолеть и двадцати метров, а Ассад уже совершал киям⁷. Его силуэт очень гармонично и благородно смотрелся на фоне голубого неба. К сожалению, сам Мёрк никогда настолько не приблизится к Богу.

Он повернул голову в сторону фигуры, застывшей на камнях, подобно сфинксу, в небе танцевали облака. «Почему она там стоит? – подумал он. – Что за мысли теснятся в эту минуту в ее голове? Она печалится? Или мозг ее разрывается от переполняющих его тайн и загадок? А может, все дело в Альберте и Хаберсоте?»

Карл остановился, зафиксировав какое-то странное ощущение в теле.

Всего пару дней назад он находился дома и знать не знал ни о каком Хаберсоте, ни о какой Альберте. Сказать по правде, ему плевать было на все эти Сванеке, Листеды и Рёнке, а вот теперь он стоит на этом самом месте и чувствует себя удивительно одиноким и потерянным. Именно тут, на самом краю Датского Королевства, его внезапно пронзило осознание того, что человек не способен убежать от себя, где бы он ни находился. У Карла возникло ощущение, что проклятый гном из преисподней всегда следует за ним по пятам и что только он сам, Карл, и отвечает за то, кем является на самом деле.

Мёрк покачал головой. Какая бессмыслица... Неужели он и вправду раньше предполагал, что сможет уйти от себя и предать забвению все, что сформировало его таким, какой он есть?

Но разве у остальных людей не так же? Время, в которое им довелось жить, так настойчиво предлагает всем отведать коктейля из самоотречения и самовосхваления... И если кому-то не по душе то положение, в котором он пребывает, всегда сохраняется возможность убежать от себя. Убежать от отношений, от семейной жизни, от родины, от прежних ценностей, от моды, которая еще вчера так очаровывала тебя... Проблема заключается лишь в том, что, оказавшись в новых условиях, ты не находишь ничего из того, к чему были устремлены глубинные поиски, ибо завтра тебе вновь все покажется безразличным. Вечная и бессмысленная погоня за собственной тенью, какая нелепость! Полнейшая бессмыслица. Неужели он и впрямь ничем не отличается от остальных?

«Какой же ты идиот, Карл, просто слов нет», – думал Мёрк, втягивая носом запах гниющих водорослей и морской соли; мысли продолжали роиться в голове.

Почему он такой? Почему он не способен на серьезные отношения с кем бы то ни было? К примеру, вот Лисбет, встретившаяся ему после разрыва с Моной, – разве не проявила она к нему нежность и понимание? Вообще говоря, прекрасная женщина, верно? А он сам разве ответил ей тем же? Говоря начистоту, он просто-напросто предал ее и повернулся к ней спиной ровно в ту секунду, когда они повстречались. И Лисбет вполне могла бы вывести его на чистую воду и справедливо упрекнуть его в этом, но она промолчала. Так все-таки, спрашивается, кто кого тут предал?

⁷ Киям – составная часть намаза, канонической мусульманской молитвы.

А что теперь? Таких, как Лисбет, потом встречалось еще несколько. Но было ли в его жизни место для нормальных отношений? Существовал ли во всем мире человек, который захотел бы быть с ним рядом?

«По крайней мере, у меня есть Мортен и Харди, разве нет? – успокоил он сам себя. – А Йеспер? Возможно, еще Ассад и даже вон та девушка, что стоит на камне...» Но останутся ли они с ним и завтра? Достоин ли он того, чтобы люди тратили на него свое время?

Бросив взгляд на рокочущие волны, Карл наконец решился. Он извлек мобильный телефон из кармана и принялся пролистывать номера.

Телефон Моны еще хранился в записной книжке. Вот уже три года прошли без нее, но она по-прежнему была доступна мгновенным нажатием кнопки.

На секунду палец нерешительно замер над экраном, но все-таки опустил на кнопку вызова.

Не прошло и десяти секунд, как ее голос произнес его имя. Значит, и она еще не удалила его контакты из памяти своего телефона. Но стоило ли трактовать это как хороший знак?

– Это ты? Привет, Карл. Ну скажи что-нибудь, – сказала она как ни в чем не бывало, почти парализовав его. – Ну давай же, я вижу, что это ты. Ты случайно набрал неправильный номер?

Он ответил совсем тихо:

– Нет-нет, все правильно. Я просто хотел услышать твой голос.

– Хорошо.

– Да, наверное, это покажется тебе очень странным, но я сейчас стою посреди Листеда неподалеку от Сванеке, смотрю на море... и очень хочу, чтобы ты оказалась рядом.

– Сванеке! Забавно. Потому что я в данный момент нахожусь в противоположном конце Дании, а именно в Эсбьерге, и хотя бы по этой причине мне будет сложно оказаться рядом с тобой.

«Хотя бы по этой причине», – сказала она. Не слишком приветливо.

– Ясное дело. Я просто хотел тебе сказать об этом. Может быть, встретимся, когда я приеду...

– Ну да, звони, о'кей? Всего хорошего, Карл. Только не падай в Балтийское море. Там, должно быть, холодно.

Вот и весь разговор. Нельзя сказать, что он вышел приятным.

* * *

Когда Карл вернулся, Ассад уже сидел на скамейке и вовсю трепался с мужиком.

– Да он чокнутый, – кудахтал тот как-то по-детски. – Валяться на земле кверху задницей и болтать какую-то тарабарщину...

Ассад рассмеялся.

– Ханс, оказывается, решил, что я клянчу у него пиво. Зато теперь он точно знает, что таким, как я, это неинтересно.

– Ну да, потому что он вообще не пьет, даже на первое мая. Вы собираетесь на демонстрацию в Рённе? Я, помню, как-то побирался там, но теперь голосую за Датскую народную партию со знанием дела. Мы все-таки в Дании живем, как ни крути. И этот, который не пьет, тоже. Верно я говорю? – Ханс захохотал.

– Ханс рассказал мне, что знает всех в городе. Ему не понравился вчерашний поступок Хаберсота, вот он и сбежал. Но, вообще говоря, он и самого Хаберсота не очень жаловал.

– О да, Хаберсот! Он совсем рехнулся. Я и то в два раза умнее его. Как минимум в два раза.

– Почему вы так говорите? – поинтересовался Карл.

– Какая ж у него была жена красотка, да-да, настоящая красотка... Я никогда не видал никого красивее, клянусь. А он ее упустил, вот тупица. Да уж, я видел, как она гуляла по городу с рыбаками, а однажды в Кнархое наткнулся на нее с каким-то чужаком. Хаберсот был полным придурком. Все ее целовали... – Он вдруг вытянул шею. – О! Вы ее ждали, и она пришла. Аккуратнее, она уже тут.

Ханс от души хлебнул из банки и указал на Розу, которая кивнула ему в ответ. Щеки ее разругались, волосы растрепались на ветру. Она явно собиралась прервать завязавшуюся беседу.

– Минутку, Роза, Ассад кое за что уцепился, – с этими словами Карл вновь повернулся к парню на скамейке: – Добрый день, Ханс, я приятель Ассада. Я вообще-то неплохой малый. Правда, довольно-таки дотошный. Скажите, а из рыбаков, с которыми, по вашим словам, она целовалась, вы с кем-нибудь знакомы? Можно ли мне с ними поговорить?

– Тех рыбаков уже давно в городе не осталось.

– А еще вы упомянули, что Юна Хаберсот встречалась с парнем на... как там, Кнархой, кажется? Так вот, если б вы вдруг поделились его именем, я бы и с ним с удовольствием поговорил.

Ханс расхохотался, так что из уголков рта во все стороны полетели пивные брызги.

– Ха-ха, боюсь, не придется вам с ним разговаривать, ибо я понятия не имею, как его звали. Он же был не из города. Но вы могли бы спросить у Бьярке, мальчика, которого я выучил резьбе по дереву. Там, на Кнархой, он выглядел совершенно по-дурацки в скаутской куртке и коротких штанишках, когда они с этим парнем что-то выкапывали или закапывали...

– По-дурацки? Почему же?

– Ну, он же был уже почти взрослым.

– Так он, может, являлся членом какого-то отряда?

Ханс просиял, словно кто-то подлил ему в мозг топлива.

– Именно, точно так!

– Хорошо, Ханс. То есть вы утверждаете, что Бьярке общался с женщиной, с которым встречалась его мать?

– Да. Однажды она забралась туда, когда там уже были ее сын с любовником. Там сейчас лабиринт. Наверное, тот самый лабиринт, про который в нескольких книгах написали. Я так понимаю, что вы не в курсе.

* * *

Они оставили ему двадцать крон. Как раз хватит до конца дня, обрадовался Ханс. Больше, чем на три пива. Можно сказать, гораздо больше. Он не относился к людям, которые требуют от жизни невозможного.

– Эй, вы двое, слушайте, – выпалила Роза по пути к машине. В глазах у нее сверкали огоньки, мозг пронизывали электрические разряды; она явно пришла к какому-то выводу. – Я стояла там и все думала, думала... Кто же все-таки такой этот самый Хаберсот и почему он делал то, что делал? С чего ему быть настолько одержимым именно этим делом?

– Возможно, своего рода противовес неладам на семейном фронте. Ты же слышала обеих дамочек и бравого полицейского. Ну, и профессиональную честь Хаберсота тоже не стоит сбрасывать со счетов, – предположил Карл.

– Может быть, и так. Он, несомненно, был прекрасным полицейским, тут без вопросов, – согласилась Роза. – Он преследовал свою цель, а когда понял, что зашел в тупик, застрелился. И все же – он поступил так, потому что был больше не в состоянии продолжать? Вы как думаете?

Карл пожал плечами:

– Вероятно.

– Роза, скажи лучше, к какому выводу ты сама пришла, – улыбнулся Ассад.

– Ну, я вот, например, так не думаю. Уже не думаю. Мне кажется, он застрелился, чтобы продемонстрировать, насколько важным было для него это дело. И знаете, что еще я думаю по поводу важности? Ассад?..

– Наверняка дело было достаточно важным, раз из-за него человек пробил себе башку.

– Очень смешно, Ассад. Но только Хаберсот пустил пулю себе в лоб, так как изо всех сил хотел, чтобы *мы* продолжили дело. Я убеждена в этом. Он хотел передать дело нам, потому что сам окончательно зашел в тупик.

– Может, наоборот?

– Нет. Конечно, такое предположение кажется наиболее логичным, и все же я думаю, что в конце концов он понял, кто сбил Альберту, только никак не мог доказать это. – Она скептически покачала головой. – Либо не мог найти его. А может, и то, и другое. Да уж, мне кажется, есть от чего рехнуться... И еще, сдается мне, – если мы как следуем поищем в его доме, наверняка сможем найти те или иные подсказки.

– Роза, прекрати. Я вижу, что ты уже погрузилась в дело с головой, и все же – не проще и логичнее было бы поведать о своих подозрениях в письменной форме, чтобы облегчить нам работу? Если его самоубийство действительно было хорошо просчитано и спланировано, тогда почему у нас на руках не оказалось ни единой зацепки? Ответ напрашивается сам собой: потому что никаких зацепок не существует. Я не прав?

– Нет, в моем представлении все не так. Быть может, он и сделал какие-то записи, просто мы их еще не успели прочитать... не знаю. Может, и нет. – Роза вновь покачала головой; очевидно, она находилась на перепутье и никак не могла выбрать один из вариантов пути. – Или, возможно, он и сам не знал ответа, а знал только, что решение маячит у него перед носом, а он никак не может его разглядеть. И тогда ему понадобилось прибегнуть к помощи нового, незамыленного взгляда на проблему. – Роза решительно кивнула. – Да, пожалуй, так оно и было.

Она посмотрела на Карла сияющими глазами. Поразительно, насколько проникновенным и обольстительным может быть ее взгляд.

– Карл, знаешь, что? Он выбрал именно нас, чтобы прояснить ситуацию окончательно, и мы должны гордиться его выбором. Я уверена – прежде чем решиться на последний шаг, Хаберсот убедился, что мы приедем сюда. Он знал, что должен принести себя в жертву, чтобы дело вновь оказалось на поверхности. Я несколько не сомневаюсь в этом.

Карл кивнул, покосившись на своего курчавого напарника, взгляд которого недвусмысленно выражал: «Вот теперь она точно тронулась умом».

И с этим трудно было не согласиться.

Глава 9

Сентябрь 2013 года

Ванда Финн не устраивала никакого скандала, она просто самоустранилась. Бросила фуражку на пол, попрощалась с женщиной, сидевшей на посту, и выскользнула за дверь.

Вот она, настоящая свобода, бесконечная и абсолютная! Стена, окружающая парк Виктория-Эмбаркмент-гарденс, промелькнула мимо, не вызывая ни малейшего чувства сожаления. Улетучилось беспокойство по поводу напрасно потраченного времени, звуки парка затмили недавнее прошлое. Перед Вандой лежали теперь весь мир, вся жизнь и большое будущее, уготованное лишь малому количеству избранных.

А все благодаря плану. С того самого момента, когда Ату Абаншамаш Думузи погладил ее по щеке и назвал своим цветком, с той секунды, когда кровь отхлынула от головы, погрузив ее в бессознательное состояние, с того прекрасного мгновения, когда она наконец пришла в себя и пристально всмотрелась в его многообещающий взгляд и ощутила на своей руке прикосновение его губ, именно тогда она узнала в Ату Абаншамаше то будущее, о котором всегда мечтала.

Однако, едва Ванда сообщила о своем решении Ширли, на нее посыпались бесконечные и бесполезные предостережения.

– На картинке все действительно выглядит многообещающе, я и сама вижу. Симпатичные здания, захватывающие ритуалы, море в непосредственной близости... Ванда, как только ты очутишься там, то увидишь, что это был не более чем флирт и что ты проделала свой путь абсолютно напрасно, – предупреждала подруга. – Ату Абаншамаш получает любую женщину, какую пожелает. Просто подумай о его способностях и внешности.

Ширли говорила это с выпученными от возбуждения глазами. Она тоже находилась под действием его харизмы.

– Я прекрасно знаю, что у тебя давным-давно не было мужчины, но если ты лезешь на стенку или испытываешь некоторый дискомфорт от отсутствия сексуальных отношений, здесь, в Лондоне, найдется куча мужиков для твоей постели, причем они вряд ли окажутся способны нанести тебе больше душевных ран, чем ты сама им позволишь.

Ванда покачала головой. Для Ширли все было так просто...

– Ширли, мне кажется, ты не совсем понимаешь. Я хочу стать избранной Ату Абаншамаша. Я хочу жить в соответствии с его предписаниями и вынашивать его детей. Я чувствую, что именно это и есть мое истинное предназначение в жизни.

– Избранной, говоришь? – Ширли едва не рассмеялась, но все-таки сдержалась, увидев серьезный взгляд Ванды. – Пусть так, Ванда. Но разве ты не заметила, как желчно смотрела на тебя его помощница? Тебе точно не удастся ее потеснить, поверь мне.

– Ширли, она уже старая.

– Спасибо, дорогая, – обиделась подруга. – По-моему, она примерно моего возраста.

Ванда отвернулась. За окном ее комнатухи мир тоже представлял собой стену, которая возвышалась перед Вандой, заслоняя весь свет и все мечты. За стеной жили другие люди с такими же несбывшимися надеждами. И стена становилась с каждым днем все мрачнее. В этом квартале будущее вынашивалось в мечтах. Парни хотели стать футболистами или рок-звездами, а девушки – их сибаритствующими женами.

Здесь с утра до вечера смотрели реалити-шоу и убогие телевикторины, поглощая перед экраном фастфуд и все больше удаляясь от тех возможностей, которые заключают в себе сколь-нибудь приличное образование и здоровые амбиции. По итогам изучения данного квартала, статистики пришли бы к выводу, что лишь несколько людей на тысячу единиц здешнего населения оказываются способны достичь земли обетованной, изобилующей

успехом, богатством и вечным счастьем. Как будто она изо дня в день не жила с таким сознанием.

– Прости, Ширли, – извинилась Ванда, заметив, как сильно расстроилась подруга. – Я вовсе не это имела в виду, а лишь то, что я еще молода и пока не рожала, что теперь я готова к этому и телом, и душой. И к тому же могу с уверенностью тебе сообщить – Ату не спит со своей помощницей. Я чувствую такие вещи безошибочно.

– Тебя ждет разочарование, Ванда, и ты, конечно, пожалеешь о предпринятой авантюре. Ты собираешься потратить все сбережения на провальный проект. На что ты собираешься жить, когда вернешься? Где ты будешь жить? В моей каморке мы вдвоем не поместимся, ты ведь прекрасно знаешь.

– Я приеду к тебе в гости, Ширли, и буду жить в отеле. Но вернусь я совсем другим человеком, имей в виду.

Ширли поджала губы.

– А с кем же я буду развлекаться? А обсуждать сплетни, вернувшись домой с тоскливой работы? – Она заплакала. – Ты ведь не можешь просто так взять и бросить меня одну в этой дыре, правда?

Ванда, промолчав, взяла Ширли за плечи и крепко прижала к себе.

– По крайней мере, хоть имейлы мне пиши о своем житье-бытье. Ты ведь напишешь, Ванда, да? – всхлипывала Ширли.

– Конечно. Буду писать тебе каждый божий день, если будет возможность.

– Ты только говоришь так...

– Нет, Ширли, я обещаю. А я держу свои обещания.

* * *

В имейле, отправленном в Академию натурабсорбции, Ванда сообщила, что определилась с датой прибытия, и просила по возможности встретить ее на станции в Кальмаре. Кроме того, написала, что рассчитывает попасть на несколько академических курсов, не ограничиваясь тем, на который подавала первичную заявку. А затем она намеревалась остаться в Академии и безвозмездно трудиться во имя проповедуемых Ату Абаншамашем идеалов.

Ванда на все сто была уверена, что получит то, чего хочет. Ату Абаншамаш не скрывал своей заинтересованности, и тогда в Лондоне мог бы заполучить Ванду, если б не был поглощен организацией курса. И они оба это поняли. Теперь она готовилась наверстать упущенное. Они продолжают с того, на чем остановились.

Пришло время.

Спустя пару дней Ванда получила письмо, в котором сообщалось, что желающих записаться на курсы слишком много, ей обещали написать, когда появится свободное место, однако не следует рассчитывать на то, что это произойдет в текущем году.

Ванда отказалась поверить этому. Стоит только Ату Абаншамашу взглянуть на нее, как ситуация изменится. Надо было только как следует подготовиться. Она обратила внимание на имя отправителя – Пирьо Абаншамаш Думузи.

Ширли была права. С этой женщиной явно завяжется серьезное соперничество. Кровавая борьба не на жизнь, а на смерть.

В последующие дни и ночи Ванда занималась подготовкой – изучала концепцию «свободной энергии космоса» и то и дело цитировала высказывания Ату Абаншамаша об Академии натурабсорбции. Она стремилась овладеть этой темой во всей полноте, проникнуть в самую суть учения, и это оказалось совсем несложно, так как все, что было связано с Ату Абаншамашем Думузи, представлялось ей правильным и логичным. Создавалось ощущение

ние, что силой своей мысли Ату охватывал все существующие верования и человеческие добродетели и объединял их в единый совершенный свод правил, и это завораживало Ванду. Чем больше она читала, чем глубже вникала в смысл, тем сильнее чувствовала, как все эти предписания и правила, направленные на достижение совершенного существования, способствовали уходу из ее жизни всех неприглядностей и нелепостей мирской суеты.

В конце концов Ванда выпрямилась и почувствовала, что в ней поселилось умиротворение. Никакой колы на столе и мерцающего телевизора с бесконечными сериалами, никакого шума в голове. Последние сомнения в необходимости задуманного ею предприятия улетучились, она успокоилась и преисполнилась решимости.

Она предстанет перед Ату Абаншамашом уже подготовленной. Ее чувственность и посвященность в учение потрясут его и убедят в том, что он наконец-то встретил женщину, достойную его во всех отношениях.

А та, другая женщина, которая считает себя неуязвимой и чинит Ванде препоны, просто-напросто исчезнет.

Глава 10

Четверг, 1 мая 2014 года

Вилли Куре, шкипер, которого все называли Дядя Сэм, жил на улице Моседэльсвай в желтом фахверковом доме с прилегающей копильней, всего через два дома к северу от жилища Хаберсота. Вдоль дороги между Сандвигом и Снойебэком тянулось беспорядочное нагромождение всевозможных типов частных домов, тут и там они возвышались на несколько метров над дорожным полотном, причем из всех открывался прекрасный вид на рыбацкие хижины, гавань и море. Настоящий рай, если только забыть о том, что на днях один мужчина из этих краев пустил себе пулю в лоб.

Они постучались в переднюю дверь, но поскольку никто не открыл, прошли мимо копильни в глубь двора, где стоял внедорожник.

Карл потрогал радиатор. Холодный.

Стук в заднюю дверь дома также не принес результата, но велосипедист, проезжавший мимо, когда они приплелись обратно к машине, просветил их:

– Дядя Сэм сейчас в море. Он работает рулевым на рыболовном катере, который в данный момент выполняет функции «отводящего» судна. Так что не рассчитывайте увидеть Сэма в ближайшее время.

– Отводящего судна?

– Ну да. Проклятые русские капитаны не в состоянии правильно поднять якорь, они скребут им по дну, и якорь цепляется за кабели. И вот опять. На прошлое Рождество мы остались без электричества на полтора месяца все по той же причине. Ну, естественно, на этот раз все не настолько плохо... В общем, когда такое случается, Сэм сидит на своем катере и отводит все корабли, держащие курс на ремонтное судно, которое восстанавливает поврежденные кабели.

– Понятно. Но все-таки нам бы очень хотелось поговорить с ним о Хаберсоте; ведь они были друзьями, верно?

– О боже, Хаберсот! – велосипедист фыркнул. – Ну, может, конечно, они и были друзьями, и все-таки с Хаберсотом не так-то просто было дружить. Они играли с Дядей Сэмом в карты; пожалуй, в последние несколько лет только это их и объединяло.

– То есть вы считаете, что Хаберсот вряд ли посвящал Сэма в расследование дела, которое так сильно его занимало?

– Господи, да я уверен, что первые десять лет так и было. Но знаете, что? Даже такой человек, как Дядя Сэм, может устать, правда? Сэм – добрейшая душа, но все-таки всему есть пределы. Нет-нет, если хотите знать мое мнение, в последнее время они просто изредка резались в картишки, не более того.

– По-вашему, Сэм был не в курсе, до какой степени отчаялся Хаберсот?

– С чего ему быть в курсе? Он ведь большую часть времени в море, а Хаберсот не был человеком, который выставляет свои чувства напоказ. Но почему бы вам не позвонить Дяде Сэму? Или, вы думаете, жители Борнхольма не имеют доступа к телефонной связи?

Он посмеялся и дал им номер телефона. Линия оказалась занята.

* * *

Вокруг вполне обычного кирпичного дома Хаберсота царила какая-то странная атмосфера запустения. Здесь не возникало ощущения близости духов и привидений – жилище скорее напоминало замок Спящей красавицы, погруженной в беспробудный сон. Печальное

зрелище – заброшенная крепость в ожидании искупительного поцелуя, призванного снять чары.

– После распада семьи жизнь покинула этот дом навсегда, чувствуете? – прокомментировала Роза, вставляя ключ в замочную скважину.

Терпкий кислый запах, устремившийся им навстречу, только подтвердил ее слова.

– Фу! Неужели криминалисты не могли хотя бы проветрить помещение? – недовольно воскликнула Роза.

Обычно подобный запах свидетельствует о том, что давно не выносилось мусорное ведро. Или о том, что где-то стоит ящик с гниющими овощами. Или о недоеденных консервах, полуразложившихся на дне железной банки. О посуде, не мытой на протяжении нескольких месяцев. Но в доме Хаберсота не было ничего из вышеперечисленного. В глаза первым делом бросались колоссальные хаотически громоздившиеся со всех сторон кучи макулатуры. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что все эти бумаги упорядочены, аккуратно и продуманно разложены и распределены по стопкам. Кухня сияла почти идеальной чистотой, гостиную явно совсем недавно тщательно пропылесосили, насколько это представлялось возможным, учитывая многочисленные груды бумаг.

– Здесь все провоняло никотином и отчаянием, – заметил Ассад из угла, стараясь не задеть стопку журналов в метр высотой, которая готова была рухнуть в любой момент.

– Скорее уж целлюлозой и многолетней изолированностью, – поправил его Карл.

– Ты думаешь, криминалисты действительно изучили вот это все? – спросил Ассад, разведя руки в стороны и показывая на обступившие его бумажные высокогорья.

Мёрк тяжело вздохнул.

– Вряд ли.

– И с чего же мы начнем? – тоскливо поинтересовалась Роза.

– Хороший вопрос. Ну, зато теперь ты, наверное, понимаешь, почему он опустил руки и почему в полиции Рёнке с такой готовностью дали нам ключ и разрешили распоряжаться материалом, наработанным Хаберсотом. Спасибо, Роза, услужила, – сыронизировал Карл. – Может, нам с Ассадом стоит вернуться вечером домой, а ты пока побудешь здесь? С твоим талантом систематизации ты смогла бы разложить все материалы в алфавитном или хронологическом порядке за... ну, скажем, за месяц или два.

Карл рассмеялся, но это ничуть не смутило коллегу.

– Я твердо убеждена, здесь скрывается что-то очень важное, что поможет продвинуться нам в расследовании. И я думаю, мы наверняка сможем сдвинуть дело Хаберсота с мертвой точки, если, конечно, захотим, – чересчур резко парировала Роза.

Вероятно, она была права, но на просмотр всех материалов потребуется не одна неделя, даже если подключить к работе дополнительные ресурсы. Не говоря уж о нежелании Карла этим заниматься. При поверхностном ознакомлении с делом создавалось ощущение, что Хаберсот обшарил весь остров в ближайшие дни после трагедии и задокументировал несколько сотен фактов, обнаруженных им в последующие годы. Каждому факту посвящена отдельная стопка.

Но как разобраться, какая из этих стопок представляет больший интерес, чем остальные?

– Мы все пакуем и берем с собой в Управление, – заявила Роза.

Карл нахмурился.

– Только через мой труп. К тому же у нас в подвале нет места. Куда ты рассчитываешь приткнуть этот бумажный мавзолей?

– Организуем специальное пространство в помещении, которое красит Ассад.

– Тогда я так и не докрашу, – донеслось из угла гостиной.

– Хватит, замолчите оба сейчас же! Разве это помещение не предназначалось для Гордона, когда он закончит учебу и переберется к нам на постоянную работу? Как вы думаете, что скажет наш любимый шеф Ларс Бьёрн, если, вопреки настойчивому требованию, его любимчик не получит рабочего места в отделе «Q»?

– А я-то считала, Карл, тебя не сильно волнует, что подумает и скажет Ларс Бьёрн, – снова подколола его Роза.

Мёрк ухмыльнулся. Черт возьми, естественно, его это не волновало. Ведь начальником отдела «Q» был он сам, а никакой не Ларс Бьёрн, хотя у последнего и имелось на этот счет собственное мнение. Кроме того, Ларс присваивал львиную долю финансирования, выделявшегося отделу «Q», и Карл прекрасно знал, кому при случае можно было настучать. Нет-нет, Бьёрна это не касается. Но дело не в этом. Просто Карл совершенно не желал складировать в своем подвале никакие бумаги и вещи, вот и всё.

– Гордон может посидеть и у меня, пока мы работаем над этим делом, – предложил Ассад. – Мне даже нравится, что я буду не один.

Карл был шокирован. Проклятие, они и впрямь серьезно настроены.

– Ну что же, может, все-таки позвонишь Дяде Сэму?

– Позвони сам, Ассад, – проворчал Карл. Око за око. – У меня вот-вот батарея в телефоне сядет, – пояснил он.

– Ты можешь воспользоваться стационарным, вон он, – курчавый не полез за словом в карман и с готовностью указал на раритетный аппарат, венчавший очередную стопку журнальных вырезок на обеденном столе.

Мёрк вздохнул. Кто здесь, скажите на милость, является начальником отдела «Q»? Они ведь, черт подери, пока даже не взялись за дело официально... Он хотел было еще поупрямиться, но все-таки посчитал, что удобнее будет сдаться, и набрал номер.

Из трубки послышались шипение и взволнованный голос.

– Черт, а у меня мурашки пошли по спине, стоило лишь увидеть на дисплее домашний номер Кристиана, – закричал Дядя Сэм, после того как Карл представился. Связь прерывалась, на заднем плане слышался шум двигателя, и Мёрку пришлось зажать свободное ухо рукой. – Нет, я прямо чуть не упал, когда увидел, откуда мне звонят. Ну да, мы с Кристианом, бывало, играли в картишки... кстати, вот как раз вечером накануне рокового выстрела. Извините, я не имею возможности разговаривать долго, тут как раз из Эстонии подвалил машина-контейнеровоз «Средиземноморской судоходной компании» и направляется прямо-ком в акваторию восстановительных работ, так что мне придется выйти в открытое море и немного погудеть.

– Я постараюсь как можно короче. Вы утверждаете, что последний вечер провели вместе с ним. Для меня это новый факт. Почему полицейские были не в курсе?

– Наверное, потому, что они не спрашивали. Я зашел к нему на инструктаж. Надо же мне было научиться управляться с этой дурацкой камерой, верно?

– И как вам показался Хаберсот в тот момент? Он был в порядке? Вы не заметили в его поведении ничего необычного?

– Он был слегка захмелевший. «Линье Аквавит» и парочка «портеров» прекрасно прочищают слезные каналы, не так ли? Откровенно говоря, он был как-то сентиментально настроен, но с ним такое часто случалось, так что я не обратил на это особого внимания.

– Сентиментально настроен? В чем это проявлялось?

– Он пустил слезу. Сидел и сжимал в руках вещи Бьярке – синий шарфик и деревянную фигурку, вырезанную сыном.

– Вы хотите сказать, он был выведен из равновесия?

– Нет-нет, ни в коем случае. Он ведь обставил меня в карты, ха-ха... Нет, он просто немного загрустил, но такое частенько случалось.

– Он часто плакал в подобных ситуациях?

– Ну, может, пару раз до этого, я уже не помню точно. Но это явно не было его постоянным состоянием. Возможно, он просто хлебнул лишнего и стал придавать слишком большое значение вещам. Он рассказывал мне о том, что пережил в связи с разводом много лет назад, и то и дело спрашивал: «Сэм, а помнишь то? Сэм, а помнишь это?». Тем вечером мне не показалось это удивительным, он ведь жил в полном одиночестве. Но теперь, задним числом, я, кажется, лучше понимаю, что крутилось у него в голове в тот момент. Очень странный вечер, о котором я вспоминаю с большой грустью, но вам мои воспоминания вряд ли принесут какую-то пользу. Кстати, эстонский идиот уже вплотную подобрался к левому борту; черта с два он у меня пойдет дальше! Я должен сейчас же вмешаться – пускай эта консервная банка проваливает подбодру-поздорову, пока дров не наломала! А вы звоните, если понадобится. Правда, к сожалению, я все равно ни шиша не знаю.

Карл медленно положил трубку. Все это ему жутко не нравилось. Дело с самого начала неслось на него с угрожающей стремительностью – и вот итог.

– Что он сказал? – поинтересовалась Роза, стоя у журнального столика и просматривая одну из стопок макулатуры.

Карл поднялся. Бокалы с алкогольных посиделок Хаберсота были давно убраны на место, а вот шарф и деревянная фигурка по-прежнему лежали рядом с журнальным столиком.

Карл взял фигурку и изучил ее – довольно коряво выполненная статуэтка мужчины, ее будто вырезал ребенок, и в то же время изделие было трогательным и весьма выразительным.

– Сэм сказал, что накануне Хаберсот был очень печален и даже плакал. И что теперь он готов признать: такое поведение было не характерно для этого человека.

– Значит, Хаберсот совершил самоубийство не в состоянии аффекта, я же говорила. Он знал, что застрелится. И, возможно, планировал свой поступок довольно давно.

– Вполне может быть. И в таком случае, я тут, конечно, ни при чем, правда же?

С этими словами Карл осмотрелся, засовывая деревянную фигурку в карман. Несомненно, во всем этом хаосе была некая система. Стопки по правую руку и над буфетом являлись самыми старыми – бумага в них успела пожелтеть; те, что громоздились по пути в смежную комнату, более свежими – бумага сохранила белизну. Папки с металлическими кольцами располагались в алфавитном порядке по темам. На подоконниках складировались всевозможные видеозаписи и различные каталоги.

Мёрк прошел в соседнюю комнату, где уже стоял Ассад, рассматривая доску для заметок, залепленную фотографиями разного формата.

– Что это еще за фигня? – спросил он.

– Фотографии старых микроавтобусов.

Как будто Карл и сам не видел.

Он подошел поближе.

– Ну да, это знаменитая фольксвагеновская «буханка». На снимках одни только старые «буханки».

– Какие еще буханки? Ничего не пойму, Карл!

– Ассад, так прозвали данную модель микроавтобуса «Фольксваген», из-за ее формы⁸.

– Вот оно что! А тебе не кажется странным, что все они сфотографированы спереди?

– Кажется. И еще – все они разные. Мне кажется, здесь нет двух совершенно одинаковых автомобилей.

⁸ Речь идет об автомобиле «Т1» концерна «Фольксваген», производившемся с 1950 по 1967 г., одном из первых гражданских минивэнов.

Ассад кивнул.

– Я и не знал, что было так много вариаций этой модели. Красные, оранжевые, синие, зеленые, белые, цвета на любой вкус...

– Да уж, и модификации тоже. Вот этот автомобиль с запасным колесом спереди – один из самых старых. У некоторых сбоку есть стекла, у других нету. Ты посчитал, сколько их тут?

Можно было не сомневаться, что Ассад успел сосчитать.

– Да, сто тридцать две штуки.

– Итак, какая гипотеза имела у Хаберсота?

– Что Альберту сбила такая вот «буханка».

– Фольксвагеновская, именно! И я тоже так думаю.

– Одна из тех, что помечены крестиком.

– Каким крестиком?

Ассад показал на четыре-пять фотографий, которые действительно были отмечены небольшим крестиком в углу.

– Смотри, все машины на выделенных снимках голубого цвета.

– Вижу. Только, к сожалению, голубые «буханки» были самыми распространенными, – сказал Карл. – В шестидесятые-семидесятые годы их можно было встретить повсюду.

– Карл, и все-таки он отметил не все голубые, а только те, у которых лобовое стекло состоит из двух половинок и с неоткрывающимися окнами в средней части кузова.

– И все же, насколько я помню, данная модель была наиболее популярной. Совершенно типичный, стандартный, ничем не примечательный фургончик, хотя со временем его форма претерпела некоторые изменения.

– Вот на этом стоит жирное пятно, – заметил Ассад. – Гляди! Такое впечатление, что Хаберсот несколько раз ткнул прямо в середину бампера. Как будто хотел сказать: «Ну, вот и ты!»

Карл приблизил голову. Точно подмечено. Это была одна из специальных модификаций модели – с громоздким бампером, усиленным двумя плоскими вертикальными креплениями, к которым, параллельно основному бамперу, была приварена горизонтальная металлическая трубка.

– Ассад, из тех, что с крестиками, этот автомобиль единственный, у которого имеется характерный составной бампер. Молодец, что обратил внимание.

– Карл, а теперь посмотри вон туда. Опять та же самая модель.

Ассад указал в направлении стены, за которой располагалась еще одна комната.

На стене висела увеличенная копия той же фотографии; она была прикреплена малярной лентой между двумя картинами, которые, как это ни странно, были помечены теми же инициалами, что и пейзаж на стене в Доме собраний. Вероятно, художник был местным.

При ближайшем рассмотрении фотокопии оказалось, что изображение крупнозернистое и нечеткое, так что толком не видно было ни номерного знака, ни лица человека, который запечатлен в момент выхода через водительскую дверцу. Вероятно, степень приближения была максимально возможной для обычной любительской камеры, а может, в момент съемки у фотографа дрогнула рука.

– Карл, смотри-ка, что написано внизу. «BMV/BR CI B14G27, 5 июля 1997 года». Ровно за четыре с половиной месяца до аварии, да?

Но Карл промолчал.

Из размытого облака ветвей серых оттенков от верхнего края фотографии тянулась почти незаметная стрелка, проведенная маркером и указывающая на человека в автомобиле. Она была размером около десяти сантиметров и сопровождалась несколькими едва различимыми словами.

С трудом прочитав надпись, Карл испытал настоящее потрясение.

«Эй, Карл Мёрк, а вот и он» – гласила надпись.

– Куда ты там уставился? – поинтересовался Ассад.

Мёрк тихо вздохнул. По направлению застывшего взгляда Ассад уже понял, на что именно пялился его начальник.

– Боже всемогущий, да он меня прессует, – вновь вздохнул Карл. – И понятное дело, тут не написано имя этого человека.

– Как ты думаешь, удастся ли нам с помощью специалистов Управления добиться более четкого изображения лица?

– Только не с этого источника. – Он повернулся к двери гостиной. – Роза, подойди-ка сюда.

С того момента, как она показалась в дверях, до того, как поняла, *что* именно они обнаружили, прошло меньше пяти секунд.

– Да уж, ну и делишки...

Карл поджал губы.

– Пути назад нет, – прокомментировал Ассад.

Мёрк долго смотрел на увеличенный снимок, затем в который раз вздохнул. Нет пути назад? Да уж, и впрямь... Он обернулся к Розе.

– Я вынужден констатировать: действительно, некоторые признаки указывают на то, что ты была права относительно Хаберсота. Возможно, он в течение долгих лет подозревал этого самого парня в совершении преступления, но никак не мог найти его и в конце концов сдался. Он решил предоставить поиски другим, хотел выбросить это дело из головы, прекрасно понимая, что не сможет выполнить эту миссию самостоятельно. И самоубийство стало для него не только способом выбить дело из головы, но и дать ему новый ход. В связи с вышесказанным, теперь я так же, как и ты, склонен считать, что он был чуть ли не уверен, что мы приплывем на остров и продолжим расследование. Его самоубийство стало для нас своего рода пригласительным билетом.

– А обратного билета нет, – заключил Ассад. – Но что же может значить BMV/BR CI B14G27?

– Может, инициалы фотографа, а может, какой-то регистрационный номер. Роза, ты просмотрела папки?

Она кивнула.

– Никаких идей в связи с данной последовательностью букв и цифр?

– Нет. Система достаточно простая, тем более что эти папки почти пустые.

– Ну, и что теперь, Карл? – спросил Ассад.

– Вот именно – что теперь?

Мёрк поглядел на своих помощников. Они проработали вместе почти семь лет, раскрыли кучу дел, а их глаза по-прежнему горели от готовности ринуться в бой. Иногда такое рвение заряжало его энергией, иногда – нет. В настоящий момент у них не получилось совершить прорыв, а значит, ему самому предстояло углубиться в имеющиеся факты и извлечь новые сведения хоть из-под земли.

Он барабанил пальцами по стене рядом с фотокопией. Ассад сказал, нет пути назад...

– Ладно уж. Роза, зарезервируй нам гостиницу еще на две ночи. А мы с тобой, Ассад, давай-ка осмотрим дом. Надо понять принцип, по которому сгруппированы материалы, и прикинуть объем груза, который нам предстоит забрать с собой.

Глава 11

Сентябрь 2013 года

Пирьо в десятый раз перечитала письмо Ванды Финн, в котором та сообщала о скором прибытии. Ей это совершенно не нравилось. Интуиция не являлась неотъемлемым компонентом учения о натурабсорбции, однако, учитывая прошлое Пирьо, эту способность невозможно было игнорировать.

А в данный момент интуиция явно не предвещала ничего хорошего. С каждым новым прочтением письма Пирьо представляла новые сценарии и возможные последствия вторжения Ванды Финн, но конечный результат всегда оставался неизменным: с какой стороны ни посмотри, в сообщении этой женщины между строк угадывалась настоящая катастрофа. Ванда проигнорировала отказ зачислить ее на курсы, а теперь она собиралась вторгнуться в мир Пирьо и Ату, и Пирьо никак не могла потерпеть такого развития событий. По крайней мере, сейчас, когда ее биологические часы затикали с бешеной скоростью.

«Хорошо еще, что именно я занимаюсь подобными заявлениями», – подумала Пирьо. Стоит только Ату увидеть это письмо, оно немедленно возбудит его любопытство и усилит либидо; она знала его слабости лучше, чем кто-либо. Ну уж нет, она просто-напросто не позволит этой женщине объявиться в Академии натурабсорбции, в противном случае ситуация выйдет из-под контроля.

Взглянув на часы, Пирьо погрузилась в размышления. Через час эта молодка во всей своей красе прибудет на центральную станцию Кальмара, рассчитывая, что Пирьо уступит ей...

Как бы не так!

«Буду импровизировать, я это умею», – решила она.

Все образуется.

* * *

Она подошла к своему скутеру, припаркованному на площади у пристани, немного постояла, рассматривая полусгнившие доски, погруженные в воду, и плещущиеся вокруг свай водоросли. Что может быть более успокаивающим? И все же это зрелище пробудило у нее неприятные ассоциации. Дело в том, что в свое время уже имели место нешуточные угрозы привычному существованию Пирьо, и в последний раз все завершилось именно здесь.

Тогда Пирьо повздорила с одной из учениц, в которой разглядела опасную соперницу, ссора вылилась в бесконечные перепалки, стычки и разборки. Выяснение отношений становилось все более жестким. Всего за несколько недель женщина заняла прочные позиции в покоях Ату и постепенно начала настаивать на передаче ей некоторых рабочих обязанностей, всегда входивших в компетенцию Пирьо.

Именно тогда она перешагнула черту, после которой не было пути назад.

Вообще-то исход этого противостояния оказался результатом несчастного случая, но лучшего разрешения конфликта невозможно было пожелать.

Это произошло несколько лет назад, а теперь объявилась некая Ванда Финн...

Пирьо бросила взгляд на здание Академии и решила выехать по гравийной дорожке, которая огибала постройки и пересекала сад. Правда, этот путь был чуть длиннее, чем прямая дорога к шоссе, но и более незаметный – так никто в Академии не узнает, куда и в каком направлении она уехала.

Если кто-нибудь потом поинтересуется, где она была, можно будет ответить, что она отправилась на север острова освежить голову и мысли. Что ей необходимо было обдумать некоторые новые идеи для своих телефонных консультаций.

Важно, чтобы причина ее отсутствия выглядела разумно и достоверно. До тех пор, пока она сама не назовет имя Ванды Финн, о существовании этой женщины не узнает никто, кроме нее.

К концу дня, когда опасность будет нейтрализована и уничтожена, придет черед подумать о Малене. Пирьо еще не решила, каким образом избежит от этой соперницы, чтобы Ату ничего не узнал, но если этого не произойдет в ближайшем будущем, отношения между Маленой и Ату вполне могут разрастись в крайне нежелательный союз.

* * *

Для Ванды настоящее путешествие началось лишь с того момента, когда она села на поезд в Копенгагене.

Перелет не сильно отличался от других перелетов, но вот последний участок пути – в поезде, везущем ее мимо пейзажей, подобных которым она в своей жизни не встречала, – оказался совершенно захватывающим. Сам язык, звучащий вокруг, словно явился из мира саг – волнующее, волшебное наречие ушедшей эпохи.

Ванда смотрела на плоские вытянутые участки пахотной земли, сменявшиеся скалами и километровыми каменными стенами, при возведении которых на заре времен была стерта не одна пара рук. Неожиданно вдоль железнодорожного полотна возникли красные деревянные домики и бесконечные сосновые леса. Здесь, на этой удивительной и чудесной шведской земле, она обретет свое королевство и свой трон. Здесь она наконец откажется от себя и своего прошлого и станет жить с Ату до конца своих дней. Ванда была уверена в этом как никогда.

Она подготовилась хорошо. Поскольку ее так и не пригласили, вполне ожидаемо было столкнуться с возмущением и недовольством, а вследствие этого ее адаптация могла затянуться очень надолго. Но пусть так – она не собиралась отступать, даже если поначалу ее полностью отвергнут. Ванда сообщила о времени своего прибытия в очередном имейле, было бы замечательно, если бы кто-то встретил ее на станции, ну а если нет, на этот случай она заказала отель и запаслась деньгами, которых должно было хватить на несколько недель. Лишь бы ей назначили встречу в Академии.

– Вы тут впервые? – поинтересовался сидевший напротив мужчина, когда она заерзала на сиденье. Они уже миновали Карлскруну, до Кальмара оставалось всего полчаса.

Ванда подтвердила.

Попутчик улыбнулся.

– И куда же вы направляетесь?

– В Эланд. Встречаюсь там со своим женихом, – услышала она собственный ответ.

На его лице мелькнула тень разочарования.

– Счастливчик. Можно спросить, кто он?

Ванда почувствовала, что почему-то покраснела.

– Его зовут Ату Абаншамаш Думузи.

Собеседник нахмурился, кивнул и стал смотреть в окно, на очередной провинциальный городок, окутанный рассеянным светом фонарей.

Когда они приехали на станцию, мужчина помог ей вынести чемодан.

– Вы сознаете, во что вы ввязываетесь? – спросил он, ставя чемодан на перрон.

– Почему вы так говорите?

Еще один напичканный предрассудками обыватель, который глядит на мир сквозь догмы, впитанные с молоком матери...

– Я журналист, работаю здесь, в Кальмаре. Я ездил в Эланд, чтобы взять интервью у тамошнего гуру. Противоречивые ощущения. Да, заранее простите, ибо это лишь мое субъективное восприятие, только я увидел там исключительно мошенничество и манипулирование людьми. Лидер, Думузи, пытался и меня завлечь к себе в сети, но, должен сказать, ему это не удалось ни на йоту. А вы, видимо, уверены в успехе своего предприятия?

Ванда кивнула. Уверена больше, чем когда-либо.

– Спасибо за помощь, – поблагодарила она журналиста без лишних комментариев и направилась к площади перед вокзалом. Там на мгновение остановилась, прислонилась к флагштоку, щурясь на солнце. Она так и думала – ее никто не встретил.

«Тогда пойду в гостиницу, оставлю там вещи. Наверное, такси можно будет заказать там же».

Вероятно, она прибудет на место через три четверти часа.

Едва Ванда собиралась наклониться и взяться за ручку чемодана, из-за угла на полной скорости вывернула женщина на желтом скутере. Вся в белом. Лицо ее было напряжено.

Ванда узнала ее как раз по этому сосредоточенному выражению лица. И тут же инстинктивно сжала кулаки.

Глава 12

Четверг, 1 мая 2014 года

На первый взгляд жилище Хаберсота казалось потонувшим в совершеннейшем бардаке. Судя по всему, тут было принято занимать очередной стопкой бумаг любой клочок свободного пространства, в том числе и на полу. Как только появлялось пустое место на стене, туда немедленно приклеивалась какая-нибудь журнальная вырезка или фотокопия. В этом доме не осталось ни единого намека на классический семейный уют, как не осталось практически никаких личных вещей хозяина, если не считать пары семейных фотографий в застекленных рамках. Было очевидно, что лишь посвященным дозволялось проникнуть в ту часть жизни Хаберсота, которая занимала его гораздо больше, нежели ежедневная рутина на полицейском участке в Рёне.

Но стоило только приступить к подробному изучению этого бедлама, обозначившего конец нормального существования, как в каждой тщательно отмеренной зоне жилища обнаруживался свой особый смысл – и логика.

Здесь находилась скрупулезно воссоздаваемая на протяжении почти двух десятилетий коллекция материалов, посвященных одному-единственному событию, всерьез волновавшему Хаберсота: трагической гибели Альберты.

Стоило взглянуть на этот кавардак глазами опытного следователя, и тут же становилось понятно, что гостиная выполняла для Хаберсота роль распределительного центра, куда попадали все новые материалы, прежде чем они сортировались по темам и отправлялись в другие комнаты. Здесь бумаги были разобраны и разложены на стопки в хронологическом порядке. Папки на книжных полках содержали перечень имеющихся сведений и их место в каталоге. Столовая, по всей видимости, являлась своего рода конечным пунктом для всех следов и аллюзий. Остальная часть дома была поделена в соответствии с подтемами. К примеру, в подсобке, где стояла стиральная машина, хранились материалы следствия, которое велось полицией параллельно с расследованием Хаберсота, и занимали они довольно мало места.

Небольшая комнатка за подсобкой была набита стенограммами интервью с местным населением в первые недели после трагедии. В детской комнате наверху хранились документы, затребованные в национальной полиции и имеющие отношение к другим похожим делам, когда водитель скрывался с места происшествия. Кроме того, там же стоял целый стеллаж под лаконичным названием «Альберта», в свою очередь поделенный на секции, каждая из которых освещала отдельный набор сведений о прошлом девушки. Даже друзьям и подругам, с которыми она общалась до поступления в народную школу, были посвящены отдельные папки и стопки.

Спальня Хаберсота на втором этаже оказалась наиболее забитым помещением из всех. Окно давным-давно было завалено и не открывалось, и в комнате сразу ощущалась жуткая духота.

– Карл, ты когда-нибудь стоял за верблюдом, страдающим от колик? – поинтересовался Ассад, приняхавшись.

Мёрк покачал головой, но прекрасно понял, что имел в виду помощник. Как будто долгие годы пожилой человек выпускал здесь кишечные газы, вместе с которыми из него постепенно выходил дух.

Карл осмотрелся. Если не считать аккуратно заправленной кровати и узенькой полоски на полу рядом с кроватью, все пространство спальни было до предела загромождено материалами. Перед окном стояли два книжных шкафа с общими сведениями о народной школе, ну и, конечно, с папками, содержащими факты об учителях и учениках, находившихся в

школе в одно время с Альбертой. Но именно в этой комнате Карл с Ассадом наткнулись на то, что плохо вписывалось в общую картину обстановки этого дома.

– Как ты думаешь, почему у него все это лежит именно здесь? – Ассад указал на пол.

Рядом с постелью Мёрк увидел множество прилежно отсортированных брошюр и распечаток об оккультных феноменах и движениях. Кажется, ни одно мистическое явление не было упущено: контакт с душами умерших, ароматерапия, астрология, визуализация ауры, трансформация ауры, цветочная терапия Баха, ясновидение, толкование снов, методы освобождения сознания, энергетическая балансировка, все виды целительства, очистка дома от негативной энергии и так далее. Десятки расположенных в алфавитном порядке тем, объединенных альтернативным образом мысли и жизни и нестандартным подходом к лечению болезней.

– Карл, как ты считаешь, может, он пытался найти утешение в чем-то подобном?

Мёрк покачал головой.

– Не знаю. Думаю, вряд ли. Как-то бессмысленно получается... Тебе не попалось на глаза ничего, что подтверждало бы такую теорию? Карты Таро, например, или маятники, или астрологические прогнозы? Флаконы с ароматическими маслами?

– Может, в ванной на первом этаже... Мы ее пропустили.

Они спустились в прихожую, со стандартной вешалкой для пальто и курток с одной стороны и с шеренгой поношенной обуви и висевшим на крючке рожком с бамбуковой ручкой – с другой. К прихожей примыкал коридор с неременной подставкой для зонтов в углу. Из коридора вели четыре двери в разные помещения – в гостиную, в кухню, плюс две узенькие двери, за которыми, по предположению Карла, находились туалет и ванная. Он заглянул на кухню – Роза стояла у раковины и с несвойственной ей задумчивостью мыла руки. С ней творилось что-то странное.

Не иначе как шестое чувство подсказало ей, что Мёрк смотрит на нее, и она резко обернулась.

– Карл, мы не сможем запихнуть это все в новый кабинет Гордона. Но если дополнительно воспользуемся свободным местом вдоль коридорной стены, возможно, все войдет. Поставим несколько книжных стеллажей тут и там – и порядок. Если мы обратимся за помощью в какую-нибудь мувинговую компанию, они, наверное, смогут перевезти несколько шкафов Хаберсота. Если, конечно, Юна Хаберсот не будет против. – Она вытерла руки об одежду. – Ну да, ведь она же наследница всего этого богатства... Формально обладателем отцовского наследства в течение нескольких часов являлся Бьярке, но поскольку он тоже мертв, выходит, все переходит во владение его матушке. Что скажете?

– Я скажу, Роза, что ты все прекрасно рассчитала. Так что займись расспросом наследницы сама. Только, будь я на твоём месте, я вообще не стал бы ничего спрашивать.

Она изумленно посмотрела на него.

– А, неужели все так просто? Никогда бы не подумала...

– Нет, но этот дом скрывает в себе много такого, о чем ты – как и я, если уж на то пошло – никогда не подумала бы.

– И даже я, – донесся сзади голос Ассада. Он широко распахнул обе узкие двери, но свет включился только в одном помещении. – Туалет и ванная комната совмещены, там нет ничего необычного. Вторая дверь ведет в узкий коридор к гаражу, а дальше лестница спускается в подвал.

«Будь прокляты гаражи и подвалы со всем хранящимся в них дерьмом!» – подумал Карл.

Они зашли в гараж. Запах дегтя и бензиновых испарений и тусклый свет, просачивающийся сквозь пыльные окна, не оставляли сомнений в основном предназначении этой при-

стройки. На песке остались следы колес, но самой машины не было. У Дома собраний ее тоже не оказалось. Видимо, полиция отбуксировала ее на свою стоянку.

– Гаражи всегда производят какое-то зловещее впечатление, – заметил Ассад и подчеркнул свое мнение сжатыми кулаками.

– Почему? Из-за паутины, что ли? – Карл осмотрелся.

Паутины здесь и впрямь было полно. Его рыжеволосая кузина наверняка впала бы в кому, оказавшись в этом помещении. Он никогда не забудет летние каникулы, когда она скакала, как одержимая, в гостиной в их фермерском домике, стараясь раздавить паука, или орала во всю глотку, завидев слишком крупную паучью особь... В общем, для Карла все выглядело вполне по-домашнему. Несколько стеллажей с реликвиями давно ушедшей эпохи. Роликовые коньки и сдутые пляжные игрушки, банки из-под краски с помятыми крышками, всевозможные аэрозоли, которые уже давным-давно запретили к использованию. Под потолочными балками висел парус от доски для серфинга, лыжи и лыжные палки. На взгляд Карла, здесь не было ничего зловещего.

– Вся обстановка напоминает об ушедшем времени – о времени, которым неверно распорядились, – философствовал Ассад.

– Неверно распорядились?

– Обо всех тех минутах, в которые следовало использовать все эти вещи, но они так и остались нетронутыми.

– Ассад, мы ничего про это не знаем. И почему именно зловещее впечатление? Скорее уж тоскливое, как мне кажется.

Ассад кивнул.

– Тем более гараж всегда отделен от дома и кипения домашней жизни. Находясь в таком помещении, я будто ощущаю прикосновение смерти.

– Я не понимаю.

– Ты и не поймешь, Карл. Все не могут чувствовать одинаково.

– Ты имеешь в виду самоубийство и все такое? Такие мысли лезут тебе в голову здесь?

– Ну, это тоже...

– Хм-м. По-моему, тут нет ничего особенного. Никаких ящиков с непонятными вещами. Никаких записок на стенах, мистических пирамидальных конструкций и кристаллов или предметов культа, как те, про которые можно прочесть в спальне. Ты согласен?

Ассад внимательно осмотрелся. Похоже, согласен.

Подвал, судя по всему, тоже не скрывал никаких сюрпризов и оказался вполне чистым и хорошо продуманным помещением. Он состоял из прачечной комнаты, но без белья, комнаты для хранения консервов, но без запасов, а также мастерской, но без единого инструмента. Зато посреди подвала размещалась суперсовременная копировальная машина и огромное количество старого оборудования для химической обработки фотопленки. Немногие в нынешней Дании смогли бы похвастаться умением работать с подобными агрегатами.

– Он организовал здесь настоящую фотолабораторию, – догадался Карл. – Только я не вижу проявителей и прочих расходных материалов.

– Быть может, это было его давнее хобби... Нет-нет, я думаю, в последнее время он чаще пользовался вот этим, – Ассад похлопал по корпусу копировальной машины. – И фрагмент фотографии «буханки» он тоже увеличил с помощью этого аппарата.

– Несомненно.

Карл взял стоявшую рядом с агрегатом мусорную корзину, выудил оттуда смятые бумаги и расправил их на столе. Несложно было догадаться, каким образом Хаберсот работал с фотографией. Сначала он снял копию изображения, увеличенного до четверти формата А4, затем увеличил ее до половины А4, полученный результат увеличил до А4 и, наконец, до А3. Явно не лучший способ добиться качественного результата.

– Ассад, взгляни на первую увеличенную копию. Судя по хромированному радиатору, автомобиль, стоящий рядом с «буханкой», тоже довольно старый. Рядом с машиной на заднем плане стоит мужчина. Я думаю, дело происходит на парковке, как считаешь?

– Но явно видно траву. Так что, возможно, что и не на парковке.

– Верно. Но обрати внимание, что на данном увеличенном снимке отчетливо просматривается фрагмент другой фотографии на той же самой странице. О чем это говорит?

– О том, что на одной странице было напечатано сразу несколько фотографий.

– Именно. Скорее всего, наш снимок находился в фотоальбоме. Это подтверждает и структура бумаги, к которой приклеена фотография. Бумага грубоватая, похожая на картон. Я думаю, снимок был сделан аппаратом «Кодак Инстаматик», судя по квадратной форме.

– Оригинал, несомненно, все еще лежит в ксероксе, – убежденно заявил Ассад и открыл крышку копировальной машины. К сожалению, он ошибся.

Сириец захрипел себе в бороду, звучание его голоса больше напоминало ритм-секцию во время исполнения сальсы.

– Если б мы получили возможность посмотреть весь альбом целиком, у нас появился бы шанс выяснить, где был сделан снимок. А может, даже определить, кем он был сделан.

– Хаберсот не работал в криминальном отделе, а потому не стоит ожидать от него собственной нам логики и систематичности мышления. И тем не менее должен же он был, черт возьми, хоть где-то отметить, откуда она у него взялась... Может, в одной из папок наверху можно найти ответ?

– Карл, смотри. Вот еще одна стопка фотокопий. – Ассад вытащил бумаги из деревянного ящика, который Хаберсот почему-то прикрепил к стене, и с улыбкой протянул Мёрку. – По всей видимости, последнее, что он успел перед самоубийством.

– Очень смешно, Ассад. – Карл отшвырнул на другой конец стола страницы с изображением обнаженной женщины в довольно фривольных позах. Бумага успела пожелтеть – Хаберсот явно уже давно не тешил себя подобными картинками.

– Мне удалось войти в его компьютер, Карл, – сообщила Роза, когда они поднялись в дом. – Естественно, пароль оказался «Альберта», проще простого. – Она ухмыльнулась. – Все сведения, собранные в ходе поиска материалов, содержатся не только в папках, но и скопированы на жесткий диск компьютера. Разница заключается лишь в том, что в пластиковые кармашки папок иногда вложены небольшие вырезки из прессы или другая дополнительная информация, подкрепляющая основное содержимое папки. Я просмотрела несколько из них и ничего особенного не обнаружила. У меня такое ощущение, что Хаберсот отказался от системы папок и полностью перешел на стопки. Но, конечно, я могу ошибаться...

Она! Ошибаться! Он не ослышался?

– Роза, а тебе не попало никаких подробностей относительно фотографии «Фольксвагена»? – Карл положил перед ней самую мелкую фотокопию снимка.

– Возможно, – ответила она. – Фотография какая-то размытая... Это ксерокопия?

Ассад подтвердил ее предположение.

– Ну ясно. Я так и поняла, что у него нет сканера. Всего лишь небольшой принтер. – Она показала в направлении струйного принтера, выглядывавшего из-под груды наваленных на него бумаг. – Господин Мёрк, не волнуйтесь. Я проштудирую компьютер и, возможно, найду какие-то сведения касательно происхождения снимка. В этой развалюхе содержится всего-то шестьдесят мегабайт памяти, так что задача выглядит вполне решаемой.

Слава богу, наконец-то в речи Розы промелькнула ирония.

Она со вздохом повернулась обратно к экрану и полностью погрузилась в работу. Вот это была их Роза.

– Давай же, Карл! – закричал Ассад. Он весь приник к увеличенному изображению, лицо его сморщилось.

– Что такое?

– Разгладь-ка еще вот тут. – Он поднес руку Мёрка к центру изображения.

– И что?

– Нажми посильнее, тогда ты почувствуешь. А?

Теперь Карл и сам ощутил.

– Вот-вот. С обратной стороны листа с увеличенным снимком что-то приклеено. – Ассад кивнул сам себе. – Конечно же, Хаберсот рассчитывал, что мы заберем эту бумагу с собой, Карл. Сомнений нет. Мне кажется, мы обнаружили иголку в куче соломы.

– Иголку в стоге сена, Ассад.

Карл отогнул угол листа.

– Есть! – воскликнул сириец – и был прав. На обратной стороне красовалась страница из фотоальбома, на ней было четыре фотографии.

– Может быть, тут написано, откуда они взялись, – предположил Ассад, открепляя листы друг от друга.

Ясное дело, никакой информации не обнаружилось.

Карл взял страницу с фотографиями. Все четыре снимка явно представляли собой итог долгой фотосессии, посвященной ретроавтомобилям, и, вероятно, были сделаны на каком-то фестивале.

Мёрк ощутил, как резко участился его пульс. Такое случалось с ним порой, когда расследование неожиданно выходило на новый этап. Он порадовался про себя. Ради таких моментов стоило жить и дышать.

– А вот и парень, – сдержанно констатировал Мёрк, показывая на фрагмент фотографии площадью не более полутора сантиметров. – Вон, на заднем плане, видишь? Он смотрит на автомобиль с внушительным радиатором. Шикарная раритетная деталь.

– Ох, Карл... Такую фитюльку нам ни за что в жизни не сделать более четкой, чем сделал Хаберсот. Никогда, будь у нас хоть сто лет в запасе.

Ассад был прав. С учетом всех обстоятельств, Хаберсот сделал все, что было возможно.

– Внизу на фотографии написано «CI B14G27», а у нижнего края страницы сбоку – «BMV/BR». А теперь смотри, что написано над черной машиной на соседнем фото: «TH A20». И, наконец, под двумя оставшимися – «WIKN 27» и «WIKN 28», соответственно. Тебе не кажется, Карл, что эти сочетания букв и цифр каким-то образом относятся к машинам? Ты вообще знаешь что-нибудь о ретроавтомобилях, если не считать дребезжащего корыта, в котором ты нас возишь?

Карл покачал головой.

– Единственная известная мне марка, в модельном ряду у которой есть CI, – это «Ситроен». Насчет других обозначений – THA и WIKN – вообще понятия не имею.

– Сейчас выясним. – Ассад был невозмутим.

Роза даже не успела возразить, когда кудрявый ворвался и отодвинул ее вместе с креслом от экрана.

– Мы сейчас все тебе объясним, – поспешил успокоить ее Карл, пока Ассад вводил в поле поиска «Citroën B14G27».

Ни одного результата. И что теперь делать?

– Не особо-то вы и умные, выходит, – слегка надувшись, прокомментировала Роза и бросила взгляд на монитор. – Старые автомобили, да? Я бы даже сказала, старинные. Аж двадцатых годов, насколько могу судить. А именно, двадцатого, двадцать седьмого и двадцать восьмого, написано черным по белому.

Карл нахмурился. Какой позор, что ему самому не пришло это в голову...

– О'кей. Ассад, попробуй набрать «Citroën B14G 1927».

Роза оказалась права. Через секунду после того, как Ассад нажал на кнопку поиска, на экране появилась целая прорва до блеска отполированных образчиков автомобильной индустрии, сошедших с конвейера в межвоенный период. Чудесные автомобили всевозможных цветов.

– Фантастика! У каких марок есть модели TH и WIKN или WIKN? Проверь-ка, Ассад.

– Позвольте мне, – Роза толкнула кресло, угодив подлокотником прямо в бедро Ассаду.

С минуту побарабанив по клавиатуре, она выудила из просторов Интернета изображение автомобиля «Тулин А 1920⁹» и пары «Виллис-Найт» 1927 и 1928 года выпуска.

Ассад напоминал именинника, который распаковывает подарки.

– Итак, Карл, сейчас мы все и узнаем, – сказал он, когда Роза ввела в поисковое поле названия всех трех моделей сразу.

– Эге-гей! – прокричал Ассад, улыбаясь до ушей.

Сложный поиск выдал всего лишь три результата. К их делу явно относился самый первый:

«Ралли “Вокруг Борнхольма” 1997 год (серия фотографий)

<http://www.bornholmsmotorveteraner.dk>»

И сразу были рассеяны все сомнения относительно того, что означают буквы «BMV/BR». Таинственная аббревиатура расшифровывалась просто-напросто как «Bornholms Motor Veteraner/Bornholm Rundt»¹⁰.

Ассад буквально прыгал на месте от возбуждения. Довольно странно было наблюдать за ним, учитывая его не очень спортивную фигуру и вполне зрелый возраст.

– Да-да, Ассад. Теперь нам осталось только выяснить, где был сделан этот снимок, как эта страница с фотографиями попала к Хаберсоту, кем является человек на снимке, если кто-то вообще это знает, а кроме того – виновен ли он в совершении преступления; где он находится в данный момент и каким образом Хаберсот...

Ассад перестал прыгать.

– Карл, замолчи, – перебила его Роза. – Я проверю, работает ли принтер Хаберсота, и попробую распечатать всю доступную информацию об автоклубе, хорошо? Попробуем начать с этого.

Карл вытащил из кармана телефон и в который раз констатировал, что батарея почти разряжена. Он набрал номер комиссара полиции Биркедаля.

– Говорит Карл Мёрк. Хочу сообщить вам две вещи, – лаконично произнес он, когда установилось соединение. – Мы забираем все материалы, собранные Хаберсотом, в Управление полиции, хорошо?

– О да, думаю, наследники будут счастливы. Но зачем вам это?

– Нам попросту стало любопытно – должен же хоть кто-то проявлять любопытство... А во-вторых...

– Карл, – прервал его Биркедаль, – если вас интересуют какие-то подробности, вам стоит побеседовать с человеком, который в свое время официально занимался этим делом. Это добродушный парень, так что приберегите ваши насмешки для него, ладно? Он настоящий работяга и прекрасно справляется со своими обязанностями. Так что переключаю вас на него. Его зовут Йонас Равно.

– Я хотел бы выяснить кое-что еще. Удалось ли вам обнаружить в жилище Бьярке Хаберсота что-то, о чем нам необходимо знать? Мотивы самоубийства, например?

⁹ Модель автомобиля, выпущенная компанией AB Thulinverken в 1920 г.

¹⁰ «Автоветераны Борнхольма/Вокруг Борнхольма» (дат.).

– Нет, ничего. Его компьютер битком набит порнографическими фотографиями гомосексуальной направленности да какими-то старыми играми.

– Пришлите его нам, когда закончите ваши процедуры, хорошо?

– Ну, тогда пеняйте на себя. Переключаю на Равно.

Из трубки послышался усталый голос, который отнюдь не стал бодрее, когда Карл сообщил, по какому поводу он позвонил.

– Хотите верьте, хотите нет, но я изо всех сил старался помочь Кристиану Хаберсоту, – произнес утомленный человек на другом конце провода. – Проблема заключалась только в том, что у нас с ним ничего не вышло, к тому же одновременно приходилось работать над множеством других дел – и тогда, и после. Как ни крути, все-таки почти двадцать лет прошло, не забывайте.

Карл кивнул; ему не надо было объяснять специфику этой работы. Если и можно быть уверенным в чем-то в этой жизни на сто процентов, так это в том, что преступления как совершались, так и будут совершаться.

– Хаберсот подозревал мужчину из «буханки», которого выделил в фотоальбоме девяносто седьмого года. У вас есть предположение, кто мог дать ему этот альбом? И еще – делился ли он когда-нибудь своими подозрениями с вами?

– Мы с Кристианом не обсуждали это дело в течение последних пяти-шести лет. Вернее, я даже запретил ему возвращаться к нему в разговоре со мной, если только у него не появятся какие-то действительно существенные новые подробности. Он должен был лишь исполнять свои обязанности в патрульной службе. И потому я исхожу из того, что едва ли мы сталкиваемся здесь с какой-то существенной деталью. Очевидно, он откопал это в последние годы.

– А как насчет вас? Попадались ли вам в связи с данным делом какая-либо деталь, которая позволила бы прийти к некоему глобальному заключению? Как вы видите это дело сегодня?

– Имеются некоторые теории...

– И к чему сводится их суть?

– Если предположить, что произошел несчастный случай, то водитель транспортного средства, очевидно, находился в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, поскольку не обнаружено следов торможения. А если это был не несчастный случай, а умышленное убийство, то у нас напрочь отсутствует мотив. Она не была беременна, пользовалась большой популярностью – зачем было ее убивать? Можно предположить убийство на почве полового извращения. Совершить такое мог, например, психически нездоровый человек, которому внезапно взбрело в голову кого-то пристукнуть. Но, опять же, должна быть какая-то причина, зачем Альберте понадобилось в такую рань ехать на велосипеде именно на это место. А причина нам доподлинно неизвестна. Она должна была встретиться с кем-то? И почему именно там? Ибо я полагаю, что она приехала на место встречи, слезла с велосипеда и принялась ждать. При чем поставила велосипед в некотором отдалении – в противном случае при столкновении она наткнулась бы на его металлические детали и оказалась бы сильно покалечена. А мы не обнаружили на велосипедной раме ни единого следа крови. Я думаю, она приехала на место встречи слишком рано и ждала, прогуливаясь вокруг. Вполне может быть, что свидание планировалось как раз с тем человеком, который сотворил с ней это безобразие...

– Есть у вас предположения, кого она ожидала? Мужчину из автомобиля?

– Да, именно так. Нам известно, что у нее имелся парень, это зафиксировано в рапорте, – как и тот факт, что он жил на острове. Но я не смог выяснить, когда именно он пропал – до или после трагедии.

– У вас есть его имя и бывший адрес проживания?

– Вероятно, он жил во временном лагере на фермерском участке рядом с Элене, но его имя установить не удалось. Фермер, сдававший в аренду участок земли под лагерь, не заключал никаких договоров, он сразу получал наличными пять тысяч крон за оговоренный период. И – да, ему пришлось заплатить налоги в полном соответствии с законом.

– Вы сказали «вероятно». Каким образом вы вышли на него? В рапорте об этом не упоминается.

– Честно говоря, я уже не помню. Вполне может быть, тут заслуга Хаберсота. Он ошибался там по двадцать четыре часа в сутки.

– Хм... За какой период фермер получил оплату?

– За шесть месяцев в девяносто седьмом году. С июня по ноябрь.

– У нас есть описание арендатора?

– Да. На вид двадцати с чем-то лет, скорее даже ближе к тридцати. Опрятный молодой человек, длинные темные волосы, одежда похожа на стиль хиппи. Армейский жакет с нашивками: «Атомная энергетика? Спасибо, не надо!», и все в таком духе.

– И?..

– Ну, вот, собственно, и все.

– Негусто, черт возьми... И вы уверены, что фермер-арендатор сообщил вам все известные ему факты?

– Искренне надеюсь, ибо он умер три года назад.

Мёрк покачал головой и завершил разговор. Нельзя позволять уголовным делам так долго жить.

– Карл, я должна тебе кое-что сказать, и я совсем не уверена, что это тебе понравится, – встрепенулась Роза. К чему, черт возьми, эта дьявольская улыбочка? – Я забронировала нам номера в гостинице еще на две ночи.

– Отлично. А в чем проблема?

– Ну, в принципе никакой проблемы и нет, если не считать, что ваши с Ассадом номера оказались уже заняты на эти даты.

– То есть мы переселяемся в другую гостиницу, так? – осторожно предположил Ассад. Это не к добру, подумал Карл.

Роза посмотрела на них так, словно они были трудными подростками. Значит, дело не в другой гостинице.

– Ну, тогда, значит, мы переезжаем в другие номера? – не сдавался Ассад.

– Точно. К сожалению, все одноместные номера оказались заняты, и мне ничего не оставалось, как забронировать вам один двухместный. С двуспальной кроватью, двойным одеялом и прочими прелестями. Представляете, как вам будет уютненько?

Глава 13

Октябрь 2013 года

Стройная женщина с чемоданом стояла на площади перед желтым зданием, прислонившись к одному из флагштоков, как грациозная скульптура. Гордо возвышаясь над площадью, она демонстрировала свою блестящую коричневую кожу и словно издевалась над генами, которые давным-давно подавили малейшие проявления смуглости здесь, на далеком севере. Словно издевалась над двадцатью годами, в течение которых Пирьо посвящала Ату и его миру всю себя в надежде, что наконец-то ей удастся завоевать его сердце. Но эта темнокожая женщина оказалась слишком красивой и изысканной, она была на удивление идеально сложена, угрожающе нестандартна и экзотична.

Пирьо на некоторое время задержалась в седле скутера, размышляя о том, не вернуться ли ей обратно. Однако с рациональной точки зрения в этом не было никакого смысла. Теперь, когда девушка зашла настолько далеко, даже десяток диких мустангов не помешают ей самостоятельно отыскать дорогу в Академию. У Пирьо внутри все задрожало.

И все-таки, прежде чем пойти на крайние меры – а Пирьо уже поняла, что без крайностей скорее всего не обойтись, – надо было попробовать другие методы.

– Привет, – бросила она девушке как можно естественнее и бодрее, пересекая площадь. – Я – Пирьо, ты вела со мной переписку. Я вижу, что, несмотря ни на что, ты все-таки приехала. Мне действительно искренне жаль, однако, как я тебя и предупреждала, ты проделала свой долгий путь совершенно напрасно.

Пирьо снисходительно улыбнулась гостье, обычно это срабатывало.

– Но раз уж ты оказалась здесь – несомненно, вследствие недопонимания и плохо организованного процесса коммуникации с нашей стороны, – мы решили за наш счет отправить тебя обратно в Лондон. А потому ты можешь...

– Привет, Пирьо, рада видеть тебя, – невозмутимо оборвала ее девушка на полуслове. – Да, я действительно Ванда Финн. – Она с невинной улыбкой протянула руку, словно не слышала ни единого слова из того, что только что ей говорили. Но Пирьо было не провести. По взгляду и улыбке стоявшей перед ней женщины она поняла, что мулатка с соблазнительными скулами не успокоится, пока не окажется лицом к лицу с Ату.

– Прекрасно, Ванда, но мы уже приобрели для тебя обратный билет, разве ты не слышала?

– Слышала. Большое спасибо за заботу. Но я все-таки хотела бы встретиться с Ату Абаншамашем Думузи, и пока это не произойдет, я не могу уехать. Я прекрасно поняла, что на ближайшие курсы не осталось свободных мест, но я ведь могу просто его увидеть?

Пирьо кивнула.

– Понимаю тебя, но вынуждена с сожалением сообщить, что в данный момент Ату в отлучке.

На мгновение мулатку охватило разочарование, но она тут же взяла себя в руки:

– Хорошо, тогда я подожду. Я знаю, что в двух минутах ходьбы отсюда располагается гостиница «Свободный каменщик». Я проверила из дома – и выяснила, что там есть свободные номера. Так что я вполне могу подождать несколько дней. Я отправлюсь в гостиницу, а вы перезвоните мне, когда он вернется. Номер моего мобильного есть в имейлах.

Чаще всего хищник атакует свою жертву после длительного этапа глубокой концентрации и терпеливого выжидания. Змея притворяется мертвой, тигр плотно прижимается к земле и замирает, сапсан застывает в воздухе перед пикированием на добычу. Вот так и эта женщина с чересчур спокойным и сосредоточенным взглядом четко знала, чего хотела. Она словно вся светилась пониманием того, что ее приезд вызвал серьезное сопротивление.

Что она прекрасно знала, на что шла. И что она знала все слабые места в системе, как будто была в курсе особой восприимчивости Ату и имела представление о шаткой позиции Пирьо в этой игре. Кажется, она даже понимала, в какой момент лучше нанести удар.

И все же здесь она ошибалась – ибо, хотя Пирьо переживала не лучший период своей жизни, до демонстрации собственной слабости и уязвимости ей было далеко. Поначалу она только колебалась относительно методов, какими ей стоит воспользоваться, но теперь даже эти сомнения улетучились. Пирьо уже прибегала в подобных ситуациях к радикальным решениям и действиям – и всегда успешно реализовывала свой замысел без малейшего раскаяния.

В конце концов, не Пирьо бросила вызов. И эта девчонка еще пожалеет о том, что решила испытать судьбу.

– Гостиница «Свободный каменщик»? – переспросила она. – Как хочешь. Но разве тебе не жалко тратить свои сбережения на размещение в гостинице? Давай-ка все-таки попробуем устроить короткую встречу с Ату, после которой ты сможешь сразу вернуться домой. Я думаю, что Ату, скорее всего, бродит где-нибудь на юге острова, ну или на равнине под названием Стора Альварет. Он часто отправляется туда помедитировать и обрести душевный покой. Конечно, он предпочитает, чтобы ему не мешали, но раз уж ты так настаиваешь, можно попробовать...

Пирьо улыбнулась как можно более искренне. По всей видимости, гостье понравилась эта идея.

– Но только, Ванда, я предупреждаю сразу, чтобы не было никаких разочарований: после этого я отвезу тебя обратно на станцию. Обратный рейс в Копенгаген отправляется завтра рано утром, так что у нас еще куча времени.

Ванда кивнула на хрупкий багажник скутера, где лежали шлемы и саперная лопатка.

– А что делать с моим чемоданом? – спросила она. – Он ведь тут не поместится.

– Да, ты права. Сдадим его в камеру хранения. Мы вернемся уже через несколько часов.

Девушка кивнула. Было очевидно, что решение о своем багаже она планировала принимать совместно с Ату. Наверняка рассчитывала в конце концов перевезти свое барахло туда, куда изначально стремилась...

– Ванда, ты когда-нибудь ездила на скутере?

– Там, откуда я родом, все только на них и ездят.

– Прекрасно. Подбери подол юбки и держись за мою куртку. Я не люблю, когда держась за талию.

* * *

Пирьо взяла себя в руки и подключила все свое обаяние, на какое только была способна. Главное, чтобы Ванда Финн ничего не заподозрила. Чтобы девушка наслаждалась поездкой и живописными пейзажами, пребывая в непоколебимой уверенности, что первый этап на пути завоевания безраздельного внимания Ату Абаншамаша протекает совершенно гладко.

– Эланд – фантастическое место, так и знай. Когда ты в следующий раз сюда приедешь, я устрою тебе экскурсию получше; и все же я могу и сейчас показать кое-какие достопримечательности острова, пока мы едем, – кричала Пирьо.

Ванда сидела сзади, легонько придерживаясь за куртку Пирьо, и смотрела на море и обетованный край. По обе стороны моста через Кальмарсунд волны взбивали морскую воду в густую пену, ветер дул с восточной части материковой Швеции, неся с собой ощутимую прохладу.

«Как только доберемся до ветрогенераторов на вершине холма, надо будет выбрать место, чтобы сбросить ее, – думала Пирьо. – Надо постараться, чтобы она упала жестко и неожиданно, и желательно расшиблась бы насмерть от удара, иначе придется ей “помочь”».

– Тут на острове полно ветряков, – кричала она. – Ни одна семья ни с кем не захотела делить источник энергии, и тогда они разделили между собой земельные участки и на каждом установили свой ветряк. Проблема заключалась в том, что впоследствии люди стали делить землю между членами одной семьи, и в итоге наделы оказались настолько крошечными, что с них стало невозможно кормиться. В конце концов люди уехали с острова, чтобы не погибнуть от голода.

Пирьо поняла, что Ванда кивает у нее за спиной, а также то, что пассажирке, судя по всему, глубоко безразлична история Эланда, – и это было только на руку Пирьо. Она имела возможность сосредоточиться на том, чтобы совершить задуманное без ошибок и воспользоваться боковым ветром.

Несмотря на время суток и сезон, на дороге попадалось довольно много автомобилей. По всей видимости, именно в эти дни сразу нескольких художников организовали у Виклебю и Кастлесе свои вернисажи, выставки и другие мероприятия, в связи с чем ценители искусства с материка устремились в своеобразные турне по Эланду. Лишь южнее этих городов движение становилось не столь плотным. Но напряженный трафик давал свои преимущества.

«Как мне реагировать на ее вопросы?» – думала Пирьо. Пару раз они уже проезжали мимо указателя на Альварет, и Ванда снова и снова интересовалась, почему они не сворачивают.

– Еще рано, – кричала в ответ Пирьо. – Ату предпочитает более южные районы. Знаешь, там побольше всяких нераскопанных археологических памятников.

– А, так вот зачем вам лопата, – догадалась Ванда.

Пирьо кивнула и устремила взгляд в даль. Возможно, лучше всего отправиться в Геттлинге, там уж точно есть отвесные обрывы. И хотя она не могла подъехать к уступу вплотную и сбросить Ванду вниз прямо с седла скутера, это было, наверное, лучшее место для осуществления альтернативного плана.

Пирьо чувствовала, как внутри нее постепенно нарастает волнение, однако нельзя сказать, что она нервничала. Если б она собиралась впервые избавиться от соперницы, наверняка ощущения были бы иные, – но все это она уже проходила.

– Мы остановимся у Геттлинге, это одно из любимых мест Ату. Не обещаю, что сегодня мы непременно застанем его там, но, по крайней мере, ты хоть посмотришь.

Ванда слезла со скутера и улыбнулась, услужливо благодаря Пирьо за проницательность и интересное предложение.

– Нет, к сожалению, я что-то нигде его не вижу, – сказала Пирьо, скользя взглядом по ландшафту. – Но оглядись вокруг, прежде чем мы отправимся дальше. Это особенное место, – продолжала она, махнув руками в направлении представляющего историческую ценность причудливого скопления камней, формирующих очертания корабля.

– Впечатляет, – кивнула Ванда. – Своего рода Стоунхендж, только поменьше, да? А вон там еще и старинная мельница... Здесь находится одно из захоронений викингов? – спросила она.

Пирьо кивнула и осмотрелась. Их окружал выжженный и плоский ландшафт, а самое главное – абсолютно безлюдный. Позади, по другую сторону шоссе, лежала бесплодная равнина Стора Альварет, столь же пустынная.

Здесь, на этой стороне дороги, за захоронением как раз был уступ. Правда, он оказался заросшим деревьями и кустарником, но ничего – в этом есть свои преимущества. По крайней мере, ей не придется самой избавляться от тела – оно и так будет незаметно в густых

зарослях. А если труп когда-нибудь и обнаружат, кто свяжет находку с женщиной по имени Ванда Финн? Не говоря уж о том, что никто не восстановит цепочку до нее самой, Пирьо...

В общем, она пришла к выводу, что место просто превосходное. Надо было лишь убедиться, что на участке шоссе между равниной и захоронением нет машин.

– Ванда, подойди сюда! – крикнула она, стараясь контролировать голос и не допуская ни единой фальшивой нотки. – Отсюда видно, как сформирован остров и почему жители покинули его.

Пирьо показала на низменность у подножия скалы, занятую сельскохозяйственными угодьями, и далее на запад в сторону поселений у кромки пролива Кальмарсунд по обе стороны сверкающего волнующегося моря.

– На противоположной стороне пролива виднеется Кальмар, откуда ты приехала, – ни на секунду не замолкала Пирьо. – Здесь, на плато, в течение нескольких десятилетий прошлого века проживали крестьяне; они до бесконечности делили и перераспределяли свои земельные наделы, как я уже рассказывала.

Она подвела Ванду к обрыву и повернула лицом к себе. Пульс ее участился.

– А теперь посмотри на пейзаж по другую сторону шоссе. Там лежит Стора Альварет, где сейчас, возможно, находится Ату. Всего сто лет назад там были плодородная земля и замечательные пастбища, но крестьяне нещадно эксплуатировали природу, скот вытоптал всю траву. – Она схватила Ванду за руку. – Как такое возможно, чтобы люди не смогли найти общий язык и сообща прокормиться на столь плодородной земле?

Ванда покачала головой. Она казалась совершенно спокойной и расслабленной, так что решаться надо было именно сейчас, пока дорога была пустой.

– На мой взгляд, можно было бы по праву назвать Эланд островом человеческого эгоизма, памятуя о том, что большинство жителей оказались не способны к взаимодействию и были вынуждены в конце концов покинуть территорию, чтобы не умереть с голоду, – подытожила Пирьо и крепко вцепилась в руку Ванды, одновременно изо всех сил толкнув ее бедром в поясницу.

Эффект оказался ровно таким, на какой рассчитывала Пирьо. Торс Ванды отклонился назад, она отчаянно замахала свободной рукой. Затем сделала шаг назад – и, не найдя опоры, через мгновение должна была сорваться и падать, падать, катиться вниз, натываясь на растения, пни, крупные камни. Это должно было быть жуткое падение, которое запросто могло закончиться смертью. А даже если нет – саперная лопатка помогла бы поставить точку в этой истории.

И Ванда действительно упала, только не одна. Ровно в ту секунду, когда утратила равновесие, она схватилась свободной рукой за Пирьо.

В результате обе женщины рухнули на склон, сцепившись в клубок. Две пары ног, торчащие из клубка, то и дело натывались на стволы деревьев. И поскольку тормозить о попадавшие на пути преграды четырьмя ногами эффективнее, нежели двумя, падение замедлилось и прервалось, прежде чем склон стал действительно отвесным; и женщины с переплетенными конечностями очутились на подстилке из хвороста и сгнивших листьев, выпучив друг на друга глаза.

– Вы что, собирались меня убить? – прошипела Ванда Финн, выдергивая руку, так что пальцы ее запутались в низко нависающих ветвях и обнаженных корнях.

Пирьо пребывала в состоянии шока. Не только из-за полученных травм и последствий неудавшейся попытки убийства, но из-за того, что рухнули ее планы на ближайшее будущее. Теперь Ванда не станет сомневаться в странности происходящего и будет крайне бдительна.

Как же все-таки воспрепятствовать ей увидеться с Ату? Как помешать этой женщине высказать свои подозрения единственному человеку, который уж точно не должен ничего об этом знать?

– Я эпилептик, – симпровизировала Пирьо, уткнувшись лицом в землю и сделав вид, будто не может сдержать дрожи во всем теле. – Мне ужасно жаль. Припадок не самый сильный, но я все равно должна была почувствовать его приближение заранее. Но почему-то ничего не почувствовала... Мне действительно очень и очень жаль, Ванда. Как же жутко могло все закончиться!

Она попыталась выдавить из себя слезу, но не смогла. Накопив немного слюны, выпустила ее из уголка рта.

– Поднимайтесь, – сказала Ванда без малейшего сострадания.

Она встала и потянула за собой Пирьо, у которой от активного мыслительного процесса закипали мозги.

В конце площадки с захоронениями стоял домик с архаичными туалетами. Сиденье, сколоченное из досок, и выгребная яма прямо в земле – точь-в-точь как строили наши предки. Пирьо бывала здесь прежде и наизусть знала стишок, написанный на стене корявыми буквами каким-то недоумком:

Эй вы, засранцы и скоты,
Пришедшие сюда погадить,
Имейте совесть и оставьте
И мне клочок бумаги, бога ради!

Пирьо не раз приходило в голову, что, вероятно, худшая казнь для человека – быть засунутым в выгребную яму и задохнуться в чужих экскрементах.

Может, стоило попробовать этот вариант? Получится ли у нее запихнуть Ванду в туалет и засунуть в «очко»?

Пирьо отчетливо осознала, что мысли ее вертятся по кругу. Что ее затея обернулась каким-то сумасшествием. Что рухнули все ее надежды на триумф.

Сейчас она была прямо-таки сама не своя.

«О боже мой, она явилась, чтобы занять мое место, я это знаю, – думала Пирьо. – Она выносит детей Ату и превратит меня в обычную экономку, а может, не доверит мне даже и таких обязанностей...»

Было от чего сойти с ума. Почему она не сумела предотвратить эту катастрофу? Почему не попыталась оклеветать девушку в глазах Ату? Да и вообще – зачем она ответила на ее обращение? Почему, почему?

– Если вам нехорошо, я могу сесть за руль на оставшуюся часть пути, – услышала она голос Ванды из-за спины.

Пирьо повернулась к женщине в рваной одежде, которая протянула к ней руку.

– Давайте ключи! – произнесла Ванда с недвусмысленным взглядом. Она была начеку – на то имелись основательные причины. – Какой дорогой поедем? – спросила гостя, заводя мотор.

Пирьо указала путь.

– Обратно по шоссе к Ресмо, затем направо в Альварет. Нам потребуется не больше десяти минут на то, чтобы добраться туда.

Значит, все произойдет на равнине. Каким именно образом, она пока понятия не имела, но точно знала, что все случится там.

Глава 14

Пятница, 2 мая 2014 года

Провести ночь в двухспальной постели рядом с Ассадом оказалось довольно опрометчивой затеей.

То, каким образом такое относительно маленькое существо способно производить настолько разнообразный набор звуков, было вне сферы понимания Карла. По крайней мере, раньше ему никогда не доводилось слышать, чтобы человек испускал подобные рулады, начинающиеся инфразвуковым похрапыванием и завершающиеся скрипучим свистом вышедшего из строя церковного органа. Степень напористости этого соло могла сравниться лишь со степенью глубины Ассадова сна. Короче говоря, Ассад спал не просто как камень, но как целая скала, скорее даже, как грохочущий вулкан, пришло в голову удрученному Карлу где-то между тремя и пятью часами утра.

Когда храп наконец прекратился, Мёрк вздохнул с облегчением, но буквально через пару секунд невнятные звуки сменились точно таким же невнятным бормотанием, полившимся из широко открытого рта Ассада.

Поначалу Карлу спросонья показалось, что тот несет полную окоlesiцу или даже говорит по-арабски, однако вдруг из бубнящего речевого потока он вычленил несколько датских слов, отчего сон Карла вновь как рукой сняло.

Ассад только что произнес «убивать»? И еще сказал «я никогда не забуду» и начал корчиться на простыне. Слова были произнесены не слишком четко, однако было понятно, что его внутренний мир взбаламучен. Это было так же очевидно, как и то, что после услышанного Карл точно не сможет сомкнуть глаз.

И потому, буквально умирая от усталости, он оказался не в состоянии ответить взаимностью на широкую улыбку Ассада, когда кудряш наконец открыл глаза.

– Ассад, клянусь, ты разговаривал во сне, – только и успел произнести Карл, как вдруг с улицы послышалось женское завывание.

Мёрк вытянул шею в окно, не вставая с кровати. Судя по всему, женщина стояла у самого входа в гостиницу, потому что он ее не видел.

Ассад переспросил его как-то чересчур флегматично:

– Я говорил во сне? И что же я сказал?

Карл повернулся к своему коллеге и собирался адресовать ему обезоруживающую улыбку, но тот сидел, прислонившись ссутуленной спиной к изголовью кровати, и был исключительно серьезным и бледным, как солдат, который только что донес на своих боевых товарищей.

– Да ничего особенного, Ассад. И вообще было сложно что-то разобрать. Но ты говорил по-датски и был чем-то недоволен. Тебе снились кошмары?

Он нахмурил густые брови и собирался ответить, когда женщина на улице снова заголосила.

– Джон, я знаю, что ты там! – кричала она. – Я тебя застукала, понимаешь? Я застукала тебя вместе с ней!

Карл вскочил с кровати и подбежал к окну, из которого увидел на лестнице перед входом симпатичную женщину средних лет. Она стояла и рычала, как бойцовая собака, почуявшая запах крови. Глаза ее дико вытаращились, кулаки были стиснуты.

Черт возьми, значит, Роза все-таки заманила в свои сети Джона Биркедаля.

Бедный, бедный мужик...

* * *

– Предлагаю сегодня разделиться, – высказался Карл за завтраком, изо всех сил пытаюсь активизировать мышцы, поднимающие веки. Как только оба коллеги уйдут, он украдкой прошмыгнет в номер и постарается немного восполнить дефицит сна, явившийся следствием минувшей ночи.

– Я тоже думаю, что так будет лучше, – согласилась Роза, уже при полном черном облачении, как злая королева из «Белоснежки». Ни слова об утренних баталиях, никакого сожаления в связи с ночными похождениями. Сцена, развернувшаяся на площади перед гостиницей между мужем и женой, судя по всему, уже отошла в прошлое в представлении Розы. Она казалась вполне бодрой и удовлетворенной. Интересно, а каково было после всего произошедшего Биркедалю?

– Я отправлюсь в дом Хаберсота и начну паковать материалы, – продолжала Роза. – Еще вчера я договорилась с местной мувинговой фирмой, они приедут за мной через двадцать минут.

Карл одобрительно кивнул. Значит, от нее он скоро избавится.

– А еще я выяснила, что сестра Юны Хаберсот проживает в доме престарелых совсем недалеко отсюда. Может, займешься ею, Ассад? – добавила она. – Поскольку именно ты поспособствовал тому, чтобы Юна наотрез отказалась сообщать нам, что ее муж упоминал о своем расследовании, считаю вполне правомерным назначить тебя ответственным за распрос ее сестры. Возможно, Юна когда-то ей жаловалась.

Ассад отреагировал на этот выговор абсолютной невозмутимостью. Как ни крути, Роза оставалась Розой, тем более что в данный момент он гораздо больше был озабочен другим: как бы аккуратно насыпать сахар в кофе, чтобы из чашки не пролилось ни капли.

Затем Роза бесстрастно обратилась к Карлу, игнорируя его бледность и молчаливое возмущение тем фактом, что она взяла на себя распределение ролей.

– Кроме того, Карл, на девять тридцать я назначила для тебя визит в Борнхольмскую народную школу. После школы можешь также посетить прежнего директора с супругой, если захочешь, но я, естественно, исхожу из того, что захочешь. Они живут недалеко оттуда.

Как, скажите на милость, ей удалось успеть так много, учитывая еще и тесное общение с Биркедалем?

Тяжко вздохнув, Карл взглянул на часы – пять минут десятого. То есть у него было чуть меньше десяти минут на то, чтобы попытаться возбудить у себя аппетит, поесть, выпить кофе, побриться и вздремнуть, причем в последнем пункте он нуждался больше всего.

– Роза, я думаю, тебе надо позвонить в народную школу и перенести мой визит. Сначала мне нужно сделать еще кое-что.

Она улыбнулась, как будто ждала такого ответа.

– Можно и перенести, но тогда уже на послезавтра, потому что завтра школа закрыта в связи с экскурсией. Однако если ты желаешь провести в гостинице пару лишних ночей, я не против. На другом берегу нас вроде никто не ждет.

Карл кивнул, смирившись с тем, что бесполезно предлагать этой зазнайке перенести визит на более позднее время в рамках текущего дня. В данный момент она символизировала для него одновременно нюрнбергского палача, гвоздь в гробу и камешек в ботинке.

– А когда вы выполните свои задания, думаю, вам стоит приехать ко мне в Листед, чтобы помочь с упаковыванием. Вероятно, ты освободишься первым, Ассад. Тогда возьми такси. Что скажешь?

– Скажу, что я никогда не пробовал такого чудесного кофе, – ответил Ассад, размахивая перед коллегами кофейной чашкой. Карл вынужден был признать свое поражение.

– Ассад, мне кажется, тебе лучше поехать со мной, – выдавил он из себя. – А сестра Юны Хаберсот пусть пока подождет.

Вдруг у Карла зазвонил телефон. Он взглянул на дисплей с враждебностью и благоговением в равных долях.

– Да, мама. Что такое?

Она ненавидела эту фразу. Иногда эта фраза даже была способна полностью парализовать ее, и разговор заканчивался, не начавшись. К сожалению, на этот раз слова Карла не вызвали ни малейшего раздражения – она продолжила говорить как ни в чем не бывало.

– Есть новости от Сэмми из Таиланда. Ну да, он позвонил домой за счет адресата, но бог с ним, главное – то, что он рассказывает, не лезет ни в какие ворота, если хочешь знать мое мнение. Он отправился туда, чтобы уладить все дела, – и что бы ты думал?

Карл откинул голову назад. Слава богу, воспоминания о Сэмми и о причине, по которой ему в данный момент приходилось мотаться по одному из любимых мест для отдыха, принадлежащих датской короне, улеглись где-то в той части мозга, которую Карл редко беспокоил.

– Сэмми жутко недоволен, и я прекрасно его понимаю, ибо Ронни уже отправил свое завещание какому-то третьему лицу. Выглядит так, будто он не мог положиться на собственного брата, правда?

Завещание Ронни. Оставалось надеяться, что в данном документе тот ограничился исключительно распределением незаконно нажитого имущества. Но у Мёрка не было сто-процентной уверенности в этом.

Почему всякий раз, как только всплывает имя Ронни, у Карла появляется неприятный привкус во рту?

– Если б Сэмми был моим братом, я предпочел бы уйти жить в приемную семью, – отрезал Карл.

– И-и, Карл, засранец ты этакий... Ты всегда был мастер выдумать какую-нибудь ерундовину. Мы с отцом ни за что не позволили бы тебе так поступить.

* * *

Народная школа располагалась в очень подходящем месте – в окружении полей и лесов, как раз напротив живописного Эккодалена, вероятно, основной достопримечательности Борнхольма, посмотреть на которую стекались толпы школьников со всей Дании в период пребывания в неизменно организуемых в этой местности лагерей. Карл не раз слышал об Эккодалене, однако никогда здесь не бывал, потому что там, где он вырос, было принято ездить не на Борнхольм, а в Копенгаген, и пиком развлекательной программы считалось до рвоты укататься на американских горках в Тиволи.

Флагшток с плавно танцующим на солнце вымпелом и огромный булыжник с выгравированной надписью встретили их согласно званию. «Народная школа», – гласила надпись. А дальше по ландшафту было раскидано несколько красных и белых зданий, выстроенных в разное время, между которыми росли кусты и живая изгородь; в одном месте возвышался самодельный тотемный столб, чуть поодаль виднелся миниатюрный кофейный павильон.

Перед входом в административное здание их ожидала миловидная рыженькая девушка, при виде которой Ассад сразу же приосанился, насколько это было возможно.

– Добро пожаловать, – поприветствовала она их и сразу предупредила, что во времена Альберты еще не работала в школе, в отличие от завхоза. – У нас остались журналы с того самого года, а наша прежняя директорша еще и вела дневник на протяжении всего долгого периода руководства заведением. Правда, сомневаюсь, что у нее нашлось много комментариев к делу об Альберте.

Ассад закивал, как одна из плюшевых собачек, которые болтаются у заднего стекла в некоторых автомобилях.

– В таком случае нам бы очень хотелось поговорить с тем самым завхозом, – высказался он, полуприкрыв глаза и явно заигрывая с девицей. – Но, может быть, вы могли бы провести нас по окрестностям, чтобы мы получили представление о том, как здесь жилось Альберте?

«Черт его знает, на фиг я вообще сюда приперся, они и без меня прекрасно справятся», – подумал Карл, наблюдая усердие Ассада. Возможно, ему все же удастся прокрасться вечером на борт парома, оставив помощников справляться с заданием без его руководства. Еще одна ночь под рулады Ассада доконает его.

– Многие здания построены гораздо позже, как вон те два дома у дороги, в одном из которых расположена стекольная мастерская, – продолжала девушка. – Но вы можете посмотреть, где Альберта ела, рисовала и ночевала.

* * *

Экскурсия затянулась, и Ассад пребывал в восторге.

– Что они ели на завтрак? Они пели по утрам? Когда сидели у камина?

И только с появлением завхоза Йоргена, прекрасно сохранившегося малого со слегка седеющими висками и подтянутой фигурой ремесленника, экскурсия действительно обрела какой-то смысл. Этот человек, по всей видимости, обладал отменной памятью, и интерес Карла обострился. Йорген работал в школе аж с 1992 года, но 1997 год запечатлелся в его памяти гораздо ярче остальных в связи с исчезновением Альберты и поднятой впоследствии кутерьмой.

– Она пропала в день праздника в честь окончания строительства новой мастерской; у меня было полно работы, и я хорошо запомнил эту дату. – Он повел их к скоплению низеньких бунгалов из желтого кирпича. – Вот тут. Она жила здесь, в здании под названием Стаммерсхалле. У всех зданий забавные названия – Хеллидоммен, Дёндален, Рандклёве... Только не спрашивайте меня, откуда они взялись, иначе придется долго объяснять.

– Ладно. Комната для одного человека, – заметил Карл. – Окно выходит на полянку. То есть она запросто могла принимать ночных гостей с этой стороны, верно?

Завхоз улыбнулся.

– Все возможно, когда молодежь веселится по ночам, не так ли?

Карл на секунду вспомнил про Розу и покачал головой. Он и думать не смел о том, как бы она повела себя в подобной ситуации.

– Однако полиция допросила других девушек, проживавших в том же домике, и никто из них не считал, что по ночам к ней приходил мужчина. Они услышали бы, ведь стены-то совсем тонкие.

– Какой вы ее помните? В ней было что-нибудь необычное?

– Ну, как сказать... Вероятно, она была одной из самых красивых девушек среди тех, что приезжали в школу. И не только из-за фантастических черт лица и глаз, но и потому, что она двигалась как настоящая принцесса. У нее была особая походка; она, как Грета Гарбо, почти что порхала над землей. Она была не очень высокой, и все-таки, я думаю, ее всегда выделяли из толпы, если вы понимаете, о чем я.

Карл кивнул. Он видел фотографии Альберты.

– Кто такая Грета Гарбо? – полюбопытствовал Ассад.

Завхоз посмотрел на него так, словно этот араб свалился с Луны; а может, так оно и было. Кто знал хоть что-нибудь об Ассаде? И что мог знать Ассад? Два неизвестных в одном уравнении.

– И еще она очень красиво пела. Во время пения на утренних собраниях ее голос всегда выделялся на фоне остальных.

– В общем, вы говорите, что она была чрезвычайно привлекательной и «вещью в себе». Вы не припомните, с кем в школе она флиртовала? – спросил Карл.

– Нет, к сожалению, об этом мне ничего не известно. Полицейские меня тоже об этом спрашивали, но разве не эффективнее было бы расспросить кого-нибудь из учеников ее курса? Я могу только сказать, что иногда она ездила на автобусе или на такси в Рённе с кем-то из учеников; там они развлекались. Пили пиво и все такое. Да, бывало, девушки и парни приходили в теплицу и целовались за солнечными батареями, но Альберту я там никогда не видел. Случалось, она каталась на велосипеде. Ей пришлось по душе здешняя природа, она сама об этом говорила, но я не знаю, насколько подробно ей удалось осмотреть окрестности. Я заметил, что она часто уезжала всего на полчаса, а то и меньше.

* * *

– Не так уж много мы узнали нового, – заметил Карл полчаса спустя, когда они сели в машину и направились вниз по дороге к Окиркебю, где проживала супружеская пара, руководившая школой двадцать лет назад.

– Здесь, на Борнхольме, чудесно, – заявил Ассад, задирая ноги на приборную панель и пожирая взглядом окружающий пейзаж. – А секретарша так вообще как конфетка.

– Да уж, даже я заметил ажитацию с твоей стороны...

– Что с моей стороны?

– Возможно, ты бы смог найти себе здесь работу, раз ты настолько впечатлен.

Ассад кивнул.

– Возможно. Здесь такие доброжелательные люди...

Карл повернулся к нему. Он серьезно?.. Кажется, так.

– Тебе, наверное, рыженькие нравятся, да?

– Да нет, не то чтобы... Просто в данный момент я испытываю приятные эмоции, Карл. – Он показал на экран на приборной панели. – У тебя телефон звонит.

Мёрк принял вызов.

– Да, Роза, что случилось?

– Я сижу на втором этаже в доме Хаберсота посреди кучи коробок и бумаг. Вы заметили, что здесь множество папок, забитых стенограммами его интервью с учащимися того самого курса?

– Мы их не просматривали, но да, заметили.

– А я немного полистала. Многие подруги Альберты рассказывали, что она заигрывала почти со всеми парнями и что это жутко раздражало остальных девушек, потому что парни переключали все свое внимание на нее.

– Так, может, одна из девиц и зашвырнула ее на дерево? – пробурчал Карл.

– Очень смешно, господин Мёрк. Но один из школьных парней продвинулся в отношениях с ней чуть дальше остальных, насколько мне стало известно. Они целовались и провели вместе некоторое время, прежде чем она нашла другого.

– Другого?

– Да, но уже не из школы. Однако давай лучше побеседуем об этом чуть позже.

– Да, конечно. Только зачем же ты тогда позвонила?

– Позвонила, чтобы сказать про папки и еще спросить, не удалось ли вам выяснить чего-нибудь про этого парня из школы, с которым она встречалась? Его звали Кристоффер Дальбю.

– Обход школы оказался не особо информативным. Ты говоришь, Кристоффер Дальбю? Мы едем домой к бывшим руководителям школы – попробуем поинтересоваться на этот счет у них.

* * *

Высокому худощавому старику с аккуратной окладистой бородой, облаченному в вельветовые брюки и твидовый пиджак, для полного сходства с оксфордским профессором литературы не хватало только курительной трубки, торчащей из уголка рта. Он провел их на кухню, где весь подоконник был уставлен таким количеством глиняных горшков с ароматическими травами, какого, вероятно, не встретишь даже в питомнике, где разводят эти растения.

– Разрешите представить вам мою супругу Карину.

Им навстречу с улыбкой и объятиями устремилась полная противоположность экс-директору школы Карло Одинсбо. На ней была какая-то многослойная красочная одежда, словно она только что участвовала в сцене из мюзикла «Волосы». Не хватало только тюрбана, сооруженного из трех пестрых платков, иначе можно было бы заподозрить, что они с бывшей женой Карла Вигтой, известной любительницей тюрбанов, вылеплены из одного теста.

– Кристоффер Дальбю, вы сказали? – задумался хозяин над именем, как только усадил гостей за разложенный стол. – Хм, придется нам прибегнуть к помощи анналов. Но давайте для начала выпьем кофе.

Ассад с недоумением взглянул на старика.

– Анналов?

Карл ткнул напарника в бок, чтобы тот молчал.

– Анналы – это старинные записи и книги, Ассад, только и всего, – прошептал он ему на ухо.

Брови сирийца взмыли вверх.

– А-а, – понимающе отозвался он. В его лексиконе появилось новое слово.

– Карина, что скажешь? – спросил бывший школьный начальник у супруги, разливая кофе по чашкам. – Ты помнишь парня по имени Кристоффер Дальбю с курса Альберты?

Она выпатила нижнюю губу. Очевидно, нет.

– Секунду, может быть, мне удастся облегчить вам процесс вспоминания, – с этими словами Карл набрал номер Розы. – Роза, у тебя есть фотография Кристоффера Дальбю? Сфоткай на мобильный и перешли мне.

– Нет, отдельной его фотографии нет. Но есть копия снимка всего курса. Хаберсот отметил на ней всех, с кем он побеседовал, и над каждым приписал имя и фамилию.

– Щелкни, пожалуйста, эту фотографию и скинь мне. – И Мёрк повернулся обратно к хозяевам и банкам с печеньем.

– Прекрасное печенье. – Ассад задержал руку над банками.

Карл кивнул.

– Да. И спасибо вам большое, что вы так тепло приняли нас; здесь очень уютно, впрочем, как и в школе. Говорят, ваша заслуга в том, что во время вашего руководства школа становилась для учеников вторым домом. Там есть все, что нужно, – все эти картины на стенах, новое мини-пианино, удобная гостиная и залы с особой, благотворной атмосферой. Но царила ли в школе всегда такая приятная обстановка? Возникало ли когда-нибудь противостояние между учениками и – или – учителями?

– Ну конечно, – признался экс-директор. – Но только по незначительным поводам, я бы так сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.